

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2013

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2013

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), Н.Л. Галеева, д.ф.н., проф. (Тверь), Л.М. Геллер, проф. (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Л.И. Журова, д.ф.н., доц. (Новосибирск), Г.С. Зайцева, д.ф.н., проф. (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, проф. (Канада, Галифакс), П.А. Лекант, д.ф.н., проф. (Москва), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), В.П. Никишаева, к.ф.н., проф. (Бийск), В.А. Пицальникова, д.ф.н., проф. (Москва), О.Г. Ревзина, д.ф.н., проф. (Москва), В.К. Сигов, д.ф.н., проф. (Москва), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), Ф.М. Хисамова, д.ф.н., проф. (Казань)

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philology_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Е.Ю. Сафронова.** Отказ от правовой защиты героев-жертв в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» как социальный архетип
- П.В. Алексеев.** Русский романтический ориентализм : принципы и проблемы исследования
- А.И. Куляпин.** Миф о настоящем человеке в творчестве В.М. Шукшина.....
- Е.Ю. Викторова.** Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов
- Л.Р. Дускаева.** Особенности рассуждения в русской юрисдикционной речи
- Н.А. Мартянова.** «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре.....
- Е.В. Федяева.** К вопросу об образных конститuentaх *множественности*.....
- Г.А. Сосунова.** Формирование профессиональной таможенной терминологии во французском языке в историческом аспекте

Научные сообщения

- П.А. Чеснялис.** Субъект и сверх-субъект в книге Михаила Зенкевича «Дикая порфира»
- Е.И. Кулаковская.** Музыкальная онтопозитика повести Б. Евсеева «Черногор»
- А.Ю. Колесникова.** Архитектоника художественного мира в поэзиях Олеса Лупия
- О.А. Носкова.** Лингвокогнитивный стиль журналиста : от механизмов обработки информации к языковой картине мира.....
- Чжан Сюеин.** Исследование семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами.....
- Н.А. Разливинская.** Когнитивно-фреймовая модель интерсемиотического перевода (на материале кинотекстов Р. Кастеллани, Ф. Дзеффирелли, Э. Ракова, Б. Лурмана пьесы «Ромео и Джульетта» У. Шекспира).....
- Л.Э. Салихова.** Особенности восприятия и произношения звуков русской речи, отсутствующих в родном языке учащихся начальных классов лезгинской школы

**Коммуникативная парадигма в современной филологии:
человек – язык – текст**

- А.И. Куляпин, А.А. Чувакин.** Филология и коммуникативные науки
во встречном движении : от Бахтина до наших дней
- С.А. Добричев.** О прагматических факторах
в семантико-синтаксической категории конверсности
- Д.А. Кожанов.** Язык науки в механизмах создания
смыслов в художественном тексте.....
- И.В. Рогозина.** Концепт «Интернет»
в американском и русском языковом сознании

Проблемы филологического образования

- С.Е. Родионова, А.Е. Родионова, Т.В. Григорьева.** Самостоятельная
работа студентов-филологов при компетентностном подходе :особенности
использования инновационных образовательных технологий.....

Филология : люди, факты, события

- В.И. Габдуллина.** Вторая встреча российских и казахстанских
ученых-славистов

Критика и библиография

- А.Ю. Маслова.** Грамматика и стилистика современного русского языка
в синхронии и диахронии : очерки / Отв. редакторы С.В. Вяткина,
Д.В. Руднев. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 504 с.

- Резюме**.....
- Наши авторы**.....

CONTENTS

Articles

- E.Yu. Safronova.** The refusal of the practical application of the law as a social archetype in the novel «The Humiliated and Insulted»
- P.V. Alekseev.** Russian romantic Orientalism: Principles and Problems of Research.....
- A.I. Kulyapin.** The myth of a real man in the work of V.M. Shukshin
- E.Yu. Viktorova.** Quantitative approach in discourse markers usage analysis.....
- L.R. Duskayeva.** Features of the reasoning in the Russian law Speech.....
- N.A. Martyanova.** Symbolic notion of the colour-naming words in the Russian lingvoculture
- E.V. Fedyaeva.** The study of *plurality* image constituents
- G.A. Sosunova.** Creation of professional customs terminology in the French language in historical approach

Scientific reports

- P.A. Chesnyalis.** The Subject and Super-subject in the book by M. Zenkevich «Wild porphyry».....
- E.I. Kulakovskaya.** Musical ontological poetics of the story «Chernogor» by B. Evseev
- A.Y. Kolesnikova.** Architectonics of the art world in the poetry by Oles Lupiy
- O.A. Noskova.** Linguocognitive journalist style : from information processing mechanisms to linguistic world-image
- Zhang Xueying.** Semantic feature analysis of idioms with body language elements.....
- N.A. Razlivinskaya.** Cognitive frame modeling of intersemiotic translation (on the material of screen texts by R. Castellani, F. Zeffirelli, A. Rakoff, B. Lurman of W. Shakespeare's play «Romeo and Juliet»)
- L.E. Salikhova.** The features of perception and pronunciation of Russian speech sounds lacked in the native language of elementary Lezghin school pupils

Communicative paradigm in modern philology : person – language – text

- A.I. Kulyapin, A.A. Chuvakin.** Cross-movement
of Philology and Humanities from Bakhtin to our time
- S.A. Dobrichev.** On pragmatic factors
in semantico-syntactic category of converseness
- D.A. Kozhanov.** Language of science in procedures
of generation of meanings in the fictional text
- I.V. Rogozina.** Concept «Internet»
in American and Russian language consciousness

Problems of philological education

- S.E. Rodionova, A.E. Rodionova, T.V. Grigoryeva.** Independent work
of philology students in terms of competency building approach :
characteristics of innovative educational technologies

Philology: people, facts, events

- V.I. Gabdullina.** The second meeting of Russian and Kazakhstan slavists

Critics and bibliography

- A.Yu. Maslova.** Grammar and Stylistics of Modern Russian in synchrony
and diachrony / Editors in chief S.V. Vyatkina, D.V. Rudnev. Saint Petersburg:
Philology Department of Saint Petersburg State University, 2012. 504 p

Summary

Our authors

СТАТЬИ

ОТКАЗ ГЕРОЕВ-ЖЕРТВ ОТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ АРХЕТИП В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОБЛЕННЫЕ»¹

Е.Ю. Сафронова

Ключевые слова: параллелизм криминальных историй, «эгоизм страдания», отказ от применения закона, национальная поведенческая модель, социальный архетип.

Keywords: parallelism of crime stories, «egoism of suffering», rejection of the application of the law, national behavioral model, social archetype.

Своеобразным откликом на кризис российской юридической системы середины XIX века можно считать первый, написанный после каторги роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», ставший лептой писателя в «приближение» судебной реформы, метафорическим призывом к смене парадигмы наказания.

Уже само название романа является первым существенным элементом правового дискурса. В его императивно-констатирующей модальности содержится установление факта правонарушения, его «статьи» и апелляция к правосудию. Продолжая линию защиты «маленького человека» первого романа писателя «Бедные люди» и французского романа В. Гюго «Отверженные», в котором значение слова «Les Misérables» выстраивает синонимический ряд «жалкий, бедный, ни-

¹ Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 годы «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Академическая мобильность» (№ 2013.311.2.91).

щенский, убогий, ничтожный, подлый», Достоевский «разворачивает семантический вектор названия в противоположную сторону, это взгляд изнутри» [Степанова, 1989, с. 242] и акцентирует правовую незащищенность главных героев романа.

В тесноте городского мира человек одинок и обезличен, и если он никаким образом не социализован (не служит, не зафиксирован в сфере дисциплинарных институтов), то оказывается не только неподнадзорным, но и беззащитным, являясь сам потенциальным преступником и создавая вокруг себя криминогенную зону (дочь Смита, Нелли, Наташа). В поле зрения писателя три рода преступлений (основанных на страсти и / или обманутом доверии, на материальном расчете, на произволе власть имущих), объединяет которые причастность к каждому из них князя Валковского. Он является тем Сатаной, который правит балом в криминальном мире Петербурга Достоевского («Нас таких легион») [Достоевский, т. 3, с. 366]¹. Тем не менее князь не является главным героем романа и в этом качестве его организуящим центром. Он постоянно находится в тени своих жертв, которым принадлежит инициатива в организации и развитии событий. Князь олицетворяет собой зло, онтологическое по сути («сама природа нам покровительствует») [366] и необходимое в замысле Творца, предоставляющего человеку свободу выбора и воли и испытывающего его духовную силу. Такое зло не подлежит расследованию, суду и наказанию, то есть не входит в область официальной юрисдикции, что и происходит с Валковским в романе. В качестве же *средства* испытания он играет ту пассивную, «инструментальную» роль, которая отведена ему Достоевским в судьбах главных героев романа.

Брачные аферы Валковского (и с первой «безответной» женой-купчихой, и с будущей женой – «денежной девочкой») содержат преступления не против закона, а против совести. Они строятся на расчете, но облакаются в романтическую форму благодаря умению князя влюбить в себя жертву до безумия. Факт безумности жертв (купчиха, Смитиха, генеральская дочка) только подчеркивает типичность злодейств. Те же преступления, которые подлежат юрисдикции – мужика засек, управляющего оклеветал, тайный разврат – в российских условиях только «начинающихся реформ» (1858-1860) и благодаря взяточничеству оставались безнаказанными.

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. Л., 1972-1990. Т. 3. 1972. В квадратных скобках указываются номера страниц. В цитатах из других произведений указывается том и страница.

Детективный элемент романа связан, главным образом, с историей Смита, которая используется как средство беллетризации правовой идеологии: тайна Смита и его дочери – это и тайна Валковско-го, разоблачения которой он боится и поэтому сам ведет сыск. Кроме присвоения всего имущества Смита, Валковскому инкриминируется сокрытие законного брака, отказ от сожительства с женой и, главное, от содержания жены и ребенка. Узнавание, получение улик по этому «делу» происходит по правилам детективного жанра только в финале романа, но, против всяких правил, не имеет фактического смысла, так как иск не предъявлен, жертвы не вознаграждены и не отомщены, уличенный преступник остается безнаказанным, не давая надежды на правосудие.

Парадоксальный, с точки зрения как естественного, так и позитивного права, отказ Смита и затем его дочери от защиты своих законных семейных и имущественных прав, обрекает их семейство на нищету, позор, голодную смерть. Бездействие Смита можно объяснить положением иностранца-инвестора в России, отсутствием средств для начала и ведения судебного процесса. Как пишет Уортман, «чтобы дать ход гражданскому иску, требовались еще и вмешательство влиятельных покровителей, а также крупные взятки» [Уортман, 2004, с. 407]. «Ответчик по гражданскому иску мог посредством разнообразных ухищрений затянуть процесс на годы: он не был обязан являться в суд и мог отвечать по почте. Отыскать ответчика было зачастую трудной задачей, а если он находился за границей, процесс был попросту невозможен, – замечет Уортман. – Наводящие ужас трудности гражданского процесса заставляли избегать подачи исков и полагаться на неформальные средства правовой защиты или вовсе воздержаться от отстаивания правовых интересов» [Уортман, 2004, с. 408].

Но немаловажно и то, что сам Смит не пытается воспользоваться и «неформальными средствами», а переводит юридическую проблему в область нравственно-психологических мотиваций. Проступок любимой дочери, страх предстать перед судом преданным, опозоренным, разоренным ею отцом могли парализовать его волю к правозащитным действиям. Начало процесса о присвоении собственности привело бы к огласке всех обстоятельств дела, неизбежно потребовало вовлечения в него дочери – главной виновницы несчастья. Скорее всего, Смит знал о заключении брака, а по нормам семейного права жена не может свидетельствовать в суде против мужа. Возможно, что в случае суда и сам брак мог быть

признан незаконным, ибо «приостановку заключения брака вызывало отсутствие согласия родителей» [Исаев, 1999, с. 264]. Но в поведении Смита есть еще один мотив, связанный прямо с поведением других действующих лиц в подобной ситуации и эксплицирующий важнейший элемент собственной правовой логики Достоевского. В свете этой логики видимое бездействие Смита оборачивается, напротив, самым сильным, действенным средством в отношении к негласной «ответчице» – своей дочери.

Наиболее полно этот принцип неформального правосудия проявился в поведении дочери Смита. Главный удар осознания ею своего греха перед отцом постигает ее, когда она остается в полном одиночестве без всякой защиты и средств к существованию, а единственный близкий, родной человек – отец, защитник и покровитель – предан. С этого момента начинается путь к отцу через страдание, искупление, покаяние и нравственное очищение. Желание принять полную меру страдания за свой грех может быть одной стороной отказа Смитихи от законных семейных и имущественных прав. Этот путь героини последовательно освещают рассказы Нелли: «Мамаша все плакала. Она сначала долго отыскивала в Петербурге дедушку и все время говорила, что перед ним виновата, и все плакала...» [299]. В традициях народного ритуала покаяния как публичного открытого суда описана сцена встречи грешной дочери и отца: на улице, при собравшемся народе «закричала и бросилась на колени перед высоким стариком, <...> обхватила его ноги» [411], но прощения не получила. «Люди <...> долго смотрели и все головой качали» [411], словно несогласные с приговором отца.

Однако в рассказе Маслобоева раскрывается другая сторона отказа от правозащитных действий Смитихи в отношении к преступлению Валковского. Причем и с точки зрения «законника», и с точки зрения «делового» человека Валковского юридическое бездействие законной княгини представляется «романтизмом», «шиллеровщиной», противоречащими здравому смыслу и реальному положению вещей: «они всегда отделяются возвышенным и благородным презрением вместо практического применения к делу закона, если только можно его применить. Ну, вот хоть бы эта мать» [337]: «разорвала все связи, все документы; плюнула на деньги <...> и отказалась от них, как от грязи, как от пыли, чтоб подавить своего обманщика душевным величием, чтоб считать его своим вором и иметь право всю жизнь презирать его» [438]. По Достоевскому, у «шиллеровщины» есть свои правовые основания высокого нравственного порядка, ко-

торые не согласуются с «практическим применением закона». Последнее означает невозможность для «возвышенных и благородных» вступить в сделку с подлецом и, в случае выигрыша «дела», разрешить его преступление, оправдать перед высшим судом, наконец, утратить право судить его своим судом – презрением и проклятием, то есть не сознавать уже себя «вполне правым». Эту мысль с издевательской иронией, но психологически точно формулирует Валковский: «...отдав ей деньги, сделаю ее, может быть, даже несчастною. Я бы отнял у нее наслаждение быть несчастной вполне *из-за меня* и проклинать меня за это всю свою жизнь. <...> в несчастии такого рода есть даже какое-то высшее упоение сознавать себя вполне правым и великодушным и иметь полное право назвать своего обидчика подлецом» [367]. «Шиллеровское» благородное право не согласуется с «практическим применением закона» еще и потому, что последний судил только имущественную, материальную сторону «дела», сводя все к деньгам, не давая нравственного удовлетворения. Дискредитацией денег как платы за оскорбленное достоинство, то есть нравственного эквивалента, служит знаменитый жест отверженных героинь Достоевского – «бросание денег». Этот поступок станет константным мотивом в сюжете писателя.

В «Униженных и оскорбленных» этот жест повторен многократно разными действующими лицами и в разных формах, но с одним значением – утверждением сути «дела» не в деньгах, а в достоинстве личности; это приговор преступнику, знак его вины, которой нет и не может быть прощения. Так «бросил» свои капиталы дочери Смит и терпел нищету и лишения, чтобы вечно судить ее «презрением и проклятием». Смитиха «плюнула на деньги <...> и отказалась от них, как от грязи, как от пыли», чтобы нравственно подавить мужа-подлеца. Ее жест повторили отец и дочь Ихменевы, не только не принявшие от Валковского украденные им «свои» десять тысяч (стоимость их последнего состояния – «деревеньки Ихменевки»), но еще более оскорбленные попыткой «подлеца» купить их право оставаться нищими, но честными и чистыми, презирать и проклинать его.

Символично, что Валковский трижды пытается «вернуть» Ихменевым деньги. Сначала он объявляет чиновнику, хлопотавшему по делу Ихменева, что «*вследствие некоторых семейных обстоятельств* решается вознаградить старика и выдать ему десять тысяч» (курсив Дост. – Е.С.) [395], превращая деньги в плату «за бесчестье <...> дочери» [Добролюбов, 1980, с. 398]. Затем Валковский якобы

просит у Ивана Петровича совета о способе возвращения спорных десяти тысяч. Лицемерно демонстрируя пренебрежение к деньгам, он трижды осведомляется у собеседника об известном ему условии: ответчик согласится принять деньги лишь при условии личного извинения и публичного признания неправоты иска. При этом значимой кажется пространственная деталь: разговор князя с Иваном Петровичем осуществляется по дороге к Торговому мосту. Наконец, Валковский оскорбляет покинутую его сыном Наташу, предлагая ей деньги за «встречи» с графом Наинским. Во всех случаях деньги приобретают статус заклада за душу, дьявольская суть которого заключается в том, что Валковский дает за душу человека деньги, украденные у этого человека, то есть как бы не дает, а *отдает*, увеличивая вдвое соблазн, а в случае с дочерью Смита и Наташей втрое, так как деньги еще и не их, а отцовские.

Особое значение приобретает этот жест в действиях Нелли. Девочка «бросила с размаху» добытые нищенством монетки старику Смиту, отказываясь принимать помощь от человека, не способного простить раскаявшуюся и искупившую страданиями свою вину дочь. Наконец, высший смысл в свете христианских заповедей о блаженстве нищих (Нагорная проповедь) приобретает действие Нелли, отказавшейся «практически» воспользоваться «документом», оставленным ей матерью, по которому она могла вернуть себе богатство и положение в обществе. В «документе» – письме к князю Валковскому – мать Нелли, умирая, поручает ему счастье дочери и за это готова *там* просить его: «и в день суда сама стану перед престолом божим и буду умолять Судию просить вам грехи ваши» [442]. В поведении Нелли – «еще почти ребенка» – проявляется свойственная Достоевскому противоречивость религиозных взглядов, определивших и его правовой концепт. Нелли, как и ее мать, не воспользовалась возможностью официального разбирательства, чтобы иметь право судить обидчика собственным судом. Этот суд не соответствует христианским принципам: не судить, дабы не быть судимыми и прощать врагов своих: «Ваня, – сказала она едва слышным голосом, <...> поди к *нему* (Валковскую – *Е.С.*) и скажи, что я умерла, а *его* не простила. Скажи ему тоже, что я Евангелие недавно читала. Там сказано: прощайте всем врагам своим. Ну, так я это читала, а *его* все-таки не простила» (курсив Дост. – *Е.С.*) [441]. В то же время этот «бунт» против Священного писания как будто разрешается твердым следованием Нелли христианскому завету, внушенному матерью: «мамаша мне говорила, что не грех быть

бедной, а что грех быть богатым и обижать...» [410], «Будь бедная, Нелли, и когда я умру, не слушай никого и ничего. Ни к кому не ходи; будь одна, бедная, и работай, а нет работы, так милостыню проси, а к *ним* не ходи» (курсив Дост. – *Е.С.*) [411].

Сюжетный параллелизм романа «Униженные и оскорбленные» создает панорамность изображения, акцентируя типичность подобных ситуаций и устойчивость избранной поведенческой модели, обусловленной утверждением героями собственного достоинства, не позволяющего им унижаться до судебной сделки с подлецом, желанием подавить его презрением и проклятием, упованием на Высший суд. «Эгоизм страдания» униженных и оскорбленных героев Достоевского в правовом аспекте является формой самосуда собственной грешной души и формой суда над обидчиком – его нравственной казнью.

Внутренняя логика образов «жертв» и мотивационная парадигма их действий также проясняется в свете их ориентации на национально окрашенные христианские ценности. Потребность бедности связана с известными евангельскими стихами: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие!» (Мр. 10:25). Принцип непротивления злу – вторая причина такого поведения. По наблюдению Н.А. Бердяева, «подвиг непротивления – русский подвиг, опрощение и унижение – русские черты» [Бердяев, 1990, с. 80]. Для русской культуры, начиная с появления первых русских святых Бориса и Глеба, излюбленной темой духовных стихов было безвинное страдание с поэтизацией нищенства и бедности. Третьей предпосылкой устойчивой поведенческой модели героев Достоевского является идея смирения: «...всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк, 18:14); «...облекитесь смиренномудрием, потому что гордым Бог противится, а смиренным дает благодать» (1-е Петра, 5:5). Наконец, последняя причина – вера в высшую справедливость, провиденциализм: Бог «униженных поставляет на высоту, и сетующие возносятся во спасение» (Иов, 5:11).

В религиозно-философском аспекте поведение героев-жертв – это своеобразная форма «блаженства нищих», характерная для русского юродства. Еще в начале XX века В. Реформатский указывал на необходимость для русского человека страдания, причем не в физическом, а в нравственном смысле: «здесь подразумевается психологическая сторона страдания, подразумевается страдание как духовный акт, для которого внешние условия, например, – материальные

лишения, нужда, физическая боль являются далеко необязательными возбудителями» [Реформатский, 1909, с. 31].

Максимум страданий героев создает «пороговую» ситуацию, за которой следует очищение, Божье прощение и искупление грехов. По этому поводу Д.С. Лихачев замечал: «Поступки действующих лиц совершаются часто вопреки ожидаемому, наперекор обычной психологии, ибо подчиняются у Достоевского своей особой метапсихологии» [Лихачев, 1976, с. 30].

Жертвам преступления в романе чужд западный культ законности. Не случайно это произведение писателя не понято и не популярно на Западе. Профессор русской литературы в университете Дэвиса (США) Д. Ранкур-Лафаррьер, автор книги «Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания», называет русскую культуру культурой нравственного мазохизма, в «центре которой находится личность, которая действует сознательно или бессознательно – против своих интересов» (цит. по: [Лаптева, 2003, с. 126]). Объединяющим началом романов Достоевского «является поиск персонажами наказания: «герои его романов лелеют свою вину, ищут наказания или напрашиваются на оскорбления и различные унижения» (цит. по: [Ковалев, 2011, с. 75]). С точки зрения западного менталитета стереотип тяги к страданию и покорности, отсутствие рационализма в действиях и помыслах является главной «патологией» русского характера [Лаптева, 2003, с. 126-132].

В ориентации на русскую ментальность и национальное правосознание заключается секрет удивительной читательской популярности романа: в 1861 году Н.А. Добролюбов назвал его «лучшим литературным явлением <...> года» [Добролюбов, 1980, с. 349]. Само название романа – «Униженные и оскорбленные» – «стало эмблемой «истинно гуманистического» содержания русской классической литературы XIX века» [Туниманов, 1980, с. 192], а стратегия неюридического поведения в правовой ситуации квинтэссенцией национальных поведенческих стереотипов.

В дальнейшем творчестве автора в подобном ракурсе и модальности размышляют другие необеспеченные персонажи Достоевского, что говорит, с одной стороны, об особом интересе писателя к героям такого типа, с другой – о глубинной национальной обусловленности стратегии поведения жертв преступления. Так, в романе «Игрок» (1866) учитель Алексей Иванович (во многом автобиографический образ) размышляет: «...а тут это идеал, когда сама жертва радуется, что ее на заклятие ведут» [5, 226]. В романе

«Подросток» (1875) после предъявления Аркадию Долгорукому несправедливого обвинения в воровстве, униженный и оскорбленный герой признается: «Странно, во мне всегда была, и, может быть, с самого первого детства, такая черта: коль уж мне сделали зло, восполнили его окончательно, *оскорбили до последних пределов, то всегда тут же являлось у меня неутолимое желание пассивно подчиниться оскорблению и даже пойти вперед желаниям обидчика!* «Нате, вы унизили меня, так я еще пуще сам унижусь, вот смотрите, любуйтесь!» [13, 268].

В 1861 году Достоевский, будучи духовно идентичен времени с его жадной преобразования жизни, идеями строительства нового человека, явно ставит перед собой цель создания новой этики. Первый роман писателя-каторжанина (в широкой публике воспринимавшегося как мученика) обладал мощным моделирующим воздействием на реальность, программируя события дальнейшей жизни. Ситуация внезапной потери жертвами всего имущества при столкновении с хищником Валковским почти буквально повторится с А.Г. Достоевской при возвращении с мужем из-за границы. Как известно, А.Г. Сниткиной отец завещал дом на окраине Петербурга стоимостью в десять-пятнадцать тысяч, воспользоваться которым она могла лишь после совершеннолетия (21 год). Юная жена Федора Михайловича мечтала продать дом, чтобы уплатить часть долгов мужа и тем самым «коренным образом помочь ему» [Достоевская, 1981, с. 115]. Поскольку писатель решительно отказался быть попечителем жены, доверенность на управление этим домом (наряду с двумя другими) мать А.Г. Достоевской передала ее сестре, а та, в свою очередь, своему мужу, который «передал управление какому-то своему знакомому. Этот господин, пользуясь в течение трех-четырёх лет доходами с домов, не нашел нужным уплачивать казенных налогов. Накопились крупные недоимки, и дома были назначены к продаже с публичного торга. <...> Господин, управлявший нашими домами, совершил фиктивные условия с подставными лицами, которым будто бы отдал дома в аренду на десять лет, и получил вперед все деньги. Эта сделка обнаружилась лишь на торгах, и понятно, что не нашлось желающих купить дома. Тогда негодяй приобрел их, заплатив казенные недоимки, то есть за несколько тысяч получил три дома, два больших флигеля и громадный участок земли. Таким образом на долю матери, брата и меня не осталось ничего. Конечно, мы могли бы начать процесс, но у нас не было средств, чтобы его вести. К тому же, возбудив его, мы должны были

бы привлечь к ответственности мужа моей сестры. Это нас бы с ним поссорило, и мы лишились бы возможности видеться с детьми-сиротами, которых мы очень любили. Тяжело было мне отказаться от единственной надежды поправить наши печальные обстоятельства!», – вспоминала вдова писателя [Достоевская, 1981, с. 224].

В этом эпизоде обращает на себя внимание хищнический способ действий неизвестного господина, который, воспользовавшись доверием жертв, с помощью обмана и фиктивных сделок с подставными лицами приводит их в короткий срок к утрате всего состояния. Его действия напоминают четко продуманную тактику мошенничества князя Валковского. Показателен в этом случае и отказ семьи Сниткиных от процесса. Словно воспроизводя стратегию поведения романтических героев (семей Ихменевых и Смитов), жена писателя называет существенными причинами отказа от процесса не столько материальные, сколько нравственные: будущая ссора с родственником (зятем) и утрата возможности заботы о детях-сиротах.

Таким образом, герои-жертвы в романе воздерживаются от государственной защиты своих прав и сознательно идут на оскорбление, испытывая нравственную потребность страдания, способствуя формированию национальной стратегии поведения русского человека в юридической ситуации, затем апробированную автором на собственном опыте. Мысли семьи Достоевских о возможности возбуждения дела, за которыми не следует обращения в суд, парадоксальным образом сближаются с действиями семей Ихменева и Смита в криминальной ситуации, подчеркивая экстраординарность поведения как романтических жертв преступления, так и их создателя. Накануне судебной реформы Достоевский во втором петербургском романе «из быта»¹ создает модель российского правового бытия, не потерявшего по сей день своей актуальности. «Униженные и оскорбленные» – это первый криминальный роман Достоевского, в котором «модель человека в его отношении с миром реализовалась не только в сюжете, подборе персонажей и идеологии, но пронизала всю трактовку повествования, воплотившись в художественных принципах организации текста» [Паперно, 1996, с. 34].

Клиффорд Гирц называет культурой не столько «комплексы конкретных поведенческих стереотипов – обычаи, практики, традиции, наборы привычек», – сколько «ряд контрольных механизмов –

¹ В письме М.М. Достоевскому от 3 ноября 1857 года писатель делился своими творческими планами: «...напишу роман из петербургского быта, вроде «Бедных людей» (а мысль еще лучше «Бедных людей»)» [28–1, 289].

планы, рецепты, правила, инструкции, – руководящих поведением» [цит. по: Стивен Гринблатт, электр. ресурс]. Именно такие устойчивые поведенческие модели, обладающие суггестивным и моделирующим потенциалом, или на языке современной психологии «социальные архетипы»¹ или «модальные личностные структуры», и создает Ф.М. Достоевский, выстраивая концептосферу отечественного правосознания².

Литература

- Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1.
- Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/35/grinblat.html>
- Добролюбов Н.А. Забытые люди // Добролюбов Н.А. Избранные статьи. М., 1980.
- Достоевская А.Г. Воспоминания. М, 1981.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : В 30-ти тт. Л., 1972–1990. Т. 3. 1972.
- Исаев И.А. История государства и права России. М., 1999.
- Ковалев О.А. Нарративные стратегии в творчестве Ф.М. Достоевского. Барнаул, 2011.
- Лаптева Е. Россиеведение : стереотипы и мифы // Высшее образование в России. 2003. № 4.
- Лихачев Д.С. «Небрежение словом» у Достоевского // Достоевский : Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2.
- Паперно И. Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
- Реформатский В.Д. Религиозное мирозерцание Л.Н. Толстого. Культ страдания как один из мотивов творчества Достоевского. Трагедия художника и моралиста (Голь). Казань, 1909.
- Синюков В.И. Достоевский и отечественная правовая ментальность // Достоевский и юриспруденция. Саратов, 1999.
- Степанова Т.А. Художественно-философская концепция детства в творчестве Ф.М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук. М, 1989.
- Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854–1862. Л., 1980.
- Уортман Р.С. Властители и судии : Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

¹ Социальный архетип – типичная структура национального поведения, модальная личностная структура – собирательная личность нации. См., например: К. Касьянова. Национальный характер и социальный архетип // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. Мн., 2004.

² К подобным выводам независимо приходит В.И. Синюков: «Достоевский предвосхитил, по сути дела, явление правовой ментальности. Ментальность означает надпозитивные, фундаментальные и устойчивые структуры сознания, в известной мере отъединенные от идеологических и повседневно-обыденных установок и схем» [Синюков, 1999, с. 9].

РУССКИЙ РОМАНТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТАЛИЗМ: ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

П.В. Алексеев

Ключевые слова: русский романтизм, ориентализм, масонство, суфизм, западно-восточный синтез.

Keywords: Russian Romanticism, Orientalism, Freemasonry, Sufism, West-Eastern synthesis.

Ориентализм, как «система идей, связанных с Востоком, многообразие литературно-художественных форм, в которых эти идеи находили воплощение» [Данильченко, 2000, с. 4], первоначально возник в Западной Европе в эпоху колониализма, постепенно оформляясь в одну из самых спорных и проблематичных областей гуманитарного знания. В России во второй половине XVIII века – первой половине XIX века этот западноевропейский тренд активизировал многовековой интерес к Востоку и сформировал во многом уникальную русскую разновидность ориентализма.

В рамках русского ориентального дискурса был актуализирован историософский вопрос о месте России и русской культуры в западно-восточной дихотомии, вследствие чего географическая близость восточных стран (и, что более важно, включенность восточных народов в состав Российской империи) была осмыслена как основательное отличие русского ориентализма от западноевропейского. В дополнение к этому, развитие востоковедческих штудий, а также появление вполне конкретного «восточного вопроса» во внутренней и внешней политике России в начале XIX века предопределило еще одну отличительную черту русского ориентализма: отныне всякое осмысление русской культуры как единого целого должно непременно опираться на проблемы ориентализма и оксидентализма.

Исследование западно-восточных литературных связей в литературе русского романтизма позволяет в полной мере реконструировать модель русского ориентализма в период его наивысшего расцвета. Большинство крупных исследователей русского романтизма, компаративистов и культурологов, уделяли этому вопросу

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01331 а2

вполне заслуженное внимание и, так или иначе, делали попытки пройти структуралистский путь от текста к свертктексту. Накоплен значительный теоретический материал, сформирована методология и основные принципы исследования западно-восточного синтеза, опирающиеся на междисциплинарный подход. Однако, на сегодняшний день, очень остро ощущается отсутствие именно системного структурно-семиотического подхода к русскому ориентализму, в котором концепции А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Д.П. Ознобишина, О.И. Сенковского, А.А. Бестужева-Марлинского и др. будут восприняты как части более сложного целого, обладающего собственной концептосферой и уникальным художественным языком.

Важнейшим тезисом данной статьи является мысль о том, что исследование концептосферы и художественного языка русского романтического ориентализма не может быть признано всесторонним и целостным без: а) преодоления терминологической неопределенности; б) включения в комплекс философско-эстетической проблематики таких явлений, как суфизм и масонство.

Первый и наиболее острый момент терминологической неопределенности касается понятия «ориентализм», которое не имеет общепринятого наполнения. Часть исследователей используют термин «ориентализм», или «филоориентализм», исключительно в целях характеристики стиля эпохи (или отдельного автора), в котором нашло отражение восточное пространство, литература и мифология (порождение неевропейского типа сознания): такова парадигма русского литературоведения. Это называется «классическое понимание» ориентализма, отражающее «его интерпретации как востоковедения и увлечения Востоком в искусстве», без общественно-политических коннотаций [Чач, 2012, с. 6].

В западной гуманитарной мысли термин «ориентализм» практически не применяется без оглядки на концепцию Э.Саида (в одних случаях это развитие его идей, в других – критика и полное неприятие) [Said, 1978], в которой под ориентализмом понимается стиль колониального мышления Запада, в котором объединены научное, художественное и публицистическое освоение Востока, осуществляемое Западом по принципу «to understand better in order to dominate better»¹ [Hanfi, 2010, с. 15].

Наша позиция исходит из того, что концепция Саида наиболее продуктивна и более соответствует масштабу и формам русского

¹ Англ. «лучше понять, чтобы лучше доминировать». – П.А.

ориентализма. Это не означает, что все восточные мотивы в русской литературе следует рассматривать с точки зрения их колониального подтекста. Напротив, говоря о протеистической «всеотзывчивости» А.С. Пушкина, этнографическом интересе А.А. Бестужева-Марлинского к кавказским народам, мусульманских концептах типа «фатализм» в творческом сознании М.Ю. Лермонтова и других фактах, разрушающих европоцентристскую модель мира в XIX веке, мы видим, что русская культура в эпоху романтизма была открыта для диалога и вполне демонстрировала важность Востока как миромоделирующего концепта.

В то же время, необходимо помнить генезис европейского образа Востока и развивать теорию Саида применительно к российским реалиям. Если Великобритания, Испания, Франция и другие колониальные державы осваивали восточные территории как далекие экзотические пространства, то Россия колонизировала народы путем включения их в свои пределы. Этот феномен «внутренней колонизации», о котором достаточно подробно писал А. Эткинд в серии статей о «внутреннем колониализме» [Эткинд, 2001; Эткинд, 2002; Эткинд, 2003], формировал существенный нюанс русского романтического ориентализма: Восток как «наша земля» и как часть русского менталитета. Поэтому А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, никогда не бывавшие на зарубежном Востоке, создают феномен «западно-восточного синтеза», недоступного до того ни одному англичанину или французам.

Еще один термин ориентальных исследований требует к себе дополнительного внимания – «восточная поэтика». В географическом отношении в России под Востоком традиционно понимают территории Азии и Ближнего Востока (страны от Средиземноморья до Персидского Залива). В Америке и Западной Европе различают два типа Востока: Средний Восток (Middle East), включающий то, что в России именуют Ближним Востоком вместе с Ираном и Афганистаном – от Персидского Залива до Юго-Восточной Азии, и Дальний Восток (Far East) – страны Тихоокеанского бассейна. В литературном отношении литературы указанных стран объединяются для России и стран Запада в понятии «восточная (то есть «не европейская») поэтика», и это настолько раздвигает рамки компаративистских исследований, что, в конечном итоге, удаляет от понимания феномена «западно-восточного синтеза».

Не следует понимать этот тезис в плане того, что такие классические исследования, как «Пушкин и Китай» [Алексеев, 1999, с. 50–80] и «Индийские мотивы в творчестве А.С. Пушкина» [Белкин,

1999, с. 81–95], не раскрывают содержания русского ориентализма. Наоборот, широкий обзор восточных тем манифестирует многоаспектность и глубину русской ориентальной мысли. Главное, нужно помнить, что основу русского романтического ориентализма составляют концепты, восходящие к конкретной части Востока – мусульманскому Востоку. Весь остальной Восток – только развитие и дополнение принципов русско-восточного диалога, сформированных в парадигме «Подражаний Корану» и «Пророка» А.С. Пушкина.

Следующий вопрос, который должен быть решен для системной реконструкции концептосферы русского романтического ориентализма – это определение основных философско-эстетических источников ориентальной поэтики романтизма. На наш взгляд, этими источниками следует считать арабские сказки, суфийскую поэзию и Коран, как важнейший после Библии поэтико-философский текст средневековой мусульманской культуры.

Эти три источника постоянно пополняли концептосферу русского романтического ориентализма, а также легли в основу его художественного языка. При этом, если арабские сказки и Коран часто становятся предметом ориенталистских исследований, то суфийская поэзия традиционно игнорируется. В особенности, это касается ее религиозно-философской составляющей. Очевидно, это возникло вследствие того, что персидский суфизм и основанная на его философии поэтическая система являются предметами исследования не столько литературоведов, сколько узкоспециализированных востоковедов, владеющих восточными языками. Это и определило трудоемкость исследований суфийских мотивов в русском романтизме, а также крайне редкие реконструкции религиозно-философских контекстов восточных мотивов.

В настоящее время изучению суфизма и поэтики суфийской литературы посвящено большое количество трудов как отечественных ученых (Е.А. Бертельса, О.Ф. Акимушкина, М.Т. Степанянц, и др), так и зарубежных (А. Schimmel, С. Ernst, Seyyed Hossein Nasr и др.), что позволяет проводить добротные компаративистские исследования концептосферы и художественного языка русского романтического ориентализма. Наиболее значимый аспект суфизма, на который следует обратить самое пристальное внимание – это особый конвенциональный язык, который суфизм начал формировать буквально с момента своего существования.

Этот художественный язык основан на том, что светская (в том числе любовно-эротическая) образность выражала сугубо религиозно-

философские понятия. Один из самых авторитетных исследователей суфийской литературы, Е.Э. Бертельс, сказал, что «применение светской эротической <любовной> поэзии в суфийской практике относится уже к самым первым векам развития суфизма», причем «поэзия становится необходимым атрибутом суфийской беседы» [Бертельс, 1965, с. 59]. Такие особенности суфийской поэтики, как символичность, парадоксальность, метафоричность, орнаментальность, суггестивность, драматизм и поэтика «невыразимого» дают основания для его сопоставления с поэтикой и религиозно-философскими построениями западноевропейского и русского романтизма. В этом отношении можно отметить исследование А.А. Лавровой, которая поставила цель «выявить типологические соответствия произведений Оскара Уайльда с категориями суфийской философии, символики и поэтики» [Лаврова, 2012, с. 360] на фоне традиций западноевропейского мистицизма.

В данной статье нет необходимости раскрывать религиозно-философские понятия, скрытые за образами суфийской литературы – об это достаточно хорошо сказано в классической работе «Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев» (1926), основыванной на материале средневекового трактата Махмуда Шабистари «Гульшан и раз» («Цветник тайны») [Бертельс, 1965а]). Для изучения типологической общности романтической поэзии и литературы суфизма нам важно, что в период со второй половины XVIII века по первую треть XIX века в русской культуре посредством западноевропейских влияний отмечается возникновение типологически сходного явления – масонства.

Исследование масонских тем русского романтизма – еще один шаг к пониманию русского романтического ориентализма, поскольку между масонством и суфизмом существует глубокое типологическое сходство. Формирование и развитие масонских мистико-философских представлений о мире (о человеке, поэте, творчестве, загробной жизни и т.д.) происходит, как и в суфизме, в плане «двойной структурности»: «тайные общества» вольных каменщиков являлись той средой, в которой генерировались принципы особого деления мира и текста, разделенных на «явное» и «скрытое» пространство, возникали структуры произведений, «герметичность» которых создавалась особым языком аллегорий и символов. В плане прагматики конвенциональный язык масонства эпохи русского романтизма, как и язык персидского суфизма, делил читателей на две группы: «посвященные» и «непосвященные».

Такой подход позволяет по-новому взглянуть на литературный процесс, избегая тенденциозности и однобокости в толковании классических текстов. Однако данный аспект до сих пор не обеспечен сколько-нибудь достоверными методами интерпретации «скрытых масонских смыслов», целенаправленно заложенных в тексты художественной литературы.

Одной из причин таких методологических трудностей является то, что масонство, корни которого уходят в эзотерику Ближнего Востока, а бурное функционирование приходится на Европу, никогда не было единым целым ни в идейном, ни в организационном плане. До сих пор его полубогородный генезис представляет большую проблему для историков и литературоведов.

Взаимоотношения таких авторов эпохи романтизма, как А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и др., с масонством были достаточно сложными и противоречивыми, однако было бы глубоким заблуждением недооценивать эту часть их биографии. С самого детства и на протяжении всей сознательной жизни авторов идеи, книги и журналы масонов функционировали в культуре так плотно, что можно говорить о том, что масонские идеи о человеческом естестве, о свободе и «истинном просвещении», о будущем «золотом веке» и т.п., даже не становясь зависимыми от политики масонских лож, влияли на развитие литературного процесса.

Важнейшим семиотическим достижением масонства была оригинальная теория аллегорического кода, являющегося ключом к тайной, «закрытой» культуре. В документах Сионской общины, к примеру, сказано: «Аллегорические произведения имеют то преимущество, что достаточно одного слова, чтобы прояснить отношения, недоступные толпе; они отданы всем, но их значение адресовано элите. Отправитель и адресат понимают друг друга поверх толпы. Непонятный успех некоторых произведений идет от этого достоинства аллегории, которая является более, чем просто модой – способом эзотерического выражения» [Байджент, Лей, Линкольн, 1993, с. 123]. Эти идеи формировали и распространяли особую эзотерическую лингвистику и стилистику, своеобразный «орденский жаргон», определяющий стиль мышления и творчества. Воздействие тайного языка является чрезвычайно важным, потому что он представляет собой шифр, по представлениям масонов, связывающий человека с высшей реальностью.

Масонство множество идей и способов их формального выражения заимствовало из мистических течений ислама, когда зарождалось

на Ближнем Востоке в период крестовых походов (среди тамплиеров) и в период конкисты и реконкисты в Испании. Можно выделить несколько моментов, сближающих ислам и масонство: цифровой и буквенный код, организация тайных обществ, некоторые аспекты обрядности, в творчестве — мотивы смены света и тьмы (невежества и просвещения), мистического ужаса перед тайной Бога, мотивы поиска, обретения и утраты и др., и зашифровывание всего этого при помощи специального конвенционального языка.

В стихотворении А.С. Пушкина «Талисман» (1827), опубликованном в 1828 году в альманахе «Альбом Северных муз», художественное пространство связано с культурно-мифологическим пространством — «... где, в гаремах наслаждаясь, дни проводит мусульман» [Пушкин, 1948, с. 83], функционирует мотив талисмана, оберега, интертекстуально связанного с черновиками «Подражаний Корану» [Фомичев, 1981, с. 46]. В то же время «талисман» масонским окружением Пушкина мог пониматься в контексте ориентальных влияний на масонство: «Талисман реч<ение> Кабалист<ическое>. Звездоподобие, планетоподобие... Мнят, что сие суеверие вышло от египтян, распространилось же оно в Европе с тех пор, как мавры ворвались в Испанию» [Фомичев, 1981, с. 46].

Восемь лет спустя, другое стихотворение А.С. Пушкина «Странник» (1835) дает нам новый материал для сопоставления двух типов мистицизма:

*Однажды странствуя среди долины дикой,
Незпно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?..»*
[Пушкин, 1948, с. 391–393].

Это текст — отрывок из стихотворного переложения аллегорической повести английского проповедника эпохи Реформации XVII века Джона Беньяна (John Bunyan) «Путь паломника» («The Pilgrim's Progress», 1678–1684) — излюбленного сочинения русских масонов [Коздринь, 2011]. Произведение Беньяна было написано «в традиции средневековых аллегорических путешествий во сне» [Благой, 1962, с. 51] и привлекло Пушкина в связи с его стремлением к духовной независимости и формирующимся у него с 1834 года концептом «побе-

га», проявившимся, например, в письмах к жене от 18 мая и 8 июня 1834 года и в стихотворении «Пора, мой друг, пора!» (май–июнь 1834).

Мотив странствования в связке с мотивом пустыни («долины дикой») ранее использовался Пушкиным в стихотворении «Пророк» (1826). В «Страннике» посредством этих мотивов формируется условно-романтическое пространство, представляющее средство аллегорических рассуждений о бренности человеческого бытия. Мотив «мгновенное прозрение бытия» сопровождается мотивами эстетизированного безумства (в терминологии персидского суфизма этот мотив называется «хауф», букв. «страх»: «припадок ужаса, сознание собственной греховности перед Богом») [Фиш, 1985, с. 254], эсхатологией Страшного суда и интонацией отчаяния, «великой скорби».

В рамках одной статьи невозможно проанализировать все проблемные зоны исследований русского романтического ориентализма, однако те, что были рассмотрены, безусловно, являются основными. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать расширению контекстуального поля исследуемой проблемы и углублению знаний о классических текстах, ориентальные коды которых до сих пор не систематизированы и не осмыслены.

Литература

- Алексеев М.П. Пушкин и Китай // Пушкин и мир Востока. М., 1999.
- Байджент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. СПб., 1993.
- Белкин Д.И. Индийские мотивы в творчестве А.С. Пушкина // Пушкин и мир Востока. М., 1999.
- Бертельс Е.Э. Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев // Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965а.
- Бертельс Е.Э. Основные моменты в развитии суфийской поэзии // Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.
- Благой Д.Д. Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4.
- Данильченко Г.Д. Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2000.
- Коздринь П.Р. Рецепция романа Дж. Беньяна «Путь паломника» в русской литературе XVIII–XIX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2011.
- Лаврова А.А. Эстетические воззрения Оскара Уайльда и суфизм // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Т. 25 (64). № . Ч. 1.
- Пушкин А.С. Странник: («Однажды странствуя среди долины дикой...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16-ти тт. М.; Л., 1948. Т. 3.
- Пушкин А.С. Талисман: («Гам, где море вечно плещет...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16-ти тт. М.; Л., 1948. Т. 3.

Фиш Р.Г. Джалаледдин Руми. М., 1985.

Фомичев С.А. «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л., 1981.

Чач Е.А. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного Века : автореф. дис. ... канд. историч. наук. СПб., 2012.

Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1.

Эткинд А. Русская литература, XIX век : Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.

Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации : Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49.

Said E.W. *Orientalism*. N.Y., 1978.

Hanfi H. *From Orientalism to Occidentalism* // Ишрак : Ежегодник исламской философии. 2010. № 1.

МИФ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В.М. ШУКШИНА

А.И. Куляпин

Ключевые слова: поэтика, социалистический реализм, миф, мотив, художественная антропология.

Keywords: poetics, socialist realism, myth, motive, art anthropology.

С легкой руки Г. Гачева среди гуманитариев довольно широкое распространение получило понятие «комплекс Рустама» (по имени героя поэмы Фирдоуси «Шах Наме»). В цивилизациях восточного типа, включая Россию, сюжет мифа об Эдипе не актуален, здесь отец убивает сына.

У главного героя рассказа Шукшина «Нечаянный выстрел» (1966) Кольки Воронцова с детства повреждена нога: *«Нога была мертвая. Сразу была такой, с рожденья: тонкая, искривленная... висела, как высохшая плоть. Только чуть шевелилась»* [Шукшин, 1988 с. 199]. Первые же фразы рассказа намечают возможную проекцию Кольки на фигуру Эдипа, которому, как известно, в младенчестве прокололи сухожилия ног. Но в целом ситуация в рассказе противоположна греческому мифу. Абсурдной выглядела бы в художественном мире Шукшина загадка Сфинкса «Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех»? Колька Воронцов ломает логику мифа. Он

утром – на четырех, днем – на трех, а заканчивает свой жизненный путь на одной ноге. Не менее абсурден был бы здесь и ответ Эдипа Сфинксу – «Человек». Если эта разгадка правильна, то шукшинский герой вообще остается за пределами человеческого.

Мотива отцеубийства в рассказе нет, зато есть мотив сыноубийства. *«Попросил бы меня – я бы попал, куда надо... Чтоб сразу уж...»*, – говорит Кольке после неудачной попытки самоубийства отец [Шукшин, 1988, с. 203]. А чуть позже расправляется с небесным покровителем Кольки Николаем-угодником: *«– Я этому твоему господу шею сейчас сверну. – Андрей снял с божницы икону Николая-угодника и трахнул ее об пол. – Вот ему!.. Гад такой!»* [Шукшин, 1988, с. 204].

Сходство между рассказом и мифом прослеживается не на уровне сюжетных схем – гораздо существеннее художественная антропология Шукшина, коррелирующая с мифологической.

В интерпретации И. П. Смирнова греческий миф говорит о недостижимости для человека полного самопознания и о невозможности избавиться от собственной монструозности: *«Эдип встретился с чудовищем, Сфингой, разгадал заданную ему загадку и женился на матери. Загадка, заданная Эдипу, состояла в том, чем является человек. Эдип знал ответ. Но это знание человека о самом себе оказалось неполным и не помешало ему, как старается убедить нас Софокл, совершить чудовищные поступки, приведшие, в конце концов, к физическому уродству (слепота Эдипа). Победа над монструозным, присутствующим во внешней среде, вовсе не означает для Софокла, что человек может избавиться от собственной чудовищности»* [Смирнов, 1994, с. 332]. Добавим, что физическим уродством Эдип наделен изначально, еще до отцеубийства, до встречи со Сфинксом-Сфингой и женитьбы на матери. Его имя означает «с опухшими ногами».

Чудовищность, от рождения присущая герою рассказа «Нечаянный выстрел» (и роднящая его с Эдипом), отчетливо демонстрирует недостаточность классического понимания человеческого. Шукшину нетрудно было прийти к осознанию этого, ведь на идее преодоления «человеческого, слишком человеческого» базируется антропологическая концепция соцреалистического искусства, от которой он, бесспорно, отталкивался. Важнейший претекст рассказа – «Повесть о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого.

Герой повести Б. Полевого летчик Алексей Мересьев переживает мучительнейшую метаморфозу: из просто человека он превращается в человека настоящего. Этапу восхождения, по установившейся традиции, предшествует этап нисхождения. В первой половине повести Ме-

ресев стремительно спускается к нижним ступеням эволюции. Характерна смена способов передвижения: на двух ногах – на четвереньках – ползком. Даже за еще шагающим Мересьевым вьется *«вялый, извилистый, нечеткий след, какой оставляет раненый зверь»* [Полевой, 1981, с. 247]. А дальше определение «по-звериному» станет повторяться до назойливости: *«теперь он шел по-звериному, осторожно»*; *«по-звериному пополз на восток»*; *«как медведь, языком и губами собирал кисло-сладкие ароматные ягоды»*; *«он лег на снегу, полусвернувшись, как это делает усталый зверь»* [Полевой, 1981, с. 252, 261, 262, 265].

Находят Мересьева, когда он не ползет даже, а катится. Б. Полевой подчеркивает, что именно этот еще более экзотический способ передвижения, привлекает внимание к герою, то есть, в конечном счете, и становится для него спасительным. *«– Так, значит, выходит, ребятишки наши на вырубке его и отыскали, – рассказывает дед Михайла. – <...> Там они его и увидели. Ага, что за чудо за такое? Сперва им, значит, медведь померещился – дескать, подстреленный и катится этак-то. Они было тягу, да любопытство их повернуло: что за медведь за такой, почему катится? Ага! Смотрят, значит, катится с боку на бок, катится и стонет...»* [Полевой, 1981, с. 293]. Катящийся Мересьев выпадает уже не только из мира человеческого, биологического, но даже и из мира природного, как известно, не знающего колеса. Нижняя ступень нисхождения героя фатально предопределяет путь его восхождения. Два отрезка судьбы Мересьева – нисходящий и восходящий – зеркально симметричны.

Герой должен почти буквально родиться заново. *«Осторожно, как новорожденного ребенка»* устраивает найденного в лесу летчика на салазки дед Михайла [Полевой, 1981, с. 276]. Мересьева, как младенца, *«пеленают»* [Полевой, 1981, с. 293]. Доктор зовет его *«ползун»* [Полевой, 1981, с. 325], но здесь это указание не на зооморфную, а инфантильную природу героя. *«Теперь забудь, что ты вояка, теперь ты дитя малое – по шажку, по шажку учишь ходить»*, – наставляет Мересьева мастер-протезист Зуев [Полевой, 1981, с. 372].

Мересьев не просто повторяет этапы естественного развития, он последовательно и упорно вырабатывает в себе сверхчеловеческие качества, и нужны для этого, разумеется, *«нечеловеческие усилия»* [Полевой, 1981, с. 413]. Утверждение «протезы лучше ног» – сначала звучит в повести как сугубо риторическая фигура. *«Сам Василий Васильевич наказал мне: “Сделай, говорит, Зуев, такие протезы, чтобы лучше ног были”. И – нате, пожалуйста, Зуев сделал. Царские!»* – бесхитростно рекламирует свое изделие мастер-протезист [Полевой, 1981, с. 371].

Затем, однако, выясняется, что протезы и правда лучше ног. «– *Похоже, что мы дураки: промочим ноги и схватим на дороге простуду!*» – опасается во время лесной прогулки майор Стручков. «– *У меня перед вами преимущество. Мне нечего промачивать и простужать*», – усмехается Мересьев [Полевой, 1981, с. 424–425]. Писатель заостряет внимание на этой детали, воспроизведя ее еще раз. После первого тренировочного полета Мересьев удивляет инструктора своей морозостойкостью. «– *Не замерз? Меня сквозь унты ух как прохватило! А ты, на-ка, в ботиночках. Не замерзли ноги?*» – спрашивает лейтенант Наумов. «– *У меня нет ног, – ответил курсант, продолжая улыбаться своим мыслям*» [Полевой, 1981, с. 446]. Слабостям, которым подвержен любой человек (да и любой биологический организм) больше нет места. В тот момент, когда майор Стручков озабочен банальной простудой, Мересьев воображает себя великаном, идущим над облаками [Полевой, 1981, с. 424].

Мересьев путем долгих тренировок добивается полного слияния со своим самолетом, что Б. Полевой считает главным [Полевой, 1981, с. 458]. Летчик «*ощутил ее (машину. – А.К.) как продолжение собственного тела. Даже бесчувственные и неповоротливые протезы не мешали теперь этому слиянию*» [Полевой, 1981, с. 458–459]. Протезы не только не мешают превращению Мересьева в кентавра авиационной эры, но даже способствуют этому процессу, выступая в качестве медиаторов между живой плотью и металлом.

На заключительных страницах повести Мересьев именуется ни больше, ни меньше – «*крылатым богом*» [Полевой, 1981, с. 503]. Это, конечно, и есть высшая точка его восхождения.

Шукшин к советскому мифу о настоящем человеке обращается на каждом из этапов своей творческой эволюции. Герою киноповести «Живет такой парень» (1964) писатель, по его собственному выражению, «*подмахнул геройский поступок*»: «*он отвел и бросил с обрыва горящую машину, тем самым предотвратил взрыв на бензохранилище, спас народное добро*». В статье «Нравственность есть Правда» (1969) Шукшин сожалеет о таком решении: «*Сработала проклятая, вьедливая привычка: много видел подобных “поступков” у других авторов и сам “поступил” так же*» [Шукшин, 1981, с. 59]. Сюжетная схема киноповести действительно малооригинальна, а ее заключительная часть напоминает «Повесть о настоящем человеке». После свершения подвига герой со сломанной ногой попадает в больницу, где встречает Наставника. Учитель из киноповести функционально равен Комиссару Б. Полевого, хотя его наставления, естественно, не столь идеологизи-

рованы. Несмотря на легкую иронию, Шукшин в целом пока что следует соцреалистическому канону.

Пашка Колокольников не старается копировать Мересьева, но, оказавшись внутри сюжетной ситуации схожей с «Повестью о настоящем человеке», действует по заданной модели. В повести Б. Полевого решающим толчком к возрождению Мересьева становится смерть Комиссара: *«И очень захотелось Алексею стать настоящим человеком, таким же, как тот, кого сейчас увезли в последний путь»* [Полевой, 1981, с. 365]. Инерция читательского восприятия требует, чтобы и шукшинский учитель, наставив Пашку на путь истинный, умер. Этому же развитию сюжета ждет и сам Пашка. Заснувшего учителя он принимает за умершего. Единственное основание для этого – аналогия с «Повестью о настоящем человеке». *«А мне показалось, ты помер»*, – простодушно оправдывается Пашка [Шукшин, 1986, с. 45].

Отличие от Пашки Колокольникова Колька Воронцов сознательно пытается делать жизнь с Мересьева. Результат, однако, пародичен. Иступленные тренировки Мересьева, в которых *«было что-то фанатическое»* [Полевой, 1981, с. 366], редуцируются в рассказе до упражнений смехотворно незначительных: *«Когда рана малость поджила, он (Колька. – А.К.) начал шевелить култышкой под одеялом – тренировал»* [Шукшин, 1988, с. 201]. Многомесячные усилия Мересьева по освоению протезов очевидно несоизмеримы со всего лишь несколькими неудачными попытками Кольки в течение одной ночи, после чего он теряет веру в себя и стреляется (тоже, впрочем, неудачно).

«В сталинском <...> романе любовь – это дополнительная часть сюжета, – замечает К. Кларк. – Любовная жизнь героя сама по себе ценности не представляет, она служит лишь выполнению стоящих перед ним задач и обретению сознательности. Не случайно в западном сознании традиционный сюжет советского романа описывается формулой: юноша овладел трактором. Это действие мало зависит от участия или неучастия в нем девушки. Овладение девушкой или овладение трактором – явление одного порядка, поскольку общественное задание всегда важнее личного» [Кларк, 2002, с. 159]. Если заменить трактор самолетом, то высказывание американской славистки вполне может быть отнесено и к «Повести о настоящем человеке». В рассказе Шукшина приоритеты расставлены иначе. Колька Воронцов мечтает, конечно, о полноценной социализации, например, ему очень хочется в армию [Шукшин, 1988, с. 199], но подлинная мотивировка его стремления к обновлению – любовь.

Мересьев откладывает объяснения с любимой до того момента, *«когда в бою он станет равным среди других»* [Полевой, 1981, с. 490-491]. И лишь сбив три вражеских самолета, он сообщает ей об ампутированных ногах. Воистину, овладение девушкой и овладение самолетом (трактором) в искусстве соцреализма – явление одного порядка. Пассивность Кольки Воронцова в любовной сфере с его нереализованностью в большом мире связана слабо. На ампутацию недействующей ноги Колька решает после того, как случайно узнает о далеко зашедших отношениях Глашки с другим. В этом контексте отрезанная нога не может не ассоциироваться с самоосколпением героя.

Отец Кольки – Андрей Воронцов – колхозный механик. Сам Колька также имеет дела с механизмами, правда, сильно измельчавшими: он чинит односельчанам часы. Контраст между запчастями, с которыми имеет дело отец, и крошечными колесиками, с которыми имеет дело сын, изоморфен контрасту между здоровыми ногами Андрея Воронцова и тонкой, искривленной ногой Кольки. Отец бессознательно акцентирует эту разницу: сидя у постели Кольки, он постоянно поглаживает ладонью тугой сгиб своего колена [Шукшин, 1988, с. 205, 206].

Советский человек брежневской эпохи повторить достижения поколения тридцатых-сороковых годов уже не сможет, но власть социокультурных стереотипов столь велика, что он вынуждено вновь и вновь предпринимать безнадежные попытки. Колька Воронцов не зря выведен в рассказе часовщиком-любителем – он имеет дело с чужими, причем испорченными часами, иначе говоря, с остановившимся временем периода застоя. В литературе соцреализма семиотика часов почти обязательно увязывалась с «мечтой о более активном участии в управлении течением жизни» [Куляпин, Скубач, 2007, с. 31]. В шестидесятые этой утопической надежде приходит конец.

Рассказ «Нечаянный выстрел» завершается аллегорическим диалогом отца и сына о часовом маятнике.

«– Потеряешь колесико-то... – Отец с трудом ловил на одеяле крошечное колесико и подавал сыну.

– Это маятник называется.

– До чего же махонькое! Как только ухитряются делать такие?

– Делают. На заводе все делают.

– Меня, например, хоть убей, ни в жизнь не сделал бы такое.

Колька улыбался:

– То ты. А там умеют.

Андрей тоже улыбался... гладил ладонью колени и говорил:

– Да... там – конечно... Там умеют» [Шукшин, 1988, с. 206].

Миф о настоящем советском человеке тоже «оттуда». В маленьком мире шукшинских героев воплотить его в жизнь так же нереально, как изготовить в домашних условиях крохотный маятник для карманных часов. При этом жесткое навязывание человеку идеологизированных моделей поведения вполне может обернуться катастрофой.

Б. Полевой, полемизируя с Д. Лондоном, понятие «настоящий человек» рассматривал не как естественно-биологическое, а как конкретно-социальное. *«Но ты же советский человек!»*, – настойчиво внушает Комиссар Мересьеву [Полевой, 1981, с. 339]. В статье «Современники» (1975) Б. Полевой писал: *«<...> Тема сильного человека в литературе не новая... Есть известный рассказ у Джека Лондона “Любовь к жизни”.* Больной, почти без сил, человек все же побеждает смерть. Но то был инстинкт самосохранения. Маресьев меня поразило не своим желанием во что бы то ни стало выжить, ведь в этом есть что-то естественно-биологическое, а желанием, страстным и необоримым, не быть в стороне от борьбы, самой главной, которой все мы тогда только и дышали. Вот почему мне так и хотелось рассказать не только то, как, но и во имя чего совершал Маресьев подвиг...» [Полевой, 1981, с. 526] (Курсив автора).

Шукшину Джек Лондон гораздо ближе, чем Б. Полевой. Врач объясняет отцу Кольки: *«...все зависит от того, как сильно захочет жить он сам. Понимаете? Сам организм должен...»* [Шукшин, 1988, с. 203]. Механик Андрей Воронцов естеству не доверяет: *«А ты для чего здесь? Организм!..»* [Шукшин, 1988, с. 204]. Но прав оказывается доктор. Колька, *«совсем безнадежный на вид»* [Шукшин, 1988, с. 203], всего через пару недель поправляется.

Надрывную серьезность советского героического мифа Шукшин контрастно оттеняет карнавальная вставка. Колькин сосед по палате смешно комментирует крик одуревшего от жары петуха:

«– Не зря он так орет, – сказал кто-то. – Курица ему изменила. Я сам видел: подошел красный петух, взял ее под крылышко и увел.

– А этот куда смотрел, который орет сейчас?

– Этот?.. Он в командировке был – в соседней ограде.

Колька тихонько хохотал, уткнувшись в подушку» [Шукшин, 1988, с. 205].

Любовная драма петуха – комическая параллель к истории Колькиной влюбленности. Соответствие закреплено в том числе и на лексическом уровне. Узнав о романе Глашки с неведомым кавалером, Колька плачет, *«уткнувшись в подушку»* [Шукшин, 1988, с. 200]. Его реакция на шутку об изменившей курице зеркальна: он хохочет *«уткнувшись в подушку»* [Шукшин, 1988, с. 205].

Поздний Шукшин концентрируется уже не на самом подвиге, как когда-то в киноповести «Живет такой парень», а на его последствиях. Хромой шофер Веня Зяблицкий из рассказа «Мой зять украл машину дров!» (1971) теоретически мог бы попасть в галерею Мересьевых мирного времени. Комментарии к «Повести о настоящем человеке» редко обходятся без ссылок на судьбы людей, вдохновленных мужеством безного летчика: «Среди тех, кого книга Полевого поддержала в трудную минуту, можно назвать и многих героев мирных дней. Вот, к примеру, судьбы, ставшие уже историческими: Герой Социалистического Труда Прокофий Нектов, безногий тракторист Белозерской МТС; чехословацкий тракторист Ярослав Чермак, лишившийся кистей обеих рук, но освоивший управление трактором; поляк Стах Перунку <...>» [Железнова, 1981, с. 524].

Веня получил травму ноги при обстоятельствах, которые при желании легко представить как героические: его отец погиб на фронте, мать *«надсадилась в колхозе – померла»*, и *«Венька с десяти лет пошел работать»* [Шукшин, 1989, с. 271]; *«подростком был прицепником, задремал ночью на прицепе, свалился в борозду, и его шаркнуло плугом по ноге»* [Шукшин, 1989, с. 266]. Писатель, когда-то без особой необходимости «подмахнувший» Пашке Колокольникову геройский поступок, старательно избегает ложного пафоса, зато в речи персонажей этот пафос местами педалируется чрезмерно.

В своих самых ранних публикациях начала 1950-х годов Шукшин, по точному наблюдению Д.В. Марьина, прятался «за обезличенными, но зато бесспорными идеями и готовыми, “проверенными”, не могущими вызвать ни у кого сомнения штампами» [Марьин, 2013, с. 181]. В текстах конца 1960-х – начала 1970-х годов подобную тактику речевого поведения автор приписывает своим героям. *«Я первые колхозы создавала!»* – не перестает восклицать («как-то даже с визгом») теща Вени Зяблицкого [Шукшин, 1989, с. 267, 271]. В споре с ней и Веня переходит на язык штампов. *«– А про меня в газете писали, што я, хромой, – на машине работаю! – тоже закричал Веня. И постучал себя в грудь кулаком. – У меня пятнадцать лет трудового стажу!»* [Шукшин, 1989, с. 287]. Суд над Веней показывает, что этим языком владеют все. *«Граждане судьбы!»* – выступает старый солдат Михайло Кузнецов, – *«Я знал отца Венькиного – он пал смертью храбрых на поле брани»*. *«Его (Веню. – А. К.) каждый праздник отмечают как передового труженика»*, – выкрикивают из зала [Шукшин, 1989, с. 271].

К началу 1970-х годов партийно-государственная система СССР окостенела. В новом идеологическом контексте образ настоящего чело-

века быстро утратил свою харизматичность. Дело не только в том, что измельчал герой: газеты пишут не о безногом летчике, а всего лишь о хромом шофере. Подвиг воспринимается теперь как индальгенция, отпускающая любые грехи и преступления.

Литература

- Железнова Н. Комментарии // Полевой Б. Собрание сочинений : в 9-ти тт. М., 1981. Т. 1.
- Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.
- Куляпин А.И., Скубач О.А. Игры со временем: семиотика часов в советской культуре 1920-40-х годов // Филология и человек. 2007. № 1.
- Марьин Д.В. Первые опубликованные работы В.М. Шукшина // Филология и человек. 2013. № 1.
- Полевой Б. Собрание сочинений : в 9-ти тт. М., 1981. Т. 1.
- Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.
- Шукшин В.М. Вопросы самому себе. М., 1981.
- Шукшин В.М. Киноповести. Повести. Барнаул, 1986.
- Шукшин В.М. Любавины : Роман. Книга вторая. Рассказы. Барнаул, 1988.
- Шукшин В.М. Рассказы. Барнаул, 1989.

РОЛЬ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ

Е.Ю. Викторова

Ключевые слова: квантитативная лингвистика, дискурсивные слова, научный дискурс, русский язык, английский язык.

Keywords: quantitative linguistics, discourse marker, academic discourse, the Russian language, the English language.

Общеизвестно, что элементы языка объективно обладают количественными признаками – одни единицы языка используются редко, другие часто, одних единиц много, других мало. Количественные характеристики не только столь же необходимы языковым единицам, как и качественные, но нередко являются и причинами, обуславливающими те или иные качественные проявления этих единиц на другом, более высоком уровне языка. Другими словами, как пишет Б.Н. Головин, один из разработчиков количественных методов, а именно статистиче-

ских методик, в отечественной лингвистике, существует «внутренняя зависимость между качественными и количественными характеристиками языковой структуры». Поэтому познание количественной стороны языка, количественных закономерностей стало одной из задач современной лингвистики. По мнению ученого, без количественной оценки языковых данных «не может быть достигнуто достаточно полное и разностороннее знание языка» [Головин, 1971, с. 10-13].

За последние несколько десятилетий количественные, или квантитативные, методы стали действительно востребуемыми и популярными среди лингвистов (см., например: [Квантитативная лингвистика..., 2005; Титов, 2005; Сильницкий, 2006; Exact methods..., 2007; Popescu, 2009; Köhler, 2012] и др.). В языкознании образовалось целое направление, называемое квантитативной лингвистикой. Особенно растет интерес к количественным методам в применении к прикладным лингвистическим отраслям, например, в машинном переводе, преподавании языков, документоведении, построении информационно-поисковых систем и т.д. В 1994 году была образована Международная Ассоциация квантитативной лингвистики, которая выпускает «Журнал квантитативной лингвистики» (<http://www.tandfonline.com/toc/njql20/current> Дата обращения: 20.11.2012).

Исследование лексического состава языка и частоты встречаемости слов в тексте является традиционным аспектом квантитативной лингвистики. В ее рамках осуществляют исследования авторских идиостилей и функциональных стилей. С помощью количественных методов устанавливают авторство произведений [Шаховский, Шейгал, 2010]. Для дискурсивных слов (или дискурсивов), как и для всех других элементов дискурса, количественные характеристики также значимы. Исследование особенностей функционирования дискурсивных слов в разных функциональных стилях и жанрах речи в разных языках неизбежно выводит нас на использование количественных методик, так как эти методики позволяют нам сравнивать особенности использования дискурсивных слов по целому ряду количественных параметров, например, по количеству употреблений и частоте употребления как отдельных дискурсивов, так их групп, по количеству обнаруженных в том или ином тексте разных дискурсивов (то есть по длине репертуарного списка дискурсивов), а также по степени их разнообразия в речи.

Рассмотрим результаты применения количественных методик при исследовании функционирования дискурсивов на материале научно-медицинских статей на русском и английском языках, опубликованных

в академических медицинских журналах России и США в 2009-2012 годах.

Термин «дискурсив» вошел в лингвистику сравнительно недавно, есть разное представление о границах его применения, но чаще всего под ним понимается коммуникативная единица, придающая «особый дискурсивный статус» некоторому фрагменту дискурса и обладающая определенной «дискурсивной семантикой». Дискурсивы устанавливают отношение между двумя (или более) составляющими дискурса [Дискурсивные слова..., 2003].

Мы полагаем, что дискурсивы, будучи одним из средств организации дискурса, выступают в роли вспомогательных коммуникативных единиц. Они помогают адресату интерпретировать высказывание адресанта, они экономят его мыслительные усилия в плане интерпретации смысла высказывания, они управляют вниманием адресата. В целом, они улучшают качество восприятия дискурса и увеличивают скорость его восприятия.

Вспомогательная функция в дискурсе выполняется разными вербальными и невербальными средствами: это могут быть жесты, графические средства, знаки пунктуации (кавычки, скобки, тире и др.), разные виды шрифта (полужирный шрифт, курсив), красная строка, некоторые разделы речевых произведений (аннотации, ключевые слова, вступления, ссылки). Предметом нашего исследования являются только **лексические способы** выражения вспомогательности – особые лексические единицы: слова и устойчивые речевые обороты (редко предложения), функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятию.

Дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление. Они часто бывают «непереводимыми», так как в другом языке фактически не бывает их точных эквивалентов. Общепризнанным является то, что у многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивными, и другие, недискурсивные, употребления. При этом между дискурсивными и другими употреблениями слова часто не существует семантической связи (ср., например, наречие *well* и дискурсив-хезитатив *well*). Возможно даже противоречие дискурсивного значения пропозициональному.

Дискурсивы очень разнообразны - и по структуре, и по значению. Дискуссионен и их состав. К дискурсивам в широком понимании этого термина исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречия (*соответственно*), частицы (*только, именно, как*

бы, лишь), союзы и союзные слова (*потому что, хотя*), модальные слова (*безусловно, возможно, наверно, конечно*), но и словосочетания и выражения (*выше приводился, в том числе, таким образом, можно сказать*) и целые предложения (*разрешите напомнить следующие положения, речь идет о ситуации*). Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе [Андреева, 2005; Дискурсивные слова..., 1998; Дискурсивные слова..., 2003; Кобозева, Захаров, 2007; Сиротинина, 2005; Уздинская, 2012; Carter, McCarthy, 2007; Redeker, 2006; Taboada, 2006].

Нам представляется, что дискурсивы неоднородны и по типу и объему реализуемой ими информации. Часть дискурсивов являются дискурсивными операторами в чистом виде, то есть они функционируют исключительно в качестве вспомогательных единиц (*во-первых, итак, следовательно, например*). Мы будем условно называть такие единицы **собственно дискурсивами**. Другие одновременно сочетают вспомогательную функцию с информативной, то есть являются синкретичными. Они одновременно функционируют и как дискурсивные маркеры, и как носители фактуальной, пропозитивной информации. Полагаем, что такая разновидность синкретизма может быть названа функционально-прагматическим синкретизмом, например: *Уровень ТАТ в плазме крови ex vivo стабилен, а выработка фибринопептидов при малейших отклонениях в процедурах взятия, обработки и хранения образцов крови может изменяться*. Лексема *может* в данном контексте, на наш взгляд, одновременно передает основную информацию (сообщает о возможности определенного химико-биологического процесса), и вспомогательную (смягчает поданную информацию, снижает категоричность высказывания или даже говорит о нестабильности данных изменений, то есть служит сигналом не полной уверенности автора в своих словах, не обязательной достоверности процесса). Условно назовем такие дискурсивы **синкретичными**. Следует отметить, что в отличие от полисемии, синкретизм, в том числе и функционально-прагматический, контекстом не разрешается, двоякое значение остается.

Так как научный дискурс представляет собой рассуждение, которое организуется как взаимосвязанная последовательность дискурсивных приемов описания, классификации, сравнения, оценивания и т.п., то дискурсивы как раз и используются как эксплицитные пометы использованных дискурсивных приемов и операций. Дискурсивные слова это слова-организаторы, их основная функция состоит в оформлении и упорядочении рассуждений, в связывании отдельных текстовых фраг-

ментов текста, а также в организации взаимодействия между адресантом и адресатом. Дискурсивы в научном дискурсе стереотипны и атематичны, их выбор практически не зависит от содержания, они выступают в роли «универсальных коммуникативно-прагматических средств речевой организации научного знания» [Баженова, 2007, с. 224]. Использование дискурсивных слов в тексте научного произведения повышает уровень стандартизованности такого текста, что позволяет исследователям называть дискурсивы общенаучной лексикой, состав которой не зависит от конкретной научной области. Таким образом, дискурсивы в научном языке инвариантны [Большакова, Баева, 2004].

В рамках настоящего исследования было отобрано по пять научно-медицинских статей в каждом из языков. В целом английские статьи оказались по объему больше, чем русские. Общий объем исследованных английских статей составил 15282 словоупотребления, русских – 11024 словоупотребления. Общее количество зарегистрированных на данном объеме материала употреблений дискурсивов в английских статьях составило 538. В репертуарном списке отмеченных дискурсивных конструкций содержится 185 дискурсивов, средняя частота использования дискурсивов – 1 дискурсив на 28 словоупотреблений. В русских статьях все эти показатели намного ниже: количество употреблений – 204, в списке – 101 дискурсив, частота использования – 1 дискурсив на 54 словоупотребления. Из приведенных данных видно, что в английских статьях дискурсивы используются почти в два раза чаще, чем в русских, репертуарный список английских дискурсивов (то есть количество разных дискурсивов) длиннее русского почти в два раза. Однако в русском языке дискурсивы реже повторяются (здесь один дискурсив используется в среднем два раза), их употребление в полтора раза разнообразнее, чем в английском, где один дискурсив повторяется почти три раза. Скорее всего, большему количеству повторяющихся единиц в тексте способствует большая частота их использования.

На основе выполняемых дискурсивами функций считаем возможным разделить все дискурсивы на две большие группы: дискурсивы-интерактивы и дискурсивы-организаторы. Первые отвечают за взаимодействие, за связь между адресантом и адресатом, за выражение субъективных мнений, оценок, комментариев, отношений. Вторые ориентированы на сам текст: они указывают на элементы структуры текста, связывают эти элементы, отсылают к другим текстам, отображают логику и последовательность рассуждений и т.п. Доля этих двух разновидностей дискурсивов в русском и английском языках в исследован-

ных нами статьях оказалась одинаковой: дискурсивы-интерактивы составляют 47%, дискурсивы-организаторы – 53%. Таким образом, интерактивы и организаторы представлены в обоих языках примерно одинаково.

В данной публикации мы покажем, как могут быть использованы количественные методы анализа для получения информации о качественной стороне функционирования дискурсивных слов на примере дискурсивов-интерактивов в английском и русском языках.

В английских статьях частота использования дискурсивов-интерактивов составляет 1 дискурсив на 60 словоупотреблений, в русских – 1 на 116 словоупотреблений. То есть английский язык демонстрирует в два раза большую частотность дискурсивов-интерактивов, кроме того в английских статьях отмечен в два раза более длинный репертуарный список этих дискурсивов, несмотря на меньшее их разнообразие.

Дискурсивы-интерактивы используются для повышения или понижения степени достоверности высказывания (*разумеется, возможно, maybe, surely*), для выражения своего отношения (*к сожалению, unfortunately*), оценки содержания высказывания (*важно, что..., interestingly, alarmingly*) или своей речи (*точнее сказать, briefly*), они придают дополнительные смысловые оттенки словам и высказываниям (*лишь, практически, even, ultimately*), помогают расставить акценты в речи, выделить наиболее значимые моменты (*особенно, прежде всего, in particular*), демонстрируют направление рассуждений и прочие ментальные действия автора (*мы понимаем, считаем возможным, we report, we know*), помогают выразить автору свое мнение (*на наш взгляд, in our opinion*). Рассмотрим самые частотные дискурсивы-интерактивы.

Как и в других научных дисциплинах [Викторова, 2011] самыми частотными интерактивами в медицинских статьях в обоих языках оказались дискурсивы, понижающие достоверность сообщения. Это дискурсивы, выражающие неуверенность, предположительность, приблизительность, допущение, сомнение, нерегулярность и другие модальные значения. Однако они могут трактоваться и как сигналы снижения категоричности и скромности, как проявление принципа научной осторожности, их использование является нормой для научного стиля речи, необходимой частью научной этики [Fraser 2010]. Мы считаем, что такая высокая доля данных дискурсивов в текстах статей неслучайна. Для научной речи в целом характерно стремление избегать слишком прямых и решительных утверждений и заявлений, так как научный дискурс имеет дело чаще с теориями, предположениями, гипотезами,

обменом мнениями и т.д., а не с жесткими, бесспорными фактами. Некатегоричность речи следует признать очень важным свойством научного дискурса [Солганик, 2010; Carter, McCarthy, 2007].

Сигналы некатегоричности и неуверенности составляют 35% от всех дискурсивов-интерактивов в английских статьях и 27% в русских статьях. К таким сигналам относятся модальные слова *возможно, вероятно*, модальные глаголы *мочь, can, could, may, might*, предикатив *можно*, глаголы с модальными оттенками значений *предлагать, suggest*, наречия *несколько, примерно, unlikely, presumably, probably*, предложения *it is possible, it is not certain*. Модальные слова и наречия будем условно считать собственно дискурсивами, а модальные глаголы и предикативы синкретичными дискурсивами, так как последние сочетают в себе основную и вспомогательную информацию, выражая соответственно объективную и субъективную модальность. Приведем примеры использования дискурсивов такого типа в русских статьях: *...выполненная реваскуляризация в случае прогрессирования атеросклероза в бассейне другой коронарной артерии **может** облегчить клинические проявления ишемии миокарда; Из немногочисленных работ по изучению причин нарушения гемодинамики на уровне КВП у детей **можно** сделать вывод о большой распространенности данной патологии у пациентов разных возрастных групп и при разных заболеваниях....* Глагол *мочь* в русских статьях встречается намного чаще других сигналов, понижающих достоверность сообщения (11 употреблений). Дискурсив *возможно* встретился четыре раза. Остальные дискурсивы отмечены единичным употреблением. Всего в русских медицинских статьях зарегистрировано 26 употреблений 12 дискурсивов этого типа.

В английских статьях частота использования дискурсивов, снижающих категоричность сообщения, в 2,5 раза превышает этот показатель в русских статьях, репертуарный список также длиннее (почти в 1,5 раза). Здесь отмечено 89 употреблений 17 дискурсивов этой разновидности. Чаще других в функции таких сигналов в английских статьях так же, как и в русских, встречаются синкретичные дискурсивы, выраженные модальными глаголами: *can* (20 употреблений) и *may* (16). Приведем примеры: *The heavy chain **can** be structurally subdivided into an amino-terminal fragment...; These binding differences **may** reflect a blockade of toxin epitopes in the A2 complex toxin by the accessory proteins.*

На втором месте по частоте использования среди дискурсивов-интерактивов в обоих языках оказались так называемые авторизующие

конструкции – дискурсивы, содержащие самоупоминание автора. Они используются либо для экспликации своего личного авторского мнения (*на наш взгляд*), либо описывают действия автора во время проведения эксперимента (*мы пользуемся, применяли, проводили, определяли*). Это могут быть ментальные действия, связанные с рассуждениями автора, производимыми им логическими операциями (*считаем возможным*). Дискурсивы, содержащие глагол в настоящем или прошедшем времени (особенно много таких конструкций в английских статьях (*we measured, we studied, we reported, we developed*)), являются, на наш взгляд, синкретичными, так как сочетают в себе фактуальную и дискурсивную информацию. Эти дискурсивы, с одной стороны, сообщают о совершенных в процессе исследования действиях ученых, а с другой стороны, усиливают личностную направленность научного изложения, подчеркивают не только личный вклад авторов статьи в проведенное исследование, но и их ответственность за предоставляемую информацию.

В русских статьях авторизирующие дискурсивы составляют 17% от всех интерактивов, в английских их доля выше и равна 24%. Частота использования авторизирующих конструкций в английском материале превышает частоту в русском почти в три раза. Следовательно, дискурсивы-самоупоминания более типичны для английской научной речи.

Авторизирующие дискурсивы содержат личное (или притяжательное) местоимение 1-го лица. В русских статьях это традиционно местоимение множественного числа (*мы*): *Под клиническим выздоровлением и значительным улучшением мы понимали снижение PASI на 75-100% от исходного*. В ряде случаев русские предложения подобного типа являются страдательными конструкциями или неопределенно-личными предложениями: *Нами использовался режим работы аппарата с излучателем ЛК-6; Для расчета индекса определяли дерматологический индекс качества жизни*. Именно такие «обезличенные» формы предпочитают и рекомендуются для использования в русских статьях. Английская научная традиция считает использование *we* в научной речи для обозначения одного автора педантичным и требует использовать личное местоимение в единственном числе *I* [Day, 1998]. Исследованные нами статьи написаны авторскими коллективами, следовательно, в них использование *I/я* исключено в принципе.

Кроме того, современная английская традиция советует избегать употребления страдательных конструкций в научной речи [Day, 1998]. Следует также сказать, что английские авторизирующие предложения в

силу особенностей английского синтаксиса всегда являются двусоставными. Большинство дискурсивов с *we*, описывающих действия авторов в эксперименте, содержат глагол в прошедшем времени (*we used, we found, we studied, we analyzed, we reported*), а при описании действий, связанных с написанием статьи используется настоящее совершенное (*we have shown, we have termed, we have observed*) и в редких случаях настоящее время (*we attribute, we know*). Например: ***We compared the evaluation strategies with respect to the following measures of diagnostic performance; We undertook a study to determine the sensitivity of the mouse bioassay in detecting WB.*** Кроме дискурсивов, связанных с действием, довольно типично для английских статей упоминание авторами и своего исследования или эксперимента – *our review, our definition, our finding, our analysis, our study*. Например: *The number of patients in our study was small.*

Таким образом, английский научный дискурс благодаря в том числе и частому использованию авторизирующих дискурсивов характеризуется большей степенью присутствия в нем авторского начала, здесь авторское *я* (точнее, *мы*) звучит ярче и чаще, чем в русской научной речи. На наш взгляд, использование личных местоимений 1-го лица в тексте статьи повышает ответственность авторов за свое исследование, за достоверность полученных результатов.

На третьем месте по частоте использования в обоих языках оказались дискурсивы, придающие дополнительные оттенки значения словам и высказываниям: *лишь, достаточно, практически, все-таки, only, even, significantly, ultimately*. Эти единицы выражены в основном частицами и наречиями, которые обозначают отношение к содержанию сообщения. Доля этих дискурсивов в английских статьях составляет 17%, в русских 18% от всех дискурсивов-интерактивов. Однако в русском материале мы не обнаруживаем ни большого разнообразия этих единиц, ни высокой частоты их использования (1 дискурсив на 648 словоупотреблений). Чаще других встречаются дискурсивы *лишь* и *достаточно*. Например: *Каротидная эндартерэктомия является вторым по частоте хирургическим вмешательством и уступает лишь реконструкциям коронарных артерий; Возможно, благодаря рандомизации даже небольшое число больных распределилось в группы достаточно равномерно* (при этом *достаточно* используется ненормативно (достаточно для чего?), стало модным [Новиков, 2011] и фактически является лишним. Для смягчения категоричности надо было сказать *довольно равномерно*).

Английские дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы, употребляются в исследованном материале почти в два раза чаще, чем в русских статьях. Чаще других использованы дискурсивы *only* (11 употреблений), *significantly* (5), *at least* (4), *even* (4), *generally* (3), *ultimately* (3), остальные дискурсивы (например, *nearly*, *highly*, *already*, *primarily*, *rather*, *slightly*) замечены в единичных случаях. Например: *However, only BCRs were used, and the discrepancies between local health department-reviewed and duty officer-completed BCRs would be minimal; Antibody pairs showed significantly greater BoNT/A1 neutralization than single MAbs, with even greater potency observed for combination of three MAbs.*

Итак, сигналы некатегоричности, авторизующие дискурсивы и дискурсивы, выражающие дополнительные значения, являются наиболее частотными типами дискурсивов-интерактивов в обоих языках. Остальные разновидности интерактивов – сигналы уверенности, перформативные дискурсивы, оценочные дискурсивы, дискурсивы-акцентивы и дискурсивы, непосредственно обращенные к адресату, используются намного реже, и в данной публикации мы на них останавливаться не будем.

В целом отметим, что английские авторы используют дискурсивы-интерактивы в два раза чаще русских авторов, репертуарный список английских дискурсивов этого типа длиннее русского также в два раза. Однако в русских статьях эти дискурсивы в полтора раза разнообразнее, здесь меньше встречаются повторяющиеся дискурсивные конструкции. Только в английских статьях мы обнаруживаем присутствие всех выделяемых нами типов интерактивов, пусть некоторые из них и употребляются в минимальном количестве. В русских статьях отсутствуют дискурсивы, содержащие самооценку речи, и дискурсивы, обращенные к адресату.

Среди сходных моментов следует отметить, что, во-первых, доля дискурсивов-интерактивов в обоих языках одинакова – 47% и, во-вторых, самые популярные английские дискурсивы-интерактивы полностью совпадают по своим функциям с самыми часто употребляемыми русскими. В обоих языках рейтинг данных дискурсивов одинаков. Перечислим их в порядке убывания: сигналы некатегоричности; авторизующие дискурсивы; дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы; сигналы уверенности; оценочные дискурсивы; дискурсивы-акцентивы.

Таким образом, количественный анализ показал, что дискурсивы-интерактивы являются универсальными для обоих языков, их подтипы

присутствуют в обоих языках в одинаковом соотношении. Однако английские авторы прибегают к таким дискурсивам чаще русских. На данном основании можно сделать вывод, что научной речи англоязычных медиков более свойственно проявление субъективно-модального, личностного начала, которое проявляется в более частом выражении своей уверенности и неуверенности, дополнительных смысловых оттенков, упоминании себя и подчеркивании своего вклада в исследование, а также в самооценке речи.

Можно сказать, что научная речь в русских медицинских статьях проявляет определенный минимализм в употреблении дискурсивных слов. Хотя на этот счет существуют и прямо противоположные мнения. Например, В.А. Плунгян, говоря о языке английских научных статей (правда, без указания на конкретную научную дисциплину), называет его рубленным, сухим, безэмоциональным и связывает это с малым содержанием в них дискурсивов [Плунгян, 2012]. Результаты нашего исследования свидетельствуют, что подобные утверждения верны скорее в отношении медицинских статей на русском языке, а не на английском. Примечательно, что в лингвистических статьях картина иная: в русских лингвистических статьях дискурсивы употребляются немного чаще, чем у английских лингвистов, причем явное предпочтение отдается дискурсивным словам, ориентированным на организацию текста (73%) [Викторова, 2011]. Возможно, В.А. Плунгян исследовал именно их.

Итак, различия, которые были отмечены между дискурсивами-интерактивами в двух языках, касаются главным образом количественной стороны, причем в ее абсолютном выражении. То есть различия заключаются в количестве употребленных дискурсивов, а значит и в частоте их употребления. Что касается процентного соотношения содержания различных типов дискурсивов в статьях (долей их содержания), то наш материал свидетельствует, что оба языка сходны (а в некоторых случаях просто идентичны) по многим показателям. Таким образом, качественная сторона – какие и где преобладают дискурсивы – демонстрирует универсальные для двух языков особенности медицинской научной речи.

Проведенное исследование подтверждает, что количественные показатели в прагмалингвистическом исследовании дискурса дают существенную информацию о самих текстах и их авторах [Варнавских, URL]. Такие исследования дают возможность сравнивать между собой как различные стили и формы речи, так и разные языки.

Литература

- Андреева С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов, 2005.
- Баженова Е.А. Прагматические единицы научного текста. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2007/vol2/20.pdf>.
- Большакова Е.И., Баева Н.В. Автоматический анализ дискурсивной структуры научного текста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Bolshakova.htm>
- Варнавских Н.В. Количественные методы исследования в прагмалингвистике. [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.bigpi.biysk.ru/wwwsite/data/typology/1.htm>
- Викторова Е.Ю. Роль гендера в употреблении русских и английских субъективно-модальных дискурсивов (на материале письменной научной речи) // Личность-Язык-Культура. Саратов, 2011.
- Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1971.
- Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003.
- Квантитативная лингвистика: исследования и модели (КЛИМ – 2005). Новосибирск, 2005.
- Кобозева И.М., Захарова Л.М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность». М., 2007.
- Новиков Вл. Словарь модных слов. М., 2011.
- Плунгян В.А. Дискурсивные слова. [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/video/2961>
- Сильницкий Г.Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Смоленск.
- Сиротинина О.Б. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // *Oameni si idei: Studii de filologie. Cluj – Napoca*, 2005.
- Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. М., 2010.
- Титов В.Т. Принципы квантитативной лексикологии (на примере романских языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005.
- Уздинская Е.В. Неудачное использование дискурсивных слов в газетных текстах // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2012.
- Шаховский В.И., Шейгал Е.И. Методика лингвистических исследований. Волгоград, 2010.
- Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Spoken and Written English Grammar and Usage. Cambridge, 2007.
- Day R.A. How to write and publish a scientific paper. Phoenix, 1998.
- Exact Methods in the Study of Language and Text. Mouton de Gruyter, 2007.
- Fraser B. Pragmatic Competence: The Case of Hedging // *New Approaches to Hedging*. Emerald Group Publishing Limited, UK, 2010.
- Köhler R. Quantitative Syntax Analysis. Berlin and Boston, 2012.
- Popescu I. et al. Word Frequency Studies. Mouton de Gruyter, 2009.
- Redeker G. Discourse markers as attentional cues at discourse transitions // *Approaches to Discourse Particles. Studies in Pragmatics 1*. Amsterdam, 2006.

Taboada M. Discourse markers as signals (or not) of rhetorical relations // Journal of Pragmatics. 2006. Vol. 38.

ОСОБЕННОСТИ РАССУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ЮРИСДИКЦИОННОЙ РЕЧИ

Л.Р. Дускаева

Ключевые слова: официально-деловой стиль, рассуждение, композиционная форма, обоснование, опровержение.

Keywords: official style, discourse, composition, basis, disproof.

Рассуждение рассматривается в стилистике как тип речи, способ изложения, функция которого – обоснование и аргументация высказываемой идеи, смысловую основу составляет воспроизведение динамики развертывания умозаключения выражением причинно-следственных отношений (В.В. Виноградов, О.А. Нечаева, Т.Б. Трошева). В исследовательских работах, посвященных официально-деловому стилю (ОДС), многократно указывалось, что ему рассуждение не свойственно [Кожина, 1977; Трошева, 2003]. Действительно, в силу специфики этого стиля, экстралингвистической его основы – регулирующей функции – рассуждение не является системным конструктивным признаком ОДС. Однако с преобразованием законодательной базы конца XX – начала XXI веков, с внедрением принципа восстановления и судебной защиты нарушенных прав, утверждением состязательности как нормы правовой жизни произошли изменения в этом стиле, и прежде всего возросла потребность в создании документов, основу которых составляет рассуждение. В статье проанализируем особенности рассуждения в особых юридических документах – актах прокурорского реагирования, фиксирующих разные «участки» прокурорской деятельности.

Среди этих документов – представлений, протестов, заявлений и кассационных представлений – можно выделить две группы: тексты, направленные на коррекцию противозаконных действий должностных лиц (представления), и тексты, в которых запечатлевается правовая оценка нормативных актов, своеобразные тексты о текстах (протесты, заявления, кассационные представления). Рассуждение в них имеет различные коммуникативно-композиционные варианты, однако в любом случае текст содержит по-разному сформулированные тезис,

аргументы – комментирующую часть, призванную обосновать его, и выводы.

Рассуждение-обоснование

Обратимся к анализу рассуждения в жанре представлений, логика развертывания в которых такова: сообщение о чьих-то действиях → обоснование незаконности совершенных действий → предложение способа действий. Тезисом выступает здесь утверждение о противоречии чьих-то действий правовой норме. Обоснование противоречия передается демонстрацией конфликтной ситуации, например:

Первого декабря 2005 года победителем конкурса признано ООО «Старт». Однако, кроме ООО «Старт», в конкурсе приняло участие ООО «Вита», которое, по аудиторскому заключению, ... предоставляет комплекс услуг, соответствующий требованиям технического задания конкурса. Причем из материалов проверки следует, что цена конкурсной заявки, предложенная победителем, была на 450100 рублей выше цены, предложенной ООО «Вита» (11486400 по сравнению с 11036100 соответственно). Согласно ст. 447 ГК РФ, п.4.8 «Положения о проведении открытого конкурса», утвержденного постановлением ..., победителем признается претендент, не только подтвердивший правомочность участия в открытом конкурсе, приемлемость предоставляемого комплекса услуг, но и предложивший лучшие условия, в том числе наименьшую общую справочную стоимость комплекса услуг.

Основанием же для признания победителем конкурса ООО «Старт», а не ООО «Вита» стало, по заключению комиссии, отсутствие у последнего, во-первых, сформированной базы данных по учету потребителей жилищно-коммунальных услуг и, во-вторых, сертифицированного программного продукта.

Как видим, обоснование незаконности совершенных действий передается демонстрацией противоречия между правовой нормой и ситуацией. Правовая норма транслируется:

- конструкциями ввода чужой речи *согласно ст. ..., содержащейся в...;*
- номинацией правовых актов, которыми прокурор руководствуется (ст. 447 ГК РФ, п.4.8 «Положения о проведении открытого конкурса», утвержденного постановлением ...; антимонопольного законодательства, содержащейся в абз.1 п.1 ст.9 Закона РСФСР «О конкуренции

и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22.03.1991 № 948-1);

- предикатами, называющими предписываемые действия: *победителем признается;*
- указанием на действия сторон, соответствующие правовой норме (глагольными формами *подтвердивший правомочность, приемлемость, предложивший условия*).

Ситуация характеризуется:

1) в номинациях состязания (лексикой соответствующей семантики *конкурс, победитель, конкурсная*) и его участников (официальными названиями организаций *ООО «Старт», ООО «Вита»*);

2) сопоставлением и сравнением данных о соперниках (в морфологических формах и конструкциях соответствующей семантики *лучшие, по сравнению с, наименьшая, выше цены, на 450 тыс. рублей*), исключения (дополнением с предлогом *кроме*), противопоставлением чьих-то действий правовой норме (с помощью союзов *однако, причем, не только, но и...*, частицы *же*).

Квинтэссенция рассуждения – обоснование предъявленного замечания – достигается: а) указанием на действия, которые вызвали замечание, б) упоминанием нормы в законодательстве, с которой действия вступили в противоречие, в) демонстрацией правовой несостоятельности иных доводов, г) выражением противопоставленности позиции, изложенной в предыдущем документе, и позиции прокурора, например: ***Между тем условиями конкурса такие требования к претендентам не предъявлялись. Более того, первоначально введенное в Правила проведения конкурса, позже решением конкурсной комиссии от 02.09.2005 года они были признаны необоснованным и исключены. У ООО «Старт» наличие базы данных по учету потребителей обусловлено тем, что уже до проведения конкурса предприятием оказывалась данная услуга и у него база данных была сформирована. Следовательно, уже до конкурса по этому критерию оно имело преимущество перед другими претендентами. Выдвижение этого критерия в качестве определяющего победу в конкурсе привело к нарушению нормы антимонопольного законодательства, содержащейся в абз.1 п.1 ст.9 Закона РСФСР "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" от 22.03.1991 № 948-1, запрещающей создавать кому-либо из участников конкурса преимущественные условия.***

Действия, вызвавшие замечание, названы отглагольными существительными (*Основанием же для признания победителем конкурса...*

стало...отсутствие у последней базы данных...). Важным в этом случае является уточнение того, кем совершены те или иные действия (стало по заключению комиссии). Сформулировать норму в законодательстве, с которой действия вступили в противоречие, стало возможным благодаря использованию ссылок (норма антимонопольного законодательства, содержащаяся в...) и актуализации нужной нормы с помощью лексем соответствующей модальности (запрещающая создавать ...преимущественные условия), отрицательной конструкции (требование правилами не предъявлялось). Правовая несостоятельность иных доводов показана средствами соответствующей оценки (признано необоснованным и исключено, привело к нарушению нормы). Противопоставление позиций акцентируется противительными союзами (а не, между тем).

Модальность возражения «поддерживается» комплексом языковых средств, например:

Несмотря на это, государственным регистратором Л.М. Шатуровой **в нарушение** указанной нормы закона 3.12.2004 года проведена государственная регистрация сделки, чем **грубо нарушены права гражданина А.А. Артюхина**.

Во фрагменте использованы обстоятельство уступки с предложением *несмотря на это*, отыменной предлог соответствующей семантики *в нарушение*, оценочная лексика (*грубо нарушены*), взаимодействие которых помогают обнажить незаконность чьих-то действий.

В качестве вывода документ содержит предложения об устранении нарушений, которые излагаются в категоричной форме – требования – инфинитивными конструкциями, вводимыми специализированной стандартной фразой:

Учитывая изложенное, руководствуясь ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», требую: **Безотлагательно рассмотреть** настоящее представление и **принять** действенные меры по устранению выявленных нарушений закона и недопущению их в дальнейшей работе. **Решить** вопрос о привлечении виновных в допущенных нарушениях лиц к дисциплинарной ответственности. **О результатах рассмотрения представления и принятых мерах сообщить** в прокуратуру края в письменной форме не позднее чем в тридцатидневный срок со дня получения акта прокурорского реагирования.

Документ завершается предложением адресату скорректировать неверно выбранную им модель действий. Оно звучит категорично из-за

использования наречия *безотлагательно* и выдвижения инфинитивов в начало фразы.

Рассуждение как опровержение

Иной коммуникативно-композиционный вариант рассуждения представлен в жанрах протеста, искового заявления, кассационного представления. Эти документы являются обращениями прокурора к должностным лицам (компетентным органам) с требованием об устранении содержащихся в правовых актах противоречий с законом. Тем самым коммуникативная целеустановка этих рассуждений – трансляция опровержения, которое направлено против тезисов исходного документа с целью установления его противозаконности (полной или частичной). Логика развертывания мысли такова: изложение содержания предшествующего документа и формулирование тезиса-опровержения → обоснование возражения против его законности → в качестве выводов предложение способа коррекции. Смысловая структура текстов содержит два речевых плана: 1) составителей оспариваемого документа; 2) прокурора, разъясняющего правовую норму и оценивающего чужую речь. Документ представляет собой своеобразный текст о тексте.

1. **Представление тезиса.** В жанре протеста пересказываются в оценочно-правовой рамке те моменты правового акта, которые вызвали у прокурора возражение, например:

В соответствии с Генеральным планом города Энска... выделенный участок оказался расположен в зоне многоэтажной жилой застройки высокой плотности. Но по постановлению участок предоставлен не для жилищного строительства. В силу ч.3 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ ... размещение ... объектов ... иного назначения в жилых зонах допускается только через условно-разрешенный вид использования земельного участка. Предоставлением земельного участка для капитального строительства был изменен вид разрешенного использования, предусмотренный кадастровым планом.

Как видим, первый речевой план формируется благодаря особым «меткам»: 1) в виде названия оспариваемого документа (*постановление, решение*), 2) описания предусмотренной документом модели действий (*выделенный участок, предоставление земельного участка для капитального строительства*). Второй речевой план – правовой оценки – создается в два этапа: сначала излагается правовая норма с использованием ссылок (*в силу ч. 3 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ*), с акцентированием в ней тех моментов, которые оказались в акте не учтены (*только через условно-разрешенный вид использования,*

лишь через обсуждение на публичных слушаниях), затем демонстрируется несоответствие правовой норме отрицательными предложениями (*публичные слушания не проводились, процедура принятия решения не соблюдена*), противительными союзами (*между тем, однако*), оценочной лексикой (*незаконность*).

Оценочно-правовая рамка – введение в текст возражения, часто презентацией отношений противопоставления, – содержит объяснение прокурора того, что именно в содержании рассматриваемого акта не соответствует предписанной законом модели поведения. **Однако согласно п.3 п.1 ст.4 Федерального закона ... решение об изменении одного вида ... на другой может приниматься главой местной администрации только с учетом результатов публичных слушаний. Между тем в ходе проверки, проведенной прокуратурой края, установлено, что до принятия оспариваемого постановления публичные слушания не проводились. Следовательно, процедура принятия решения не соблюдена, что свидетельствует о незаконности принятого и.о. Главы города постановления.**

В текстах второго жанра – **заявления прокурора** в суд – также два речевых плана: 1) составителей правового акта; 2) прокурора, излагающего суть возражений. Это возражение и представляет собой тезис. Рассмотрим пример:

Пункт 11 ст. 14 закона, согласно которому принимаемые избирательной комиссией П-го края постановления нормативного характера вступают в силу с момента их принятия, противоречит федеральному законодательству по следующим основаниям.

Как видно из примера, во фрагменте важны две речевых задачи: во-первых, сообщить о содержании той части текстового пространства закона, которая стала объектом анализа, во-вторых, указать на несоответствие содержания этой части законодательству страны. Первая решается использованием ссылки и пересказом содержания (*Пункт 11 ст. 14 закона, согласно которому...*). Вторая задача выполняется использованием стандартной формулы *«противоречить»* (в разных формах) *«законодательству»*. Далее тезис обосновывается.

В кассационном представлении, которое является письменным обращением в суд с просьбой скорректировать прежде вынесенный приговор, изложение предыдущего судебного решения осуществляется в формуле предъявленного обвинения:

Приговором суда ... признан виновным и осужден за совершение разбойных нападений 05.10.00 г. и 08.12.00 г., по предварительному

сговору с группой лиц, с незаконным проникновением в помещение и жилище, с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Затем формулируется тезис – возражение прокурора – от 1 лица, вводящее последующую аргументацию, например:

Нахожу приговор суда и определение судебной коллегии подлежащим изменению по следующим основаниям; Не оспаривая доказанность вины и квалификацию действий осужденного, *считаю приговор подлежащим изменению в части гражданского иска по следующим основаниям.*

Итак, во всех трех видах документов демонстрацией противоречий закону, содержащихся в предыдущих документах, формулируется тезис о сути правовой коллизии с помощью средств, наделенных оценочной модальностью. Далее предьявленное возражение обосновывается.

2. Изложение доводов опровержения. Доказательство осуществляется несколькими способами – указанием на то, с какими положениями законодательства те или иные акты вступили в противоречие и почему, а также на то, какие это последствия имеет. Для демонстрации противоречия с законом используются ссылки на законодательные акты, содержащие запрет, выраженный обычной отрицательной конструкцией (*В соответствии со ст. 15 Конституции РФ любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения*) или дозволение лишь при определенных условиях, например временных (*в силу п.5 ст. 8 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ законы и иные нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина вступают в силу не ранее чем через десять дней после их официального опубликования*).

Для указания на правовые последствия применения незаконных актов используется формула причинно-следственной семантики «*ведет к + названия противозаконных действий*», например:

*Вступление в силу документов нормативно-правового характера до их опубликования **ведет к** возможности их применения **вопреки указанным требованиям** основного закона России и **нарушает права** неограниченного круга лиц.*

Возражение в протесте может быть передано сообщением о надлежущей норме поведения при сложившихся условиях, например: *Согласно п.7 ст.24.5 КоАП РФ, производство, начатое по делу об административном правонарушении, подлежит прекращению, если за совершение этого же правонарушения принято постановление о возбуждении уголовного дела.* Как видно из фрагмента, условия описаны в придаточном соответствующей семантики, норма изложена в конструкции предписывающего типа (*подлежит прекращению*).

Чтобы обосновать возражение в кассационном представлении, автор документа а) излагает прежнее решение суда; б) оценивает это решение; в) выделяет из рассмотренного дела те моменты, которые требуют дальнейшего осмысления; г) излагает правовую норму, действующую в таких случаях; д) проверяет установленные обстоятельства дела на соответствие условиям действия указанной правовой нормы.

В предыдущем решении может быть выделена юридическая квалификация, которая передается в предложении соответствующей семантики: *Суд необоснованно квалифицировал действия осужденного по эпизоду от 05.10.00 г. как разбой с незаконным проникновением в помещение.* Может быть выделено какое-либо неправомерное действие: *Суд необоснованно взыскал с Прядина причиненный материальный ущерб в пользу Озерского сельского лесхоза.* Все, что вызывает несогласие, передается в оценочной рамке. Модальность несогласия с решением передается наречием *необоснованно*.

То, что в исходном документе требует дальнейшего осмысления, представлено косвенной речью в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным, сообщающим о факте: *Из обстоятельств дела установлено, что Гачегов совместно с Тюриным и Куровым совершили хищение из магазина, работающего круглосуточно.* Самое важное обстоятельство выдвинуто в постпозицию *круглосуточно*, то есть акцентируется порядком слов.

Правовая норма, которой необходимо было руководствоваться при юридической квалификации рассматриваемого преступления, излагается в сложноподчиненном предложении с придаточным условия, в котором сообщается об условии действия нормы. Сама норма обозначена ссылкой, выраженной дополнением с предлогом *согласно*:

Согласно п.19 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.02 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» квалифицирующий признак – незаконное проникновение в помещение – отсутствует, если лицо находилось в торговом зале магазина, в офисе и других помещениях, открытых для посещения гражданами.

Ссылка на закон выражается существительным в творительном падеже, содержание правовой нормы передается в предложении с изъяснительными смысловыми отношениями, например:

Статьей 19 Федерального закона РФ «О федеральном бюджете на 2005 год» от 23.12.04 г. установлено, что в 2005 году суммы по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, перечисляются в местные бюджеты, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Несоответствие прежней юридической квалификации действующей правовой норме демонстрируется отрицательным предложением: *Поскольку подсудимый совершил преступление в помещении, куда был открыт доступ для каждого, его действия нельзя квалифицировать разбоем.* Вывод, к которому приходит прокурор, акцентируется вводным словом со значением итога и передается предложением с модальностью долженствования: *Следовательно, квалифицирующий признак разбоя, связанного с незаконным проникновением в помещение, должен быть исключен из обвинения Гусева, а действия осужденного следует квалифицировать по ст.162 ч. 2 УК РФ (в ред. от 08.12.03 г.) и с учетом применения судом ст.64 УК РФ снизить наказание.*

Несоответствие действий суда правовой норме и предложение прокурора могут быть сформулированы в одном предложении, которое демонстрирует причинно-следственную связь: *Таким образом, судом были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, что является основанием для изменения приговора в части гражданского иска.*

3. Выводы рассуждений: завершающее речевое действие прокурорских документов, формулируемых в виде требования в протесте, в виде просьбы в заявлении, в виде предложения в кассационном представлении, предстают в текстах рассуждений в качестве вывода. На это указывают ссылочные конструкции, с помощью которых эта завершающая часть вводится:

Введение требования в протесте: *На основании изложенного, руководствуясь п.3 ч.1 ст.25.11, п.3 ч.1 ст. 30.1, ч.2 ст. 30.11 КоАП РФ, требую ...* или *Учитывая изложенное, руководствуясь ст.23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», требую ...*

Такая же формула используется для введения просьб в заявлениях: *На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 45, 251 ГПК РФ, прошу: Признать противоречащим федеральному законодательству и недействующим п.11 ст.14 закона Энского края «Об изби-*

рательной комиссии Пермского края» от 20.02.2007 № 3-ПК в части возможности вступления постановлений избирательной комиссии нормативного характера в силу с момента их принятия.

И в кассационных представлениях: *Учитывая изложенное, руководствуясь ст.ст. 402-404 УПК РФ, прошу: **Возбудить** надзорное производство... по уголовному делу по обвинению Гачегова Сергея Ивановича и **передать** представление на рассмотрение суда надзорной инстанции. Приговор С-го райсуда Энской области от 22.07.04 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам ... **изменить, исключить** квалифицирующий признак по эпизоду от 05.10.00 г. – совершение разбоя с незаконным проникновением в помещение. **Действия** осужденного по данному эпизоду **квалифицировать** по ст... Считать Гачегова осужденным по ст. ... лишения свободы, с отбыванием наказания ... В остальной части приговор и определение судебной коллегии **оставить** без изменения.*

Как видно из примеров, выводы – предписание должной модели правового поведения, данное с помощью инфинитивных предложений.

Подведем итоги. Анализ актов прокурорского реагирования показывает, что рассуждение органично присуще этим документам. Однако стилистика его выражения в этих документах имеет особенности.

1. Во всех случаях рассуждение включает три части: тезис, аргументацию и вывод – предлагаемое решение. Различаются композиционные стратегии рассуждения – обоснование и опровержение. В первом случае на основе обоснования неправомерности чьих-то действий аргументируется предлагаемая прокурором модель действий, скорректированная в соответствии с законом. Во втором случае императив формулируется в результате опровержения правомерности принятия тех или иных правовых актов. Если в первом случае в композиции одна линия рассуждения – прокурора, во втором случае две: одна – предшествующего документа, вторая – прокурора. Во втором случае широко используются средства передачи чужой речи.

2. Как во всех деловых документах, стилистика актов прокурорского реагирования имеет констатирующий характер, потому что демонстрируются установленные факты, тем или иным образом взаимодействующие. Примечательно, что композиционная форма определяется демонстрацией не только и не столько причинно-следственных отношений, сколько отношений противопоставления, сопоставления, исключения. Источником аргументации выступает в рассматриваемых текстах законодательные акты государства, поэтому привычная для рассуждения острота полемики здесь исключается. В

этих документах отсутствует выражение эмоциональности. Личностное начало выражается в акцентировании отдельных моментов, в рационально-оценочной лексике.

3. Поскольку императив в этих документах представлен с обоснованием в форме рассуждения, модальность волеизъявления иная, не столь категоричная, как это бывает в предписывающих текстах законов или документов-решений. По этой причине акты прокурорского реагирования в полной мере можно отнести к группе ходатайствующих документов.

Литература

- Виноградов В.В.. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
- Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи. М., 2011.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.
- Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974.
- Трошева Т.Б. Рассуждение // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.

«СИМВОЛИЧЕСКОЕ» ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ¹

Н.А. Мартынова

Ключевые слова: культура, цветовой символ, позитивные и негативные символические смыслы цветообозначений.

Keywords: culture, colour symbolism, positive and negative symbolic values of colour-naming words.

В фокусе внимания современных исследований находится язык в тесной связи с человеком. Это привело к тому, что главенствующим в языкознании был признан антропоцентрический принцип, который возвратил человеку статус «меры всех вещей» и вернул его в центр мироздания. На новом этапе развития науки о языке акценты смеща-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-90739 моб. ст.)

ются с изученного центра на проблемную периферию. В связи с этим на стыке областей научного знания возникают новые направления: этнопсихология, психолингвистика, когнитивная психология, социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, внутри которых также происходит деление. Так, в пределах этнолингвистики возникла и позднее оформилась в самостоятельную науку лингвокультурология. В задачи этой научной дисциплины входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета, она создана, по прогнозу Бенвениста, «на основе триады – язык, культура, человеческая личность» и представляет лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса [Воркачев, 2001].

Учеными замечено, что одним из средств передачи культурного и духовного опыта народа является цвет. Он становится центральной категорией как концептуальной, так и языковой картины мира, соотносимой с морально-нравственной, эстетической оценкой, семиотической и ценностной картиной мира данной национальной культуры, что позволяет говорить о цветовых предпочтениях, об этническом цветовом менталитете, цветовых лакунах и универсалиях, то есть о цветовой картине мира [Гатауллина, 2005, с. 7]. От собственно цветовой картины мира отличают лингвоцветовую картину мира, которая эксплицируется лексическими средствами, имеющими в своей семантике элемент цветообозначения [Гуз, 2010, с. 8]. Единицей лингвоцветовой картины мира считается цветовой концепт [Гатауллина, 2005; Колесникова, 2009; Гуз, 2010]. Его относят к базисным и определяют как совокупность «осмысленных» и «прочувствованных» человеком эмоционально-ценностных и культурно-окрашенных смыслов цвета, нагруженного индивидуальными, социальными, этническими и другими наслоениями образов, символов, ассоциаций [Гуз, 2010, с. 8].

Концепт «цвет» выстраивает вокруг себя особое смысловое пространство. Процесс развития разноуровневых значений цвета шел длительное время, поэтому ученые выделили несколько эволюционных этапов в формировании семантики цвета: цвет – архетип, цвет – миф, цвет – символ, цвет – аллегория, цвет – метафора. [Бреслав, 2000, с. 61; Гатауллина, 2005, с. 8]. Восприятие цветов в форме архетипов связано с общечеловеческими первообразами, базирующимися в коллективном бессознательном. Мифы порождаются общечеловеческим сознанием, символы – национальным или культурным, а метафоры – индивидуальным. Это историческое ступенчатое движение сопровождается изменением интереса цивилизации к цвету. Во время царствования логи-

ческого мышления, торжества науки падает интерес к мифу и символу, снижается их ценность для окружающей культуры. Как следствие, интерес к цвету тоже снижается: отрицается символика, он либо употребляется в сугубо практических целях, либо воспринимается на уровне бессознательного. Но в настоящее время, когда ведущей признается антропоцентрическая парадигма, возрождается интерес к мифу и символу (и сопутствующему им цвету) [Бреслав, 2000, с. 65].

Проблема символа разрабатывается длительное время исследователями в различных отраслях науки, как-то: лингвистике, литературоведении, философии, семиотике и др. К XXI веку оформилось достаточно большое количество определений данного понятия. Проанализировав их содержание, мы пришли к выводу, что ряд ученых соотносят символ с образом, знаком, аллегорией [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 378; Азаренко, 2004, с. 613]. Существуют также иные толкования. Некоторые исследователи трактуют символ как образ. Например: [Квятковский, 1966, с. 263; Елисеев, Полякова, 2002, с. 203–204; Емельянова, 2003, с. 616]. Кроме этого, в научном сообществе символ определяют как особого рода знак [Машбиц-Веров, 1974, с. 348; Ахманова, 2010, с. 404; Доброхотов, URL].

Мы будем придерживаться последней точки зрения и рассматривать символ как знак (материально, чувственно воспринимаемый предмет, явление, действие др.), который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания, причем вторичное значение объединяется с первичным под общим означающим [Шелестюк, 1997, с. 125].

К свойствам символа в современной гуманитарной традиции относят следующее: образность, мотивированность, комплексность содержания символа и равноправие значений в нем, «имманентная» многозначность и расплывчатость границ значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре и перекрест символов в культурах разных времен и народов, встроенность символа в структуру мифологии, литературы, искусства и других семиотических систем. [Шелестюк, 1997, с. 125].

Цвет – древнейший символ, который относится к символическому ядру культуры благодаря своему высокому семиотическому статусу, простоте и большой этнокультурной значимости и емкости [Гатауллина, 2005, с. 9].

Цветовой символ в языке / речи реализуется через цветовую лексику (цветообозначения), имеющую символическое значение. Таким образом, в семантической структуре цветообозначений необходимо

разграничивать несимволические и символические значения. К несимволическим значениям цветовых слов относятся прямые и переносные семы. Цветообозначения в прямом значении, как правило, передают абсолютный признак, не зависящий от оценки говорящего [Брагина, 1972, с. 79]. Цветообозначения в переносном значении допускают нарушение традиционных привычных норм употребления и создают поэтические образы, яркие метафоры [Брагина, 1972, с. 82–83]. Символическое значение цветообозначений проявляется в том, что первичное содержание цветового слова становится условным обозначением для иного, более абстрактного содержания.

По мнению языковедов, разнообразные символические значения цвета возникли под влиянием многих факторов. Этот тип значений цветолексем связан с ритуально-обрядовыми формами народной культуры (поверьями, мифами, заклинаниями, обрядами); с историческими событиями и личностями; с теософией христианства, ислама и других религий. На формирование символики цветообозначений также оказало воздействие интеллектуальное достояние нации и человечества в целом – прецедентные феномены (литературные художественные произведения, художественные и анимационные фильмы, фольклорные тексты, паремии) [Гатаулина, 2005, с. 10–12].

В психологии также существует мнение о том, что развитие цветового символизма основано на степени сакральности содержания, выражаемого посредством цвета. В соответствии с этим выделяются следующие этапы:

1. Космологический этап. Цвет как символ главных мировых сил и начал. Датируется от начала использования цвета как символа до Античности, которая рассматривается как «переходное время» ко второму этапу.

2. Богословский (религиозный) этап. Цвет как символ отдельных качеств высших сил, стихий, явлений. Цвет перестает полностью отождествляться с определенной силой или стихией. Ему отдается роль визуальной формы определенных качеств той или иной силы, формы, несомненно, большей, чем та, в которых она себя проявляет. Переход к этому этапу разрешает те многочисленные противоречия, которые неизбежно возникают при однозначном отождествлении цвета и высшей силы. Временные рамки – от античности и до эпохи Возрождения.

3. Социально-психологический этап. Цвет становится символом социально-политических структур и самого человека, включая его отдельные свойства и качества. Уже уместно говорить о «цвете нации», соотносить цвет с возрастом и полом человека, его темпераментом и

пр. Основания для таких ассоциаций у различных авторов разные и нередко основываются на древних схемах символики, но главное уже случилось – цвет стал «вровень» с человеком. Временные рамки – от Возрождения до настоящего времени [Базыма, 2005, с. 9].

Итак, в рамках различных научных направлений признается, что цветовая символика соотносится с сознанием и общественно-культурной жизнью людей.

Предметом данного исследования становятся символические значения цвета в русской культуре. Материалом для наблюдения послужили цветообозначения, полученные путем выборки из публицистических текстов XX–XXI веков, художественных текстов XIX–XXI веков, поскольку цветовой символ, представленный в текстах разного типа, можно назвать когнитивным образованием, отсылающим к культуре [Выродова, 2008, с. 18].

С.В. Корсаков отмечает, что для русского народа наиболее значимыми являются противопоставления «белого» и «черного» (светлого и темного), соотносимые с оппозициями «жизнь – смерть», «хороший – плохой» и др., а также триада «белый – красный – черный». Символика каждого цветообозначения неоднозначна, зачастую амбивалентна [Корсаков, 2009, с. 145]. Рассмотрим особенности семантики цветообозначений в русской культуре.

БЕЛЫЙ

В русской культуре белое – один из основных элементов цветовой символики, противопоставленный черному и красному. Он представляет обобщенно ряд цветов светлых тонов, а также большую цветовую интенсивность; обозначает отсутствие цвета, нейтрален и может быть превращен в любой цвет и получить любое толкование [Корсаков, 2009, с. 145]. Весь спектр символической семантики лексической единицы «белый» в рамках русской культуры может быть представлен на основании экспликации негативных или позитивных смыслов.

1. Негативная символика.

а) Знак траура, смерти [Бидерманн, 1996; Бреслав, 2000; Корсаков, 2009].

Лицо ее [Суламифи] было бело, и никогда оно не было так красиво при ее жизни (А. Куприн).

Розовые припухлости на запястьях казались простыми волдырями. Абсолютно белое лицо и красная вода. Никто не хотел верить в такой конец (Олег Глушкин).

б) Знак отрицательных эмоций (ужас, ненависть, тоска и др.) [Миронова, URL; Тресиддер, URL].

Никогда не забуду этих выпученных, омертвелых от безумного ужаса глаз. Я никогда бы не поверил, что у человека глаза могут стать такими белыми, огромными и чудовищно страшными (А. Куприн).

Тут уж одного ГПУ не хватило, актив мобилизовали, все свои же люди знакомые, но они какие-то обалделые стали, как околдованные, пушками грозятся, детей кулацкими выродками называют, кровососы, кричат, а в кровососах со страху в самих ни кровинки не осталось, белые, как бумага (В. Гроссман).

б) Знак призраков, духов, мифологических персонажей [Бидерманн, 1996; Корсаков, 2009]:

Сидящие за столом стали приподниматься и всматриваться и увидели, что вместе с огоньком шествует к ресторану белое приведение (М. Булгаков).

<...>, и что-то белое, как будто облако, веяло посреди хаты; и чудится пану Даниле, что облако то не облако, что то стоит женщина; только из чего она: из воздуха, что ли, выткана? (Н. Гоголь).

2. Позитивная символика.

а) Знак духовности, святости, божественности [Бидерманн, 1996; Бреслав, 2000]:

Очередной жрец – древний старец в белой одежде, с бритой головой, безусый и безбородый, повернулся с возвышения алтаря к народу и произнес тихим, усталым голосом <...> (А. Куприн).

Вдали медленно проплыла удивительно красивая, похожая на поднятую к небу руку, белая церковь с косым крестом – был виден только ее верх, а нижнюю часть закрывал лес (В. Пелевин).

б) Знак чистоты, целомудренности, неискушенности, непорочности [Бидерманн, 1996; Бреслав, 2000]:

Я думаю часто о нежных, чистых, изящных женщинах, об их светлых и прелестных улыбках, думаю о молодых целомудренных матерях, о любовницах, идущих ради любви на смерть, о прекрасных, невинных и гордых девушках с белоснежной душой, знающих все и ничего не боящихся (А. Куприн).

Ты бы хотела меня видеть чистой, белой, тургеневской, с удочкой в руках над старым прудом (И. Грекова).

в) Знак полного покоя, безмятежности, недеяния, мира, тишины, сосредоточенности [Миронова, URL]:

*Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни строга и гневна,
Тайно тревожна и тайно любима –*

Дева, Заря, Купина... (А. Блок)

Белая тишина задумчиво стояла над могилами, точно думала о том, сколько людей, сколько бурных, ярких, безумно-мучительных и озаренно-радостных жизней похоронено здесь навсегда (М. Арцыбашев).

в) Особый знак, отличающий общественное положение, символ благородства, знатности, величия [Миронова, URL]:

Милорд же, более не проявлявший ни малейших признаков волнения, неспешно потянул с руки белую перчатку (Б. Акунин).

Вот и сегодня, на суд, явился он в новеньком, первый раз надеванном летнем вицмундире. До лета было еще далеко, но очень уж эффектно смотрелся Анисий в белом кителе с золотым кантиком на петлицах (Б. Акунин).

г) Знак высшей красоты [Миронова, URL]:

Хороша Ангелина; просто загляденье: светло-русые волосы сплетены в пышную косу, уложенную на затылке сдобным кренделем, лицо чистое, белое, большие серые глаза смотрят серьезно, и будто бы свет из них некий на окружающий мир изливается (Б. Акунин).

Тогда Горизонт доставал из дорожной корзинки курицу, вареное мясо, огурцы и бутылку палестинского вина, не торопясь закусывал, угощал жену, которая ела очень жеманно, оттопырив мизинчики своих прекрасных белых рук, <...> (А. Куприн).

д) Знак посвящения, христианский цвет крещения, бракосочетания и других ритуалов, отражающих переход в иное состояние [Бидерманн, 1996; Тресиддер, URL]:

Под громкое радостное пение хора «Гряди, гряди, голубица от Ливана» Юлия, в белом шелковом платье, с огромным шлейфом <...> прошла к амвону (А. Куприн).

Поэтому сразу же после миропомазания новокрещенных, облаченных в белые одежды и со свечами в руках, епископ и священнослужители, помогавшие ему в совершении таинства, вели в храм, где собравшаяся община ожидала их прибытия, чтобы вместе с ними совершить пасхальную литургию (Протопресвитер Александр Шмеман).

КРАСНЫЙ

В русской народной культуре красный цвет, красное противопоставляется белому как небелое, «окрашенное», «темное». Этот цвет входит в триаду «белое – красное – черное». Символика красного цвета, как и многих других цветов, амбивалентна. С одной стороны, красный цвет – это цвет жизни и радости, солнца, плодородия, любви, здоровья и силы, цвет эмоций. Красный цвет обладает целительной силой,

служит оберегом от сглаза, колдовства. С другой стороны, это цвет потустороннего мира, демонических персонажей, знак привлечения внимания, опасности, вражды, войны, агрессивности [Корсаков, 2009, с. 149].

Рассмотрим некоторые значения этого цвета.

1. Негативная символика.

а) Знак мифологических персонажей (рубаха домового, глаза ведьмы, кожа чертей и др.) [Бидерманн, 1996; Корсаков, 2009]:

*Достал рожок; прежде, однако ж, чем стал насыпать, осмотрелся хорошенько, нет ли кого: кажись, что нет; но вот чудится ему, что пень дерева пыхтит и дуется, показываются уши, наливаются **красные** глаза; ноздри раздулись, нос поморщился и вот так и собирается чихнуть. «Нет, не понюхаю табаку, - подумал дед, спрятавши рожок, - опять заплует сатана очи» (Н. Гоголь).*

*Хлебников восхищался Чеховым и ставил в саду на даче Синяковых рамочную пьесу о мировой душе, из «Чайки», предваряя ее: Чехов, мол, писал про болотные огни и **красные** глаза дьявола – две красные точки появляются на фоне озера (А. Иличевский).*

б) Знак отрицательных эмоций (гнев, стыд, жестокость, ярость и др.) [Миронова, URL]:

*Лицо Федоровского было **красно** и перекошено злостью, нижняя челюсть прыгала (А. Куприн).*

*И вот она стояла, **красная** от стыда и от выпитой водочки, а мать стояла перед ней, а отец стоял в балконной двери, мысленно упрекая себя, что не сказал сразу всю правду: растерялся как-то (А. Слаповский).*

в) Знак тревоги, опасности, остановки [Бидерманн, 1996; Бреслав, 2000]. Например:

*Он выехал на подаренной ему «Волге» на **красный** свет, и по его вине случилась авария (В. Губарев).*

*Что, если у них есть иная сверхцель или подзадача – быть чем-то вроде изгороди, вроде **красных** флажков оцепления? (В. Аксенов)*

2. Позитивная символика.

а) Знак молодости, физической красоты, внешней привлекательности [Бидерманн, 1996; Бреслав, 2000; Корсаков, 2009; Тресиддер, URL]:

*У тебя бледное и смуглое лицо. И на нем **красные**, горящие губы – как они должны целовать! – и глаза, окруженные желтоватой тенью... (А. Куприн).*

*Вот выбежала из ворот, без шубки, в сером платочке на голове, в крахмальном передничке, быстроногая горничная: хотела перебежать через дорогу, испугалась тройки, повернулась к ней, ахнула и вдруг оказалась вся в свету: **краснощекая**, веселая, с блестящими синими глазами, сияющей озорной улыбкой (А. Куприн).*

б) Знак положительных эмоций [Миронова, URL]:

*Все на меня смотрят: **красная**, встрепанная, счастливая...* (И. Грекова).

*Когда снимал верхнюю часть – лицо счастливое, **красное** – кто-нибудь обязательно просил его показать еще раз (А. Геласимов).*

в) Знак отличия в обществе (одежда и окружение царя, императора, жрецов, воинов, судей, палачей, волшебников, куртизанок, революционеров и др.) [Бидерманн, 1996; Миронова, URL]:

*<...> ограничились лишь напыщенным поздравлением мордюковообразной сотрудницы под **красным** знаменем, в **красном** же костюме и с **красной** атласной лентой через жирное тулово (Л. Улицкая).*

*Император нынче в преобразенном мундире с **красной** лентой через плечо (Б. Акунин).*

ЧЕРНЫЙ

Черный цвет практически повсеместно претает как цвет негативных сил и печальных событий [Тресиддер, URL].

1. Негативная символика.

а) Знак смерти, траура, мрака [Бидерманн, 1996; Бреслав, 2000; Корсаков, 2009; Тресиддер, URL]:

*В руке она что-то держала. Посмотрела: **черная** кружевная косынка <...>. Это была та самая косынка, которую она долго искала, когда умерла бабушка. Бабушка велела хоронить ее в этой косынке, а запрятала так далеко, что никто найти не мог (Л. Улицкая).*

*Здравствуй, ты моя **черная** гибель, / Я навстречу тебе выхожу (С. Есенин).*

б) Знак демонологических персонажей, которые появляются в виде черного животного или предмета [Корсаков, 2009; Тресиддер, URL]:

*Глядит: страшная **черная** кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, а железные когти стучат по полу (Н. Гоголь).*

*Но оказались в спальне вещи и похуже: на ювелиршином пуфе в развязной позе развалился некто третий, именно – **жутких** размеров **черный** кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой (М. Булгаков).*

в) Знак принадлежности магической практике [Бидерманн, 1996; Корсаков, 2009]. К примеру:

*Действительно, для многого из ее **черного** искусства я не умел найти объяснения в своей небольшой науке (А. Куприн).*

*Меня встретила колдунья – толстая женщина **в черном** балахоне с золотой тесьмой (М. Хуторной).*

г) Знак отрицательных качеств (зависть, греховность, злобу, подлость, мстительность и др.) [Бреслав, 2000.]:

*Страшный **черный** гнев переполняет тогда Алексея Петровича, он сверкает глазами, брызжет слюной, забывает слова, огненные пятна прыгают перед взором, он может задушить, разорвать в клочья! (Т. Толстая).*

*В одну ослепительную рожу слились все лица площади, и лица всех живущих на свете слепились в одну харю, глумящуюся, разевающую в хохоте слюнявый рот, и **черная** ненависть, нет, нечто гуще и тяжелее ненависти заполнило его всего, без остатка, до кончиков пальцев, до корней волос (М. Дяченко, С. Дяченко).*

Г.Э. Бреслав считает, что черный цвет не может отождествляться только с негативными реалиями. Каждый цвет имеет обычно две понятия цепочки – негативную и позитивную. Черный цвет также имеет позитивные символические значения [Бреслав, 2000].

а) Молодость, красота [Миронова, URL]:

*Вышел на веранду **черноглазый** красавец с кинжальной бородой, во фраке и царственным взором окинул свои владения (М. Булгаков).*

*Дама с разочарованием воззрится на Анисия огромными **черными** очами <...> (Б. Акунин).*

б) Особый знак, например, знака монашества, смерти на флагах пиратов и др. [Миронова, URL]:

*Ухода ее не заметили, однажды возле костра, после обыкновенного отдыха, осталась лежать ее одежда – вложенная в **черный** подрысник белая рубашка, апостольник, женский головной убор монахини, принятый у христиан восточного обряда, да красный бархатный кошелек (Л. Улицкая).*

*Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан широким кожаным поясом, из-за которого торчали рукояти пистолетов, а его волосы воронова крыла были повязаны алым шелком, и плыл в Карибском море под его командой бриг под **черным** флагом с адамовой головой (М. Булгаков).*

Таким образом, цвет можно трактовать как символ, намекающий на то, что не может быть показано. Цветовые символы находят отра-

жение не только в предметах быта, обрядах и др., но и в разного рода текстах (художественных, публицистических и др.). Данные произведения относятся к сложным ментальным образованиям, отсылающим к культуре, и, соответственно, могут служить источниками значимой культурной, национально-специфической информации.

Цветовой символ в языке / речи представлен цветовыми лексемами, содержащими наряду с несимволическими и символические значения. Последний тип проявляется в том, что первичное содержание цветового слова становится условным обозначением для иного, более абстрактного содержания.

В семантической структуре цветовых лексем «белый», «красный», «черный» в русской культуре выделяются как позитивные, так и негативные сходные символические смыслы. Так, белый становится, с одной стороны, знаком траура, смерти; отрицательных эмоций, призраков, духов; с другой стороны, духовности, святости, божественности; чистоты, целомудренности; покоя, тишины; физической красоты; отличия в обществе; ритуалов, отражающих переход в иное состояние. Красный олицетворяет как негативное: мифологических персонажей, отрицательные эмоции, так и позитивное: положительные эмоции, физическую красоту, общественное положение. Черный соотносится со смертью, демонологическими персонажами, магической практикой, отрицательными эмоциями и качествами, в то же время он ассоциируется с физической красотой, положением в обществе. Эта система значений формировалась длительное время. В ее основе лежит связь заявленных цветовых символов с магией, религией, обществом и личностью.

Литература

- Азаренко С.А. Символ // Современный философский словарь. М., 2004.
Базыма Б.А. Психология цвета : теория и практика. СПб., 2005.
Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
Брагина А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. М., 1972.
Бреслав Г.Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб., 2000.
Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
Выродова А.С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в поэтическом дискурсе первой половины XX века : на материале поэтических текстов С.А. Есенина, Н.М. Рубцова : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008.
Гатауллина Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира : на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.

- Гуз Ю.В. Экспериментальное исследование базовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010.
- Доброхотов А.Л. Символ // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2711.html>
- Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Символ // Словарь литературоведческих терминов. Ростов-на-Дону, 2002.
- Емельянова О.Н. Символ // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
- Квятковский А.П. Символ // Поэтический словарь. М., 1966.
- Колесникова Т.И. Генезис концепта цвет в древнерусской и англосаксонской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
- Корсаков С.В. Этноколористика. М., 2009.
- Машбиц-Веров И. Символ // Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
- Миронова Л.Н. Символика цвета. [Электронный ресурс]. URL http://www.mironovacolor.org/theory/humans_and_color/symbolism/
- Символ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- Тресиддер Д. Словарь символов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php
- Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. № 4.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНЫХ КОНСТИТУЕНТАХ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Е.В. Федяева

Ключевые слова: множественность, образы восприятия, сознание.

Keywords: plurality, perception images, consciousness.

Рассмотрение языка в качестве одного из модусов когниции, в основе которого лежат ментальные структуры, отвечающие за переработку, хранение и репрезентацию знаний, ведет к осознанию того факта, что отличительной чертой когнитивизма в языкознании является своеобразие единиц, подвергающихся исследованию в рамках данного направления, которые, принадлежа области сознания, скрыты за языковой данностью, имеют глубинный характер и образны по своей природе. Поэтому одной из целевых установок данного направления можно считать реконструкцию этих содержательных ментальных сущностей.

Однако выявление и рассмотрение данных сущностей, которые представляют собой единицы т.н. «промежуточного языка», единицы,

которыми оперирует мысль в процессе отражения сознанием объективного мира, а также сама идея структурирования этих единиц представляется довольно сложной, если не невозможной задачей, поскольку разнообразие и число этих единиц поистине бесконечно вследствие бесконечного разнообразия окружающего человека мира и поступающей из него информации. Тем не менее, как отмечает Ю.Н. Караулов, единицы промежуточного языка поддаются «обобщению и типизации, их можно ... усреднить и описать их нормативные свойства, что находит методологическую параллель, например, в статистическом усреднении свободных ассоциаций и установлении ассоциативных норм» [Караулов, 2004, с. 188].

Образы восприятия представляют собой наиболее типичные и чаще остальных упоминаемые элементы промежуточного языка, возникающие как отражение в сознании объектов и явлений окружающей действительности, характеризующиеся наглядностью, недискретностью, схематичностью. Терминологический ряд для этого типа элемента промежуточного языка достаточно широк – его называют «имагеном», «образами реальных предметов», «чувственно-наглядными образами», «акустическими, двигательными, наглядными образами», «представлением» и др. Причем в случае последнего непременно подчеркивается его начитательность и зачаточность, «его потенциальность, своеобразная невербальная заголовочность, чреватая перерастанием в более усложненный образ» [Караулов, 2004, с. 190].

Оперирование обобщенными терминами «представление» и «образы сознания», которые используются в работах В.З. Демьянкова, А.А. Залевской, Н.А. Лукьяновой, Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова и др., в рамках данной статьи представляется вполне оправданным, поскольку идеология когнитивной семантики в целом тесно связана с образными представлениями, а образы сознания, как известно, представляют собой довербальные сущности, лежащие в основе когнитивных моделей и формирующие когнитивную основу семантики языковых единиц.

Одной из работ, направленных на выявление внутренних ментальных единиц, стала статья Г.И. Берестнева «Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании», вышедшая в 1999 году, в которой автором была проведена детальная реконструкция образов *множественности* на материале русского языка, в результате которой была выделена вся совокупность структурных характеристик представления о *множественности*, а образные репрезентанты множества были сведены к четырем основным классам:

I. Факторы внутренние: сила, большие размеры, внутренняя неупорядоченность.

II. Факторы внешние: объединяющее и удерживающее усилие.

III. Характеристики экзистенциальные: бытийность, локальность.

IV. Характеристики функциональные: субъективная или объективная мера чего-либо [Берестнев, 1999].

Поставив вопрос о степени универсальности выделенных образных репрезентантов *множественности*, попытаемся их проанализировать, привлекая данные других языков.

I. Внутренние факторы, формирующие представление о множественности, представлены образами силы, больших размеров, внутренней неупорядоченности.

Наличие образного репрезентанта силы в структуре представления о *множественности* в русском языковом сознании эксплицирует такие отличительные характеристики русской культуры, как пассионарность, смирение с силами природы, которые неподконтрольны человеку. Осмысление внутреннего состояния человека проходит сквозь призму наблюдения за силами внешнего мира, проникая в сферу эмоций и чувств, «обнажая» единство физического (природного) и духовного начал. Так, чувство бессилия и страха русского человека перед природной стихией преломляется, например, в чувство бессилия перед болезнью или таким чувством, как тоска, что находит свое отражение в выражениях типа «сильно болеть», «сильная и необъяснимая тоска». Такие чувства и эмоции, как любовь, ненависть, желание также зачастую рассматриваются как неподконтрольные человеку, оказывающие свое влияние извне феномены. Таким образом, представления о силе в русском языковом сознании оказываются напрямую связанным с представлениями об интенсивности или большом количестве чувств, эмоций, явлений и т.п.

В англоязычном языковом сознании представления о силе играют не столь важную роль и имеют несколько иной характер. Как показало исследование концепта СИЛА в английском языке, проведенное Т.М. Шеховцевой, «лексемы-репрезентанты концепта СИЛА распадаются на четыре понятийные области, или сегмента: “Физическая сила”, “Психическая сила”, “Жизненные силы”, “Социальная сила”» [Шеховцева, 2011, с. 5]. Были также установлены тесные межконцептуальные корреляции концепта СИЛА внутри англоязычной концептосферы со следующими концептами: ЕДИНСТВО, ТЕРПЕНИЕ, ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ, ВЕРА, ЗНАНИЕ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ДЕНЬГИ/БОГАТСТВО, СМЕЛОСТЬ, СТРАХ, ТРАДИЦИИ. Содержание исследуемого концепта составляют коллективные представления носи-

телей английского языка о силе как о способности человека выполнять физические, психические, интеллектуальные и социальные действия [Шеховцева, 2011, с. 20]. Таким образом, в англоязычном сознании профилируются не столько внешние силы, силы природы, сколько СИЛА как результат человеческой деятельности.

Необходимо также отметить, что, в отличие от русскоязычного сознания, в англоязычном сознании образы и представления о силе оказываются более “размытыми”, чем обусловлено рассредоточение данного значения в рамках скорее нескольких лексем, таких, например, как *strength, power, force, energy* и др.

В англоязычном сознании представление о силе такого чувства, как любовь может пропускаться сквозь призму пространственной модели (относительно вертикальной оси) когда человек чаще рассматривается как вместилище чувств:

1) ...*she was a wonderful mother and loved her son deeply* (D. Steel).

Анализируя данный пример, отметим различие, возникающее при переводе данного предложения на русский язык, отражающее некоторые различия в представлениях об интенсивности проявления такого чувства как любовь в сознании представителей русско- и англоязычного лингвокультурных сообществ. Поскольку, как отмечалось выше, для русскоязычной картины мира понятие силы является значимым, то в русском варианте это скорее «*сильно любить*», нежели «*глубоко любить*». Однако следует отметить, что не только в англоязычном, но и в русско-, и во франкоязычном сознании чувства все же могут мыслиться как «глубокие», например, «глубокое чувство вины» – в русском, «*une profonde tristesse*» – во французском. Это вероятно обусловлено тем, что выход на самые базовые уровни сознания обнажает самые общие универсальные категории, к которым относится и категория пространства.

Образы *множественности* во франкоязычном сознании также оказываются связанными с представлениями о силе, в подтверждение чего отметим тот факт, что согласно «Ассоциативному словарю французского языка», лексема «*beaucoup*» – *много* представляет собой одну из реакций на стимул «*fort*» – *сильный* [Дебрэнн, 2010, с. 57(II)]. Большая значимость данного понятия для франкоязычного сознания по сравнению с англоязычным становится очевидной при сравнении некоторых английских и французских выражений типа: **to work hard** и **travailler fort, to be good at math** и **être fort en mathématiques** и т.д.

Кроме того, ценностный статус понятия силы для франкоязычного сознания последовательно отражается в подробной языковой разработанности, заключающейся в большом количестве конструкций с лексе-

мой *«force»*: *force majeure* – непреодолимая сила; *dans la force de l'âge* – в расцвете сил, лет; *de toute sa force (ulu ses forces)* – изо всех сил; *en force* – значительными силами, в большом количестве; *force gens* – много людей и др. Заметим, что сравнительное исследование концепта СИЛА в русском и французском языках показало, что данный концепт является значимым культурным концептом и для русской, и для французской нации, являясь «стабильным образованием в русском языке и более динамичным во французском языке» [Ильинская, 2006]. Интересным в этой связи представляется следующий пример:

2) ... *mon amour plus grand que le tour du monde, plus fort que les ouragans et les tempêtes, les siroccos et les tramontanes, les vents du nord et tous les vents d'est...* (К. Pancel). – ... моя любовь *больше*, чем кругосветное путешествие, *сильнее*, чем все ураганы и штормы, сирокко и трамонтаны, сильнее всех северных ветров и ветров восточных...

Любовь как эмоциональное состояние человека представлено в данном примере как сложное переплетение образов и больших размеров, и силы, сравнение с такими явлениями природы, как, «ураган» и «буря» добавляет описываемому чувству динамики, мощи и интенсивности за счет актуализации импликациональных сем.

Н.К. Рябцева подчеркивает, что «смысл “сила” <...> чрезвычайно грамматикализован, имеет специальные и при этом морфологические модели выражения <...> и образует устойчивые синтаксические конструкции <...>; устанавливает связь между большим количеством оценочных определений <...>, парадигматически продуктивен <...>, связан с выражением каузации <...>; является наиболее стандартным способом выражения и представления параметра **Magn**: способен означать и заменять *много очень в большой степени / мере значительно существенно крайне* и др.» [Рябцева, 2005, с. 112].

Идея о существовании различных лексических функций, высказанная И.А. Мельчуком в 70-х годах прошлого столетия, сохраняет свой объяснительный потенциал и сегодня в рамках когнитивного направления исследования языковых фактов, поскольку данная идея, с одной стороны, подтверждает положение о наличии особых дополнительных смыслов и, с другой стороны, помогает воссоздать еще более глубинные содержательные элементы, конституирующие те или иные понятия. Одной из таких функций является функция **Magn** (лат. *magnus* ‘большой’) – обозначение высокой степени, интенсивности (\approx ‘очень’) самой ситуации [Мельчук, 1974, с. 89].

Следовательно, наличие образного репрезентанта силы в структуре представления о *множественности* ведет к дополнительным глубинным

смысловым приращением, обусловленным «подключением» функции **Magn**. Результатом этого процесса становится синкретичное представление о некоей *множественности* и как о большом количестве, и как о максимальной степени проявления интенсивности, свидетельствующее не только об отсутствии жестких границ между концептуальными областями количества и интенсивности в сознании, но и об их непосредственной корреляции.

Образные репрезентанты *множественности*, связанные с представлениями о больших размерах, отражают ментальную операцию вычленения у различных объектов реальности количественно измеримого свойства, такого, как размер, представляющего собой параметрическую характеристику и отражающего синтез концептуальных областей пространства и количества в сознании. Отметим также, что данная ментальная операция выведения параметрической характеристики включает и такие компоненты, как качество и оценка, поскольку «большой» – это всегда несколько больший относительно какого-либо эталона сравнения.

Как показывает анализ языкового материала, в языковом сознании разных лингвокультурных сообществ образные репрезентанты, связанные с представлениями о больших размерах, играют существенную роль в формировании представления о *множественности* в целом.

Отмеченная значимость понятия силы для русского языкового сознания ведет к некоторым несовпадениям, касающимся того факта, что в англо- и франкоязычном сознании представления об интенсивности явлений зачастую мотивированы представлением о большом размере, в то время как в русскоязычном – представлениями о силе. Обратимся к примерам:

3) *He hurt his neck and he has a brace on it, and a big, big headache* (D. Steel).

4) *L'écureuil est seul pendant les grands froids ... dans le grand parc...* (K. Pancole). – Во время *сильных (больших) морозов*, белки остаются совсем одни в большом парке.

Отмеченное различие проявляется в переводе данных предложений на русский язык, поскольку английское выражение «*big headache*» становится «сильной головной болью», а французское «*grands froids*» – «сильными морозами». Приведенные примеры, как представляется, оказываются также весьма показательными в отношении осмысления функции **Magn** по направлению «большой» – то есть значительный по силе и интенсивности, из чего следует, что смысл интенсивности может быть выражен метафорически при помощи лексем со значением большого размера.

Образные репрезентанты *множественности*, соотносимые с глубинным смыслом внутренней неупорядоченности, связаны с представлениями о скоплении объектов, которые репрезентируются в русском языке посредством лексем типа «толпа», «толкучка», «стадо» и т.д. Данные представления также объективируются и в таких английских лексемах, как *(a) crowd (of shoppers)*, *(a) horde (of men)*, *(a) shoal (of tourists)*, *(a) swarm of employees*, и во французских – *(une) foule*, *(un) troupeau (de moutons, de prisonniers)*, *tas (d'êtres humains)*. Идея неупорядоченного движения, как представляется, может овнешниться в языке через любое частеречное оформление, однако наиболее “выпукло” она эксплицируется посредством глагола, поскольку процессуальность как категориальное значение глагола придает образу особую динамичность. Например:

5) *We flock and throng and cluster...* (M. Drabble).

Таким образом, внутренние факторы представления о *множественности*, объединяющие в себе образные репрезентанты силы, больших размеров и неупорядоченности характеризуют внутреннюю динамику *множественности* и его потенциальное приращение.

II. Факторы внешние: объединяющее и удерживающее усилие.

Наличие довольно обширного разряда слов, представленного именами совокупностей в русском, английском и французском языках позволяет предположить, что образные репрезентанты *множественности*, связанные с представлением об объединяющем и удерживающем усилии носят универсальный характер. Наличие в языке такого рода имен связано с тем, что существительное как концептуальный архетип физического объекта, характеризуется способностью “превращать” составные сущности в сущность единообразную, в дальнейшем представляя ее как некое единство, что обусловлено спецификой концептуализации физических объектов когнитивными структурами и служит основанием для когнитивных операций более высокого порядка [Langacker, 1999, с. 41].

В зависимости от характера совокупности, образные конститuenty *множественности*, связанные с представлениями об объединяющем, удерживающем усилии, имплицированы в таких лексемах в русском языке, как *стопка, гряда, пачка, охапка*, в английских лексемах типа *(a) pile, heap, stack, bunch, bundle*, а также во французских лексемах *(une) pile, (une) liasse, (un) tas* и др., которые репрезентируют совокупности как результат внешнего процесса объединения сущностей в единое множество.

Отметим также, что в английском языке идея объединяющего и удерживающего усилия четко прослеживается и в таких существительных, как *handful, armful, spoonful, plateful, sackful, carful* и др., в кото-

рых производная основа специфицирует границы пространства некой совокупной *множественности*, а суффикс *-ful*, помимо идеи предельного наполнения, обусловленной наличием глубинного параметра *Magn* в его содержании, комплементирует идею *множественности* по линии осмысления иконической сущности языкового знака. Например:

6) *In the bedroom, he sat on the unopened Sony box and marveled at the roomful of documents* (J. Grisham).

III. Экзистенциальные характеристики множественности такие, как бытийность, локальность сами по себе не раскрывают сущностного его содержания, констатируя лишь наличие или отсутствие некой *множественности*. Однако заметим, что вариантными образными репрезентантами экзистенциальности являются образы «утраченной бытийности», связанные с представлениями о гибели, конце, смерти. Понятие смерти с одной стороны связано с категорией небытия (отсутствия), которая имеет большое познавательное значение, а, с другой – символизирует крайнюю точку, предел и в этом отношении оказывается связанным с градуальностью и параметром *Magn*. Обратимся к примерам:

7) *I was dying to know what «accidental» marriage might be code for (many women in my family, too, had to get married because of «accident»), but no more information was forthcoming* (E. Jilbert).

8) – *Tu peux appeler le garçon ? Je meurs de faim* (K. Pancol). – *Ты можешь позвать официанта? Я умираю от голода.*

В приведенных примерах потенциальная замена выделенных глагольных лексем со значением «умирать от желания» на конвенциональные средства выражения количественной интенсивности представляется вполне очевидной. Однако смысл «крайне, предельно», соотносимый с представлениями о смерти характеризуется особой образностью и нетривиальностью.

Поскольку и мир, данный человеку для непосредственного наблюдения и познания, и когнитивная система в целом едины для всех людей, то, несмотря на различия внутри культур, существует нечто общее и в способе отбора и структурирования накопленного опыта, и в самих феноменах, подвергающихся обработке и структурированию. Синкретизм образов *множественности*, связанных с представлениями о смерти в англо-, франко- и русскоязычном сознании обусловлен универсальностью концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в рамках любой национальной и индивидуальной картинах мира. Данные понятия входят в ядро языкового сознания и русских, и французов, и англичан [Дебрэнн, 2010, с. 14-18 (I)].

IV. Образные репрезентанты множественности, условно конституирующие зону субъективной или объективной меры чего-либо, связаны с представлениями о норме, мере, удовлетворенной потребности. Понятие меры, как известно, являет собой единство основных философских категорий качества и количества, в пределах которой количественное изменение степени качества не ведет к преобразованию последнего. Мера присуща не любому признаку, а только такому, который допускает количественные изменения, то есть градуирование. Градуальные характеристики формируются субъектом, выражающим свое отношение (оценку) к объекту или явлению действительности. При оценке количества в условиях отсутствия объективного эталона сравнения, то есть в терминах «много» / «мало», оценка является субъективной, поскольку основанием оценки становятся только чувства и ощущения индивида, либо некоторый стандарт, включенный в персональную систему ценностей субъекта оценки.

Идея «мерной множественности» выражается посредством указания на избыточное количество, соотносимое с инвариантным значением «высокая степень интенсивности», которая особенно показательно обнаруживает себя, например, в своеобразных «антропоцентрических мерах», когда части человеческого тела становятся основанием для освоенного сознанием меры *множественности*. Сравним: в русском – «*быть по уши в делах, работе*», в английском – «*up to one's ears*», «*s'en mettre plein les trous de nez*» (насытиться до ноздрей).

Рассмотрев выделенные классы образных конститuentов *множественности*, можно сделать общий вывод о том, что образы сознания, связанные с представлениями о некоей *множественности* скорее имеют универсальный характер. Это обусловлено тем фактом, что концепт КОЛИЧЕСТВО, неотъемлемой частью которого является представление о *множественности*, как известно, относится к числу базовых универсальных концептов человеческого сознания, вследствие чего, и самые глубокие уровни представления о некотором множестве также маркированы общими чертами. В этом аспекте *множественность* – это некий синтез внутренних факторов силы, больших размеров и неупорядоченности или внешних факторов объединяющего и удерживающего усилия. Инвариантным значением, способствующим осмыслению глубинной структуры *множественности*, является параметр *Magn*, отвечающий смыслу «очень». Подобное «разложение» внутреннего содержания *множественности* на составляющие, еще раз позволяет указать на континуальность сознания и корреляцию различных концептуальных облас-

тей, в частности – количества, интенсивности, качества, оценки, пространства.

Однако, несмотря на универсальный в целом «набор» образных конститuentов в содержании *множественности*, необходимо отметить несовпадения, касающиеся статуса некоторых репрезентантов, что указывает на необходимость учета фактора этноспецифической обусловленности сознания.

Так, выявленная большая значимость одного из ядерных конститuentов *множественности* – понятия силы для франко- и русскоязычного сознаний позволяет сделать вывод о большей схожести русской и французской культур. Менее ценностный статус понятия «сила» для англоязычного сознания обусловлен такими традиционно значимыми для данной культуры тенденциями, как стремление к рациональному объяснению, основанному на фактах. Деятельностное отношение к окружающей действительности представителей данной лингвокультуры в противовес более созерцательному представителей русской и французской лингвокультур вполне согласуется с выстроенной Ш. Балли семантической типологией языков, согласно которой импрессионистическая феноменологическая ориентация, для которой характерно отражение явлений с точки зрения их восприятия, более очевидна в русском языке по сравнению с немецким, более в немецком, чем во французском, и более во французском, чем в английском. Напротив, аналитическая тенденция, ориентирующаяся на рационалистическое представление, более очевидна в английском, чем во французском, более во французском, чем в немецком, более в немецком, чем в русском [Балли, 2001, с. 203].

В заключение отметим, что, поскольку когнитивные структуры ориентированы на отражение структуры внешнего мира, попытка реконструкции образов сознания, связанных с представлениями о различных фрагментах действительности в сопоставительном аспекте дает возможность выявить как универсальные содержательные компоненты в структуре того или иного глубинного представления, так и специфические уникальные компоненты, обуславливающие своеобразие языкового сознания того или иного народа.

Литература

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001.
Берестнев Г.И. Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании // Вопросы языкознания. 1999. № 6.
Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь : в 2-х тт. Новосибирск, 2010.

Ильинская Т.Н. История формирования и эволюция концепта «сила» во французском и русском языках. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/istoriya-formirovaniya-i-evolyutsiya-kontsepta-sila-vo-frantsuzskom-i-russkom-yazykakh>

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей. Смысл ↔ Текст. Семантика. Синтаксис. М., 1974.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.

Шеховцева Т.М. Вербализация концепта «сила» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011.

Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. N.Y., Berlin, 1999.

Drabble M. The Red Queen. Penguin Books, 2005.

Grisham J. The Firm. Arrow books, 1993.

Jilbert E. Committed. Penguin Books, 2011.

Pancel K. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi. Albin Michel, 2010.

Steel D. The House on Hope Street. Corgi Books, 2001.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Г.А. Сосунова

Ключевые слова: таможенная терминология, таможенная деятельность, виды пошлин, общественно-экономические события.

Keywords: customs terminology, customs activities, types of duties, social and economic development.

Вопросы формирования терминологии в языке отражены в работах многих исследователей, в частности, Г.А. Абакумовой (общественно-политическая терминология), О.О. Агеевой (терминосистема «управление персоналом»), А.С. Гринева (тематическое поле «теория и история архитектуры»), Т.Г. Зубовой (терминополье «сухое и легкое строительство»), Л.Л. Нелюбина (военная лексика и терминология), Н.С. Николаевой (терминосистема «сварка»), Е.А. Панкратовой (терминология «нефть и нефтепродукты»), Д.О. Попова (терминосистема «экология воздуха»), А.С. Рылова (спортивная терминология), А.Д. Самигуллиной (лексико-семантическое поле «военное обмундирование»), Н.В. Ушковой (терминология «рельеф земной поверхности») и ряда других авторов.

С древнейших времен правительства стран взимали налоги на товары, пересекающие границы¹. Так, в Византийской империи сборщики налогов назначались на определенное время, в течение которого им отдавались на откуп налоговые поступления какого-либо округа. [Шрайнер, 1992, с. 119]. Во Франкском государстве в середине первого тысячелетия нашей эры сбором отдельных налогов занимались откупщики, которые брали на себя обязательство доставлять королю определенные суммы денег и отвечали за это своим имуществом. [Орт, 1992, с. 129]. В эпоху ранней Античности (VIII в. до н.э. – II в. до н.э) налоги, особенно на ввоз импорта, взимались с целью пополнения государственной казны. Применялись также и запретительные меры на вывоз отечественной продукции из-за опасения продовольственного кризиса внутри государства. Таможенный режим был, в частности, распространен как в провинциях, так и в городах – *douane de Lyon* (Лионская таможня), *douane de Paris* (Парижская таможня), *douane de Valence* (таможня Валенсии).

Таким образом, возникали первые римские таможни. Взимание пошлин государство поручало служащим частных компаний (подобная практика была широко распространена до конца XVIII века). Здесь речь идет о первых королевских откупщиках, прототипах современных таможенных служащих, в обязанности которых в то время входило оценивать стоимость товара, с которого предстояло взимать пошлину. Откупщики располагали правом распаковывать, пересчитывать, взвешивать товар, даже если он принадлежал очень высокому лицу.

После завоевания Галлии в Риме возникает налог на ввозимые товары под названием *«les portoria»*, а также устанавливаются таможенные посты на границах и в портах. До введения *«les portoria»* существовал налог под названием *«quarantième des Gaules»* («галльский сороковой»), размер которого составлял 2,5% от стоимости ввозимого товара. Этот налог продолжал существовать и взимался в остальных частях Римской империи. Речь идет о зарождении первой галло-римской таможенной администрации.

Вскоре налог *«les portoria»* начинает приносить меньше дохода на внутренних границах империи и постепенно превращается в дорожную пошлину. Эта тенденция усиливается в Нижней Империи. В IV-ом веке появляется пошлина под названием *«l'octavia»*, размер которой состав-

¹ <http://www.douane.gouv.fr/page.asp?id=164>

ляет 12,5% и которая взимается не только на внешних границах, но и на границах налоговых округов¹.

В эпоху Средневековья продолжалось интенсивное развитие таможенной деятельности, что отразилось на формировании таможенной терминологии во французском языке. Главным и важным событием на Западе после падения Римской империи было превращение пограничных налогов в дорожные пошлины. Карл Великий стремится навести порядок во взимании дорожных пошлин, называемых «*tonlieux*», портовых пошлин *tonlieux des ports*, дорожных пошлин *tonlieux des routes*, мостовых пошлин *tonlieux des ponts*, речных пошлин *tonlieux des fleuves*¹.

До распада империи Каролингов королевские служащие перестают взимать дорожные пошлины, эта функция переходит в руки могущественных феодалов. Количество пошлин растет, они часто дублируют друг друга, их взимают местные чиновники или откупщики. Роль пошлин была наиболее значимой на крупнейших ярмарках того времени, в частности, в Лионе, Валенсии, Шампани и других городах. Практиковались различные льготы торговцам: полное освобождение от уплаты пошлин или привилегированные режимы (скидки либо временное освобождение от уплаты пошлин). Отмечались случаи запрета вывоза из страны, как продовольственных товаров, так и валюты как стратегически важных государственных ресурсов. В частности, в XIV веке Филипп IV Красивый использует подобный запрет как экономическое оружие против своих врагов. Отступления от правил запрета также практиковались, разрешение на вывоз товаров выдавал главный управляющий портов либо королевский чиновник высокого ранга. Но подобный перевоз груза стоил купцам дополнительных финансовых расходов – экспорт осуществлялся при условии уплаты пошлины, появившейся в 1304 году и носившей название «*haut-passage*».

Возникают и другие виды пошлин. Так, при Филиппе IV Красивом в 1324 году появляется *droit de rêve* (*rêve* = *recette*) – пошлина, взимаемая с товаров, не относящихся к запрещенным на вывоз из страны, ее сбор осуществлялся в пункте контроля провоза товаров специально назначенным чиновником из администрации города. Появившийся в средневековой Франции налог *gabель* (*gabelle f*) до XIV века взимается на потребительские товары, позднее государство монополизирует продажу соли, и согласно ордонансу 1341 года, этот налог взимается также и на соль. *Габель* собиралась чиновниками, откупщика-

¹<http://www.douane.gouv.fr/page.asp?id=164>

ми, дважды отменялась, окончательно была утверждена в 1383 году и существовала во Франции до конца XVIII века. В 1369 году вводится пошлина на внешнюю торговлю *droit de traite foraine* (*traite f* – торговля, торг; *forain, -e* – *уст.* внешний), (*traite foraine = commerce extérieur*), и в дальнейшем выражение *les droits de traite* (*ou traites*) будет в целом обозначать *les droits de douane*, то есть *таможенная пошлина*. В XV веке во времена правления Людовика IX учреждается постоянная армия согласно ордонансу 1439 года, и одновременно утверждается постоянный прямой налог *таля* (*taille f*), которая существовала в двух видах: личная, действующая в северной части Франции, и «реальная» или «имущественная», которой облагалась земля недворянского статуса.

Развитие таможенной деятельности средневековой Франции сопровождалось существенными изменениями – в 1360 году выплата выкупа короля Иоанна II Доброго ведет к распаду единой системы взимания пошлин на две таможенные зоны с целью введения новых видов пошлин, которые некоторыми провинциями, в частности на севере Франции, признаются, а другими, например, в Провансе, не признаются. Король, кроме собственной таможенной территории (*l'Île de France*), признает таможенные зоны провинций. Однако отныне обе территории имеют статус, аналогичный иностранному государству, и одни и те же пошлины взимаются как на их границе, так и на границе между иностранными государствами.

Историко-лингвистический анализ общественно-экономических событий во Франции в годы протекционизма (который имеет также название кольбертизм) также позволил выявить примеры возникновения профессиональной таможенной терминологии во французском языке. Данный период известен общественности как насыщенный политическими, общественно-экономическими событиями, в том числе и в области таможенной деятельности. Согласно общеизвестному определению, протекционизм (*франц. protectionnisme, от лат. protectio – защита, покровительство*) – экономическая политика государства, направленная на поддержку национальной экономики. Для протекционизма характерно финансовое поощрение национальной экономики, стимулирование экспорта товаров. Осуществляется протекционизм с помощью торгово-политических барьеров, которые ограждают внутренний рынок от ввоза иностранных товаров, снижают их конкурентоспособность по сравнению с товарами национального производства¹.

¹ <http://dictionary-economics.ru/word/Протекционизм>

Первыми теоретиками и практиками протекционизма были меркантилисты, которые требовали у государственной власти защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции. Политика меркантилизма заключалась в поощрении – с целью увеличения производства товаров для экспорта – развития промышленности, в поддержке экспансии торгового капитала, в частности, в помощи создания монопольных торговых компаний, в развитии мореплавания и флота, захвате колоний, в резком повышении налогового обложения для финансирования всех этих мероприятий¹.

Экономическая политика, проводимая Кольбером, получила название кольбертизм и является одной из разновидностей меркантилизма, ее часто называют апофеозом протекционизма. Главная задача, которую Кольбер поставил перед собой, – добиться увеличения государственных доходов, и в первую очередь, за счет активного торгового баланса. Решение поставленных задач осуществлялось путем создания мануфактур, поощрения промышленности, увеличения экспорта промышленных изделий и импорта сырья, сокращения ввоза готовых изделий иностранного производства. По настоянию Кольбера, в 1661 году, была учреждена особая судебная палата для разбора дел о финансовых злоупотреблениях. Экономическая роль таможенных пошлин утверждается с введением в 1664 году тарифа, который обеспечивал умеренную защиту отечественного производителя. К 1665 году денежные поступления от конфискации имущества и штрафов пополнили казну более чем на 100 млн. ливров. В 1667 году Кольбер ввел знаменитый таможенный тариф, который предусматривал повышение пошлин на иностранные товары с целью избежания импорта товаров голландского и английского производства. По инициативе Кольбера были созданы монопольные торговые компании для внешней торговли, в том числе для колониальной: Вест-Индская, Ост-Индская, Левантийская, Сенегальская и др².

Однако сельскому хозяйству при Кольбере уделяется мало внимания. В XVII-XVIII веках продолжает взиматься налог *талья*, прямой налог на крестьянские земли, уплачиваемый преимущественно крестьянством. Позднее *талья* была уменьшена, а затем и отменена Великой французской революцией³.

Функционирующий в эпоху Средневековья налог на соль *габель* продолжает взиматься в период деятельности Кольбера, его размер по

¹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/108377Меркантилизм>

² <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/163673/Кольбер>

³ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/138030/Талья>

провинциям был неодинаков – существовали области «большой габели» («*grande gabelle*»), «малой габели» (*quantité minimale s'appelle le « Sel de devoir pour le pot et la salière*) (минимальное количество, которое называлось «Соль для горшка и солонки»). Так, в XVI веке большую габель выплачивали округа Парижа, Орлеана, Тура, Дижона, Руана. Некоторые провинции были освобождены от его выплаты, в частности, со 2-й половины XV века налог габель не взимался в провинциях Пуату, Сентонж, Гиень. Попытка ввести этот налог в Гиени в 1548 году привела к восстанию. Политика пополнения государственной казны за счет налогов продолжается: Кольбер резко увеличивает косвенные налоги – табачный, солевой, вводит гербовый сбор. Ненавистный налог *габель* вызвал народные волнения в Овилларе в 1633 году, в Ажене в 1635, в 1790 году этот налог был отменен Учредительным собранием¹.

Анализ формирования профессиональной таможенной терминологии во французском языке, безусловно, затронет ключевое слово данной тематики, а именно французское слово *douane* (таможня), этимология которого представляет интерес, так как слово «*таможня*» («*douane*»), как и слово «*диван*», имеют одно происхождение. Подробное исследование в этом направлении позволило выявить следующие факты.

Зафиксированное в средневековой сицилийской латыни в конце XII века слово *doana* или *dovana* в староитальянском языке обозначало здание, где взимались пошлины на ввоз и вывоз товаров. Во французском языке слово «*douane*» впервые появилось в 1281 году как *dohanne*, затем орфография и фонетика слова менялась. Позднее, в 1264 году оно означает таможенную администрацию, отвечающую за перемещение товаров. Изменения в значении слова *douane* продолжаются – в 1372 году оно одновременно означает здание, в котором взимаются пошлины и налоги, а также таможенную службу, осуществляющую контроль над взиманием этих пошлин и налогов. В 1441 году слово *douane* встречается уже как *doana*, затем *doane*, позднее – *douane*. В провансальском языке французское слово *douane* выглядит как *doana*; в каталонском – *duana*, *aduanya*; в испанском и португальском – *aduanya*; в итальянском оно имело форму *doana*, *dovana*, а в современном языке пишется *dogana*.

Таким образом, слово «*douane*», впервые появившееся во французском языке в XIII веке, имеет производные, а именно:

¹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/7698/Габель>

1. От слова *douane* во французском языке произошло слово *douanier* (таможенник). Впервые это слово появилось в 1281 году и имело следующую орфографию: *dohanier*, затем в 1545 году как *douannier*. В то время во французском языке не существовало специальной лексики, обозначающей профессию лиц, собиравших пошлину с крестьян, привозивших на продажу на рынки Парижа молоко, вино и другие продукты, и поэтому слово *douannier* иногда употребляли для обозначения этой профессии. Подобный случай в конце XIX-го века был и французским художником Анри Руссо, который работал некоторое время в этой должности. Вообще же практика взимания пошлины, являвшейся в ту пору муниципальным налогом, который взимался при въезде на территорию городской ратуши, была зафиксирована во Франции в XIII-ом веке и просуществовала до 1948 года. Более того, в то время использовался термин «*ermin*», происхождение которого остается неизвестным, но который обозначал пошлину, взимаемую при вывозе и ввозе товаров в города Восточного Средиземноморья.

2. Глагол *douaner* зафиксирован во французском языке в 1675 году и обозначал маркировку «административным свинцом» («*du plomb de l'administration*») товаров, представленных на таможеню. С XIX-го века этот глагол больше не используется в речи.

Однако нет единодушного мнения о корнях слова «*douane*», существует несколько версий:

- благодаря персидским корням слово «*douane*» – это безумное или дьявольское приспособление для отдыха секретарей (по мнению Ибн Халдуна, слово «*divân*» во множественном числе в персидском языке обозначает «*дьявол*», так как секретари, сидящие на диванах, получили такое прозвище из-за своего ума и дьявольской скорости, с которой они умели вычислять сложные операции в уме. (*Selon Ibn Khaldoun, «divân» est le (pluriel) persan du terme: diable. Les secrétaires furent appelés ainsi, en raison de leur intelligence et leur rapidité diabolique à effectuer les opérations de calcul mental. Discours sur l'histoire universelle trad. Vincent Monteil Tome II p. 499*);

- арабские корни позволяют трактовать данное слово как место для сбора и хранения предметов, товаров;

- лексикографы говорят также о происхождении слова «*douane*» от персидского «*divân*» (переводится как «*место для работы администрации*»);

- существует также версия о том, что происхождение слова «*douane*» нужно искать в итальянском *dogana*, которое произошло из слова *doge* (*дож*, титул выборного главы Венецианской республики на

протяжении более чем десяти веков, с VIII по XVIII века, возник в 697 году) и обозначало «налог, взимаемый в пользу дожа на товары, ввезенные в Венецию»;

– большинство исследователей придерживаются следующей точки зрения: слово «*douane*» происходит из персидского глагола *dawwana*, значение которого «записывать, давать инструкции, вписывать, регистрировать». Однако эта версия заставит обратиться к испанскому варианту слова *a-duana*, указывающему на арабское происхождение и, таким образом, слово «*douane*» оказывается связанным с арабским словом *diwane*.

– есть также версия, включающая в свое трактование несколько компонентов предыдущих версий, а именно: слово «*диван*» («*diwan*») имеет персидские корни, оно обозначало: 1) связанные страницы, 2) книга записей, реестр. Затем из персидского языка слово «*douane*» переходит в турецкий язык и начинает обозначать «место, где рассматриваются книги записей, реестры», а затем в арабский, где переводится как «бюро, место для работы администрации». После создания специальных канцелярий, составляющих списки арабских ветеранов для получения денежного содержания, слово «*dīwān*» начинает обозначать государственное учреждение вообще, и, прежде всего - государственной совет, собрание советников халифа. Постепенно слово *dīwān* «собрание, совещание» приобретает смысл «место или дом, то есть «*douane*» («*таможня*»), где встречаются финансовые директора для оплаты пошлин». Места, где сидели руководители, снабжаются подушками – пребывание на работе начальников оборудуется с богатым размахом. В наши дни в сербохорватском языке слово «диван» сохранилось при заимствовании и обозначает «совет, собрание, совещание» («диван» – «беседа»)¹.

Таким образом, проведенный историко-лингвистический анализ эпох Античности, Средневековья, периода экономической политики, проводимой Кольбером, позволил проследить развитие таможенной деятельности во Франции с одновременным возникновением и расширением профессионального таможенного подъязыка, что помогло выявить:

– первые таможенно-экономические процессы, происходившие в Античную эпоху, выполнявшие фискальные функции с целью пополнения государственной казны лежат в основе современной таможенной

¹ http://www.douane.gov.ma/c/journal/view_article_content?groupId=16&articleId=29886&version=1.0

деятельности; в процессе выполнения фискальных операций зарождалась первая профессиональная таможенная лексика;

– первую профессиональную таможенную лексику, появившуюся в Античной эпохе, перешедшую позднее во французский язык и сохранившуюся в современном французском языке, а именно: таможенную – *des impôts, des droits* (налоги), *prélever, percevoir* (взимать), *des perceptions* (взимания), *le recouvrement* (взимание налогов), *des marchandises imposables* (облагаемые налогом товары); таможенно-экономическую – *les marchandises en mouvement* (перевозимые товары), *remplir les caisses publiques* (пополнять государственную казну), *l'importation* (ввоз), *l'exportation* (вывоз), *la valeur de la marchandise* (стоимость товара); таможенно-юридическую – *la prohibition* (запрет), *une préoccupation fiscale* (налоговая деятельность), *des péages* (дорожная пошлина)¹;

– первую таможенную лексику, появившуюся в Античной эпохе и не сохранившуюся в современном французском языке: *des portitores romains ou publicani* (королевские откупщики), *les portoria* (налог на ввозимые товары, превратившийся позднее в дорожную пошлину), *l'octavia* (таможенная пошлина), *des droits de circulation* (дорожная пошлина), *l'affermage* (отдача на откуп (налогов)), *les fermes* (откупное ведомство), *la ferme générale* (королевские откупщики – *организация*), *un fermier général* (королевский откупщик).

Также были сделаны следующие выводы:

– зародившаяся в Античную эпоху таможенно-экономическая деятельность продолжает интенсивно развиваться в средневековой Франции и доходит до наших дней, при этом активно используется следующая профессиональная лексика, а именно: таможенная – *des impôts frontaliers* (пограничные налоги), *la perception, le recouvrement* (взимание налогов), *une taxe* (налог, пошлина), *taxer* (облагать налогом, пошлиной), *la sortie* (вывоз товаров), *les droits de douane* (таможенная пошлина); таможенно-экономическая – *des fins fiscales* (налоговые цели), *un intérêt économique* (экономический интерес), *le paiement* (платеж), *des grandes foires* (крупные ярмарки), *retenir les ressources* (сохранить запасы), *affranchir* (освобождать от оплаты), *un paiement forfaitaire* (заранее установленный платеж); таможенно-юридическая – *des prohibitions de sortie* (запреты на вывоз), *des produits non prohibés* (незапрещенные на вывоз товары), *les autorisations d'exporter* (разрешения на вывоз), *l'accord* (соглашение, договор); лексика, обозначающая

¹ <http://www.douane.gouv.fr/page.asp?id=164>

профессии лиц, занимающихся взиманием налогов – *des fonctionnaires locaux* (местные чиновники), *le Maître des ports* (главный управляющий портов), *haut fonctionnaire royal* (королевский чиновник высокого ранга), *des fermiers* (откупщики); лексика, обозначающая лиц, занимающихся торговлей и уплачивающих таможенные пошлины: *des négociants* (купцы)¹;

– в эпоху Средневековья зарождается один из ключевых терминов современной таможенной службы – *таможенная пошлина*: возникшая в 1369 году пошлина на внешнюю торговлю вначале имеет название *droit de traite foraine*, позднее терминология видоизменяется в выражение *les droits de douane*, то есть *таможенная пошлина*;

– возникает многочисленная таможенная терминология на латинском языке, обозначающая различные виды пошлин; с дальнейшими орфографическими и фонетическими изменениями эта лексика проникает во французский язык и сохраняется в нем до сегодняшних дней, но не используется в современной таможенной практике (за исключением текстов, трактующих исторические события) в связи с несуществованием более видами пошлин, а именно: пошлина – *лат. teloneion (фр. tonlieux)*, портовая пошлина – *лат. portatica (фр. tonlieux des ports)*, дорожная пошлина – *лат. rotatica (фр. tonlieux des routes)*, мостовая пошлина – *лат. pontatica (фр. tonlieux des ponts)*, речная пошлина – *лат. giratica (фр. tonlieux des fleuves)*¹;

– возникает таможенная терминология на французском языке, обозначающая различные виды пошлин – *un droit de haut-passage* (пошлина на удобный перевоз товара), *un droit de rêve* (пошлина на уплату незапрещенного на вывоз из страны на товара), *un droit de traite foraine* (пошлина на внешнюю торговлю), *les droits de traite (ou traites)* (таможенная пошлина), а также виды платежей – *le paiement de la rançon* (выплата выкупа), однако перечисленная терминология также не используется в современном французском языке в связи с устранением пошлин;

– возникают новые виды налогов, в частности: *габель (gabelle f от араб. аль-кабала – налог)*, который до XIV века взимался на потребительские товары (*Au départ ce mot s'appliquait à toutes les taxes prises sur les produits de consommation* – Первоначально слово применялось ко всем налогам, взимаемым на потребительские товары²), а с 1341 года и на соль; постоянный прямой налог *талья (taille f)*, имевший разновид-

¹ <http://www.douane.gouv.fr/page.asp?id=164>

² <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/7698/Габель>

ности: личная *талья* (*une taille personnelle*) для лиц из третьего сословия, «реальная» или «имущественная» (*une taille réelle*), которой облагалась земля недворянского статуса; такая территория носила название (*une terre roturière*); функционирование налогов *габель* и *талья* и продолжатся в последующие за эпохой Средневековья времена, но не дойдут до наших дней;

– появляется лексика, которая, сохранив орфографию и фонетику в современном французском языке, расширила семантическое значение слова, в частности: *tonlieux des franchises, (exemption totale d'impôts) ou des régimes privilégiés (réduction ou suspension temporaire d'impôts)* в средневековый период – полное освобождение от уплаты налога или предоставление привилегированного режима, то есть уменьшение размера или временная приостановка уплаты налога; в современном французском языке: *franchise f* – 1) льгота, привилегия; освобождение от налогов; 2) *ком.* франшиза (объект договора франчайзинга, комплекс благ, состоящий из прав пользования брендом; 3) право убежища; 4) откровенность, искренность; 5) смелость; 6) четкость, ясность; яркость[Гак, Ганшина, 2002, с. 479]; 7) франшиза (*в страховании*) – часть ущерба, не выплачиваемая (удерживаемая) компанией при наступлении страхового случая; 8) медиа-франшиза – интеллектуальная медийность, состоящая из персонажей какого-либо оригинального медийного произведения (обычно литературного), такая как фильмы, книги, телепрограммы или видеоигры¹.

Проведенный историко-лингвистический анализ таможенной деятельности и формирования профессионального таможенного подязыка в период экономической политики, проводимой Кольбером, позволил сделать следующие выводы:

– период службы Кольбера, французского государственного деятеля, принято считать наиболее существенным для таможенного ведомства Франции, а самого Кольбера современные таможенные служащие называют *le père de la douane moderne* (отец современной таможни);

– появившиеся в Античные времена, функционирующие затем в эпоху Средневековья, многие виды таможенной деятельности продолжают интенсивно развиваться в период кольбертизма и доходят до современных дней с использованием следующей профессиональной лексики и терминологии, а именно: таможенной – *les droits de douane* (таможенные пошлины), *le contrebandier* (контрабандист), *le droit douanier*

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Франшиза>

(таможенная пошлина), *les droits d'entrée et de sortie* (таможенная пошлина на ввоз и вывоз товаров), *le tarif douanier* (таможенный тариф), *le recouvrement* (взимание налогов), *le dédouanement* (таможенное оформление товаров), *le chargement* (груз), *un unique territoire douanier* (единая таможенная территория), *les douanes intérieures* (внутренние таможенные посты), *des zones franches* (свободные от налогов территории), *le contrôleur* (контролер); таможенно-экономической – *importer* (ввозить товары), *exporter* (вывозить товары), *les produits de valeur* (ценные товары), *développer le commerce* (развивать торговлю), *la surtaxation des transports sous pavillon étranger* (чрезмерное обложение налогом транспорта под иностранным флагом), *des subventions* (субсидии), *des exemptions fiscales* (налоговые льготы), *l'octroi de privilèges aux grandes compagnies* (предоставление льгот крупным компаниям), *les entrepôts de réexportation* (склады реэкспорта товаров), *une tarification* (ценообразование); таможенно-юридической – *une législation douanière* (таможенное законодательство)¹;

– в период деятельности Кольбера продолжают функционировать некоторые виды налоговой деятельности, возникшие в эпоху Средневековья, но прекратившие позднее свое существование (таля была отменена Великой французской революцией) и не дошедшие до современной таможенной службы, в связи с чем больше не используется соответствующая терминология, в частности: *le système de l'affermage* (система откупа), *une taille* (постоянный прямой налог талья), *une taille personnelle* (личная талья), *une taille réelle*, («реальная» или «имущественная» талья), *une gabelle* (до XIV века – налог на сукно, вино, а с 1341 года – на соль); *des faux-sauniers* (контрабандисты солью); обозначение облагаемых налогом территорий: *une terre roturière* (земля недворянского статуса)².

– термин *une gabelle*, возникший в результате процессов, связанных с взиманием налога на соль, имеет производное слово *un gabelou*, которое во времена деятельности Кольбера обозначало *таможенник*; (*ce surnom donné aux douaniers provient du nom d'une très vieille taxe sur le sel perçue aux temps du royaume de France: la gabelle* – прозвище, данное таможенникам, происходит от старинного названия налога на соль во времена королевской Франции); в наши дни это слово, не теряя своего семантического значения, не является полным синонимом слову *un douanier* (таможенник) и употребляется с целью подчеркнуть пре-

¹ <http://www.douane.gouv.fr/page.asp?id=164>

² <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/138030/Талья>

небрежение к данной профессии; так, в репертуаре известной французской певицы Эдит Пиаф, в песне «*Le contrebandier*» (слова Р. Ассо, музыка швейцарского композитора и музыканта Жана Вилара¹ встречается слово *le gabelou*, слова песни подтверждают пренебрежение к профессии таможенника, убившего контрабандиста. [Сосунова, 2011, с. 5-6].

Таким образом, историко-лингвистический анализ эпох Античности, Средневековья, периода экономической политики, проводимой Кольбером, позволил установить факты возникновения первой профессиональной лексики и терминологии, возникавших и расширявшихся в процессе развития французского государства и его таможенной службы. В ходе исследования была зафиксирована динамика в формировании таможенного подъязыка: большое количество возникшей в исторический период таможенной лексики продолжает функционировать в современном французском языке, некоторая лексика больше не используется в связи с устранением видов пошлин. Главные задачи таможни – взимание налогов в пользу государственной казны, защита экономических интересов государства – по-прежнему решаются и в настоящее время, но при этом, в соответствии с современными научно-информационными достижениями, используются прогрессивные методы и соответственно деятельность расширяется профессиональный таможенный подъязык.

Литература

- Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М., 2002.
 Орт Э. О королевской казне и земельном кадастре. Развитие налогов во Франкском государстве // Все начиналось с десятины : этот многоликий налоговый мир. М., 1992.
 Сосунова Г.А. Учебник французского языка для таможенников. В 2-х ч. М., 2011.
 Шрайнер П. Централизованная власть и налоговый ад. Налоговое бремя в Византийской империи // Все начиналось с десятины : этот многоликий налоговый мир. М., 1992.

¹ http://fr.wikipedia.org/wiki/Jean_Villard; <http://www.24hgold.com/francais/home.aspx> 24 Heures

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СУБЪЕКТ И СВЕРХ-СУБЪЕКТ В КНИГЕ МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА «ДИКАЯ ПОРФИРА»

П.А. Чеснялис

Ключевые слова: М.А. Зенкевич, адамизм, акмеизм, межсубъектные взаимосвязи, сверх-субъект.

Keywords: M.A. Zenkevich, Adamism, Akmeism, inter-subject interrelations, Super-subject.

Одним из важных пунктов акмеистической программы было указание на неправомерность попыток «познания непознаваемого». Непознаваемым объявлялось все, что порождало злоупотребления «текучестью слова» и вынуждало литературу вступать в пределы мистики и теософии. Это не только критика в адрес символизма, но и поиск собственного пути новой школы. Усилия акмеистов должны были быть направлены на приятие и воплощение в стихах *этого* мира [Городецкий, 1997, с. 202–207; Гумилев, 1990, с. 55–58]. Мистическое понимание заменялось эстетическим, а иногда – эмпирическим. В.М. Жирмунский увидел в этой стратегии своеобразную хитрость: «...все выражено до конца, потому что отказались от невыразимого» [Жирмунский, 1977, с. 131–132].

Е.В. Тырышкина так описывает разницу поэтических школ: «Т<трансцендентное> о<объективное> акмеистов – это трансформированный вариант такого в символизме, взоры акмеистов прикованы не к небесам, а к земле (вертикаль заменяется горизонтально)...» [Тырышкина, 2002, с. 15]. Для М. Зенкевича именно возможность или невозможность познания тайн природы становится острейшей проблемой. Межсубъектные взаимосвязи и отношения в книге «Дикая порфира» стали предметом исследования в данной статье.

В эпитафии, взятом из стихотворения Е.А. Баратынского «Последняя смерть», природа персонифицирована:

*И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.*

Дикая порфира – атрибут естественной власти, которой природа обладает изначально. В книге М. Зенкевича актуализируется способность природы к самоорганизации, к порождению и поглощению субъектов, что позволяет говорить о ней как о сверх-субъекте.

Во вступительном стихотворении¹ обозначено начало лирического субъекта, его «дух», главной задачей которого является самопознание.

*И ты, мой дух слепой и гордый,
Познай, как солнечная мгла,
Свой круг и бег алмазно-твердый
По грани зыбкого стекла [Зенкевич, 1994, с. 43]².*

С познания себя человек начинает познавать сверх-субъект. Универсум человеческого тела – слепок Вселенной, микрокосм, устроенный по законам, действующим в макрокосме.

*О какой это радостный, сказочный мир,
Управляемый солнцами двух полушарий
И стремящийся вечно в пустынном пожаре, –
Это алое мясо и розовый жир! [с. 57]*

В «Гимнах к материи», открывающих первую часть книги, названы неизблемые и – что важно – полярные свойства материи: она мудра и гармонична, дика и агрессивна.

*В осях, в орбитах тверды скрепы
Пласты огня их не свихнут,
И необузданный, свирепый
Стихийно-мудр твой самосуд [с. 44].*

Сверх-субъект перенимает все свойства материи. В «Гимнах» человек демонстрирует восхищение природой, ее мощью и возможностями, но она оказывается полна загадок. Акмеистическое обращение к *земному* привело к столкновению с *непознаваемым*, уход от которого

¹ О композиции книги «Дикая порфира» – в примечаниях С. Зенкевича [Зенкевич, 1994, с. 628-629].

² Далее ссылки на это издание приводятся с указанием только страниц.

декларировали акмеисты. Положение лирического субъекта неустойчиво: природа грозит ему гибелью:

*Но бойся дня слепого гнева:
Природа первенца сметет,
Как недоношенный из чрева
Кровавый безобразный плод* [с. 55].

Ужас оказывается не лишен *восторга*, ведь растворение в сверх-субъекте гарантирует познание.

*А все затем, чтоб пламенем священным
Я просветил свой древний, темный дух
И на костре пред Богом сокровенным,
Как царь последний, радостно потух...* [с. 54]

События апокалиптического характера представлены в нескольких стихотворениях книги. Они всегда связаны с освобождением какой-либо стихии, например, огненной:

*...Болезнь омывши лавой,
Нетленная, восстанешь ты в огне,
И в хоре солнц в эфирной тишине,
Вновь загремит твой голос величавый!* [с. 49]

Катастрофы, представляемые в стихотворениях «Дикой порфиры», обязательно влекут за собой гибель человечества. Право на уничтожение человека закреплено за природой: во-первых, он, как и все прочее, является ее творением; во-вторых, он ущербен (по сравнению, например, с животными); в-третьих, человек сам пытается быть творцом, бросает вызов сверх-субъекту.

Созидательная активность человека начинается с того, что он берет у природы необходимые материалы, разрушая тело Земли:

*И в глубях шахт, где тихо спит руда,
Мы грузим кровь железную на тачки...* [с. 49]

Машина представляется М. Зенкевичу скорее организмом, чем механизмом, подчеркиваются ее зооморфные характеристики. Е.Ю. Куликова так описывает подобные явления: «Это акмеистический взгляд на мир, когда построенное, созданное руками человека, зодчего, становится живым» [Куликова, 2011, с. 391].

*И, огнедышащие спруты,
Вертите щупальцы машин
И мерите в часах минуты,
А в телескопах бег пучин* [с. 52].

В «Дикой порфире» акцент сделан на том, что машина, пусть и косвенно, имеет естественное происхождение – именно этим объясняется ее *органичность*. Более того – технические характеристики, «способности» механизма тоже как будто зависят от его природных корней. Креативность человека обесценивается.

Для М. Зенкевича нет ничего, что было бы вне природы. Даже история цивилизаций рассматривается как часть естественной истории. Неустойчивое положение субъекта – «зверя, лишённого когтей и шерсти» – не мешает ему вспоминать о собственной исключительности и предъявлять права на власть.

*И мне владеть, как первенцу творенья,
Просторами и силами земли [с. 53].*

Во второй части книги («История») представлены обладатели «цивилизованной порфиры», известные правители древности. Чтобы оправдать свое высокое положение, им необходимы те же качества, которыми наделена владычица-природа: мудрость, способность к установлению гармонии, агрессивность.

В стихотворении «Марк Аврелий» представлена попытка сближения императорской тоги и дикой порфиры. Акцент сделан на биологическом происхождении красящего вещества¹, использовавшегося при изготовлении монаршей одежды:

*И выделением улиток
Пылает пурпур царских тог [с. 58].*

Но оказывается, что мудрость императора-философа не соответствует естественной мудрости природы; и понимание этого – единственное, что ему доступно. Более близким к стихийной мудрости оказывается император Коммод. Его животную сущность подчеркивает М. Зенкевич:

*Что если кровожадным нюхом
В истоки солнц – глухой тайник –
Ты, темный зверь, ясней проник,
Чем твой отец крылатым духом? [с. 60]*

Мысль об инстинктивном прозрении, которое доступно всем нормальным зверям, и путь к которому сложен для человека с его разумом и гордыней, высказана и в стихотворении «Человек»:

¹ Пурпур приготавливался из мяса морских брюхоногих моллюсков.

*К светилам в безрассудной вере
Все мнишь ты богом возойти,
Забыв, что темным нюхом звери
Провидят светлые пути [с. 55].*

Субъект оказывается настолько близок к сверх-субъекту, насколько он смог уподобиться различным тварям. Это объясняет интерес М. Зенкевича к библейской легенде о том, как царь Навуходоносор, сойдя с ума, вообразил, что превратился в быка.

*Но, смилив мою гордыню,
С ложа пирашественных зал
К жвачным буйволам в пустыню
Бог пасть меня воззвал [с. 63].*

Буквальное превращение означало бы для лирического субъекта полное слияние с плотью Земли, но ему все-таки дорог человеческий облик, как доказательство собственной исключительности.

Безумие вавилонского царя – *тут* к «темному прозрению». М. Зенкевичу интересно и безумие другого рода, которое изображено посредством обращения к личности Александра Македонского.

*Отравленный странюю чумной,
Ее дыханием сожжен,
Он ночью криком, как безумный,
Все гонит прочь какой-то сон [с. 65].*

Состояние Александра – это не путь к постижению, но его *результат*. Наступившее прозрение приводит к гибели субъекта, вместо того, чтобы утвердить его в мире.

Итак, положение лирического субъекта в «Дикой порфире» двойственно: «тощий отпрыск» Земли, ждущий прозрения, настаивает на своих диких корнях.

*О предки дикие! Как жутко-крепок
Союз наш кровный. Воли нет моей,
И я с душой мятущейся – лишь слепок
Давно прошедших, сумрачных теней [с. 53].*

В этом и некоторых других стихотворениях можно проследить «мотив узнавания в себе, современном человеке, глубинной связи с духом своих предков» [Созина, 2011, с.1808]. М. Зенкевич занят поиском того, что остается общим для всего и всех в разные времена. Именно это позволит субъекту приблизиться к универсуму. Нечто похожее прослеживается в поэзии авангарда: «Сами футуристы своими "дикими выходками" не просто давали

повод для упреков в варварстве и разрушении культурных устоев современного мира, но и в теоретических построениях исходили из представлений прямо противоположных идеям прогресса» [Бобринская, 1994, с. 201].

Третья часть книги («Лирика») не обращена к истории или доистории. Здесь лирический субъект в меньшей степени оглядывается на предков. Познание сверх-субъекта извне начинается с напряженного ожидания подходящего момента.

*И я все чуда жду – что вспыхнет вдруг короний
Жемчужной зеленью из их минутной тьмы,
И хаос бешеный непонятых гармоний,
Как стройность дивную, на миг постигнем мы [с. 78].*

Подчеркнута пассивность лирического субъекта: знание приходит и исчезает само, а он довольствуется позицией наблюдателя и готов принять любой поворот событий. Гораздо чаще с ожиданием связана подготовка лирического субъекта к активным действиям: он пытается приблизиться к тайнам природы в те моменты, когда ее первозданное равновесие наиболее хрупко. Особое значение приобретает мотив перехода и связанные с ним образы заката, проруби, обрыва.

*О, закат! Этот пурпур, пред ночью разлитый,
И огнисто-бесиюмную бурю твою,
Точно рыбы у проруби, ломом пробитой,
Я, как красными жабрами, легкими пью! [с. 73]*

Лирический субъект обнаруживает свойство, которого прежде в себе не замечал: он способен поглощать элементы сверх-субъекта. Это авангардная тенденция: «Съедобный, поддающийся поглощению универсум рисует-ся едва ли не всеми поэтами футуризма. Физическая и социальная реальность превращается в кулинарную и пьянящую...» [Смирнов, 1994, с. 204]. Поглощение оценивается как еще один способ познания.

Наступление темноты должно расширить возможности человека, ведь уйдет Солнце, лишаящее его сил.

*Свои лучистые и длинные присосы,
Напившись, как паук, от сердца оторви! [с. 74]*

Лирический субъект использует свою способность к поглощению элементов универсума и бросает вызов самому Солнцу:

*Что дневные все радости ваши
Приобщившимся огненной скверне
В золотой, всем протянутой чаше
Разметавшейся мглы предвечерней? [с. 79]*

Напившись огня, человек готов через ночь пробираться к тайнам природы... Но здесь появляется новая «чаша» – женщина, *подменяющая* сверх-субъект. Ее образ отсылает нас к изображению Вавилонской блудницы в Откровении Иоанна Богослова.

*На хребте багряного зверя
вижу царственно-тяжкую ношу.
Как Христово причастье, в сосуде
Всем доступны для блудного сева
И ее не кормящие груди,
И ее не носящее чрево [с. 80].*

Слияния со сверх-субъектом не происходит, так как оно заменяется связью с блудницей. Грехопадение в этом случае оберегает от познания.

Человек упускает еще одну возможность постижения универсума. Тем интереснее его восприятие рассвета. Рассвет – это тоже пограничное состояние природы, но он связан с возвращением Солнца, от которого зависит существование сверх-субъекта.

*А на утро, синий свет познаний
У расщелин древних затая,
Вновь над кровью жертвенных закланий
Гимны Солнцу запоем Земля [с. 79].
О предрассветный, воспетый Бодлером
И Брюсовым час... [с. 81]*

Здесь возникают важные для акмеизма отсылки к поэтической традиции – западноевропейской и русской. Перевод стихотворения Ш. Бодлера «Утренние сумерки» («Le Crépuscule du Matin») М. Зенкевич включил в «Дикую порфиру». Раннее утро интересно М. Зенкевичу не только как постепенное восстановление дневного порядка («Домой распутники спешат и игроки...» [с. 84]), но и как время последних проявлений чего-либо нечистого:

*То – час, когда сквернят в мучительных соблазнах
На ложах отроков рои видений грязных...
<...> И в этот час сильнее в тисках капризной злобы
И тошноты томят беременных утробы... [с. 73–74]*

В заключительном стихотворении книги лирический субъект подводит итог своих исканий:

*Сумрачный бог многоцветного мира,
Творческий дух, не познавший себя... [с. 84]*

Эти строки – попытка поставить *себя* на место универсума: не познал себя – не познал ничего. Однако, самопознание, как показало исследование, – не единственный способ сближения со сверх-субъектом.

Адамист М. Зенкевич, обращаясь к *этому* миру, не может ограничить его лишь тем, что находится непосредственно на Земле. Для полноты приятия мира его лирическому субъекту необходимы и земные недра, и небесные. Горизонталь становится *объемной*, втягивая в процесс эстетического осмысления природу и цивилизацию, доисторию, историю и современность.

Будучи самым сложным порождением природы, человек претендует на познание ее законов и даже стремится быть с ней на равных. В то же время лирический субъект с восторгом принимает волю универсума, даже если она сулит человечеству гибель.

Книгу «Дикая порфира» можно интерпретировать как поиск путей к познанию сверх-субъекта и способов сближения с ним. На данном этапе исследования выделено пять таких способов:

1. Ожидание откровения. Лирический субъект предполагает, что гнозис явится самопроизвольно. Усложненный вариант ожидания – прославление («Гимны к материи»), которое требует поиска адекватного языка. В этом случае откровение становится результатом медитации.

2. Самопознание. В книге «Дикая порфира» сформировано представление о человеке как микрокосме («радостном мире»), отражающем в себе свойства макрокосма. В заключительном стихотворении книги радикализация этого принципа приводит к авангардной попытке занять место универсума.

3. Созидательная деятельность, предполагающая соперничество со сверх-субъектом. Творения человека воспринимаются как живые организмы. Но материал для творчества всегда берется у природы, что ставит под вопрос ценность человеческой креативности.

4. Поиск связей с духом предков, «узнавание в себе» их черт. Модификацией этого способа можно назвать и поиск в человеке животного начала, когда близость к сверх-субъекту определяется степенью бестиарности. Право на власть признается за тем, кто наиболее агрессивен – для природы это естественно, так как ей не знакомо давление морали.

5. Поглощение элементов сверх-субъекта, причащение «кровью и плотью» природы. Потенциал этого способа познания велик, но его реализации препятствует появление феминного субъекта, подменяющего собой универсум.

«Дикая порфира» М. Зенкевича – это «подбор ключей» к загадкам природы. В данном случае сверх-субъект выступает в роли асимптоты, а

путь лирического субъекта напоминает математическую гиперболу, бесконечно приближающуюся к ней.

Литература

- Бобринская Е.А. Мотивы «преодоления человека» в эстетике русских футуристов // Вопросы искусствознания. 1994. № 1.
- Городецкий С.М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Антология акмеизма. М., 1997.
- Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
- Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
- Зенкевич М.А. Сказочная эра : Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994.
- Куликова Е.Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. Новосибирск, 2011.
- Смирнов И.П. Психодиахнонологика : Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.
- Созина Е.М. Скифский текст в творчестве М.А. Зенкевича // В мире научных открытий. 2011. № 11.6 (23).
- Тырышкина Е.В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск, 2002.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ОНТОПОЭТИКА ПОВЕСТИ Б. ЕВСЕЕВА «ЧЕРНОГОР»

Е.И. Кулаковская

Ключевые слова: иноформа, эмблема, онтологическая поэтика, образ.

Keywords: inoform, emblem, the ontological poetics, image.

Исследование особой роли музыкальной атрибутики в текстах Б. Евсеева, на наш взгляд, совершенно необходимо для понимания онтологического мироощущения писателя и особенностей устройства его художественного мира. Музыкальная атрибутика, как константа онтологической поэтики, расширяет и углубляет «пространство текста, создает дополнительные, многомерные возможности для смыслового движения.

В прозе Б. Евсеева просматривается комплекс понятий онтологической поэтики, который обладает в прозе автора музыкальной спецификой. «Эмблемы», «двойники», «пороги», «исходные смыслы», которые организуют смысловое поле термина «музыка» в текстах писателя.

Так, с точки зрения интереса музыкальной онтопоэтики, содержательна повесть Б. Евсеева «Черногор», которая также имеет расширенное название «Повесть о том, как мессер Джузеппе смысл звука искал, дьявол барабанными трелями разбить сосуд человеческой жизни пытался, Черногор лечился от акустической травмы, а сочинитель поехал совсем не туда, куда хотел».

Присутствующий в тексте исходный смысл «дьявольской музыки, музыки жизни и смерти» создает определенный стиль и тон повествования.

Разные сцены-эмблемы в тексте объединены этим смыслом, который энергично проходит через них.

Итак, исходный смысл «дьявольской составляющей звука и музыки» распадается в тексте на эмблемы, которые в свою очередь организуют персональный авторский мир.

В тексте повествование ведется сначала от лица сочинителя, затем от лица Черногора, и, наконец, переходит к итальянскому композитору Джузеппе Тартини.

Сочинителя «неотступно привлекает природа инфразвука и пропавшее в XVIII веке «Учение о звуке» Джузеппе Тартини. С этой целью он решает отправиться в направлении Анконы, где родился композитор. По дороге он знакомится с Костиком Хлусом, у которого «из мобилки черт выпрыгивает». Оказывается, что музыку в телефон записывает некто Черногор. Герои повести, композитор Джузеппе Тартини и бывший авиационный техник, «летун», Черногор отделены друг от друга хронологическими рамками жизни, но их сближает постижение звуков и звуковых волн.

Что касается Черногора, то «Соната Дьявола» Джузеппе Тартини пронизывает все сферы его деятельности, и просвечивает сквозь разные детали его жизни. Как говорит Хлус: *«Ну, и Черногор наш, ну, и летун наш бескрылый все время чего-нибудь нам подкидывает: то черт из мобилы у него выскочит, то модель самолета всем одну и ту же на брелоки закажет. То танцевальный конкурс затеет... Блажит старик»* [Евсеев, 2011, с. 174].

Прозвище Черногор изначально несет на себе семантику черного цвета, черных гор. Как замечает Хлус: *«Он нелюдимый. Выставит тебя, как пить дать. Деньги у него водятся, и никто ему, кроме собственных страшилок и заморочек, не нужен»* [Евсеев, 2011, с. 175]. Главным образом, Черногора интересует феноменальная природа звука, полнота бытия, возможная лишь при условии выхода за пределы слышимого, звучание акустического ветра. Он исследует сферу акустики струнных инструмен-

тов, порой даже опосредованно. Например, изучая звуки рояля и скрипки, когда на них никто не играет.

В его доме сочинитель обнаруживает прекрасную модель самолета: *«Зеленый, бочкообразный, маленький, но страшно задиристый, нос кверху, на боку надпись “Мститель”, звезда и номер 26, он стоял на гранитной подставке, сверкая, как новенький. Хоть сейчас садись и лети!»* [Евсеев, 2011, с. 175]. Самолет в тексте – эмблема-символ погибших в Отечественную войну родственников Черногора, которые были штурмовиками-смертниками.

Тема роли инфразвука и полета разворачивается в тексте подробно, овеществляясь в модели советского военного самолета, а также подспудно в полете звука, несущего разрушение. Звук в тексте – это эмблема слышимой, но огромной силы. Черногор улавливает этот *«звук, нами не слышимый, но реально существующий, со страшной силой на мир воздействующий»* [Евсеев, 2011, с. 171].

Инфразвук – это еще и звук смерти, символично представленной в образе самолета. Так, Черногор дарит сочинителю «ишачка» со словами: *«Возьмите – «ишачка»!»* – вдруг взмолился он. «Ишачок» напоминает мне о «Фантомах». «Ишачок» наш, конечно, не для «собачьей драки», для неизвестности. Но все равно, он тоже – летающая смерть» [Евсеев, 2011, с. 215]. «Фантомы» в тексте – это сверхзвуковые самолеты, которые внешне напоминают стальные скрипки. Они также скрывают в себе звук гибели.

Иноформа возможной смерти, акустической травмы проходит через весь текст, проявляясь в вещах (скрипка, самолет, механические крылья). Реальное воплощение образов-символов самолета, звукового ветра, сверхзвуков происходит в конце повести при разрыве бомб над Белградом. Знаковым видится сравнение самолетов с алюминиевыми скрипками, потому как в итоге операция под названием «Милосердный ангел» заканчивается для людей смертью, сопровождаемой звуком: *«Они услышали, – а скорее ощутили, – инфразвук! Неслышимый, разрушающий сердце и мозг, веру и безверие низкочастотный звук: il trillo del diavolo! Этот недоступный пониманию звук, сразу связавшийся в сознании у одного из них с дьявольской трелью, а у другого черт знает с чем, растерзал их как котят, уложив рядом на пол»* [Евсеев, 2011, с. 210].

В процессе общения сочинителя и Черногора выясняется, что Черногора интересует, прежде всего, акустика, хотя о музыке Тартини он также слышал: *«Я ведь не музыкант, не теоретик, я акустик-практик. Ловец акустических волн, так сказать! Был акустиком, потом стал заниматься авиатехникой. А потом сузил себя до акустических свойств струнных инструментов: конкретно, скрипки»* [Евсеев, 2011, с. 180]. Во время ти-

шины Черногор слышит «рев ветра: звериный, дьявольский», а порой – прикосновения ветра к скрипке. Кроме ветра, дьявольской составляющей наделена подруга Черногора Дидо: *«В ней дьявол сидит. И по временам этот дьявол из нее наружу выпрыгивает»* [Евсеев, 2011, с. 180].

Особым онтологическим смыслом в тексте наделена акустическая травма, на основании которой можно провести параллель между Черногором и Тартичем. Кроме этого, героев сближает желание поймать музыку любимым способом. Так, Черногор замечает: *«Я, как и Тартич, кроме высоких тонов – принимаю в себя и все низкие! Принимаю, чтобы вы и все другие – их не принимали!»* [Евсеев, 2011, с. 213]. В итоге роль Черногора проясняет он сам: *«Сижу и отсекаю дьявольским трелям «Фантомов» путь на север»* [Евсеев, 2011, с. 214].

Таким образом, Черногор, как и Джузеппе Тартини, лишь проводник дьявольской музыки. И на того, и на другого она подействовала деструктивно. Акустическую травму Тартини вылечили. Травма Черногора от реальных инфразвуков осталась. Борьба с инфразвуками – это борьба с дьявольской музыкой.

Последующий характер действия определяет «*«порог» - отрезок текста, от которого зависит рисунок бытия будущего, надвигающегося и одновременно вызревающего в момент его прохождения»* [Евсеев, 2011, с. 26]. Таким порогом в повести является переход к рассказу событий из жизни Джузеппе Тартини. Мессер Джузеппе для освоения музыки уединяется в монастыре Анконы, где неожиданно появляется, обладающий правом всеведения о его дальнейшей судьбе, некий Федерико Аннале: *«Только я один знаю – уж вы мне поверьте – и как убережь вас от бед, и как доставить вам радость. И без всяких длинот и хлопот!»* [Евсеев, 2011, с. 184]. Он сообщает музыканту, что его преследуют старые враги. Три года назад Тартини отсек ухо одному офицеру за насмешку над музыкальной игрой, «прочистил противнику уши».

Зная об этой истории и преследованиях, Федерико Аннале уводит музыканта в горы, при этом именует Джузеппе «господином», «великолепным синьором», «блистательным синьором». По дороге неожиданно происходит перевоплощение посланца: *«Вместо пятипалой ступни тупо блеснуло маленькое, грязноватое, широко раздвоенное копынце. Над копытцем рыжим огнем полыхнула шерсть»* [Евсеев, 2011, с. 186]. Аннале оказывается дьяволом. Так, мессер Джузеппе попадает в окружении нечистой силы, которая в тексте представлена в булгаковской традиции.

Здесь в первый раз происходит внутреннее смещение полюсов добра и зла в душе героя: *«Тут в сердце у мессера Джузеппе что-то перевернулось. А перевернувшись, мягко и бережно подсказало: дьяволок этот не*

так уж и страшен!» [Евсеев, 2011, с. 186]. Вместо продажи души Аннале требует от своего господина всего лишь повиновения: *«А вы – вы не вешивайтесь. Вы ведь только свидетель, не так ли? Простой свидетель, хотя и со смычком в руке»* [Евсеев, 2011, с. 187]. Дьяволок предлагает мессире поехать в Рим откупить грехи и замечает, что *«Дьявол и Бог, как мне кажется, давно обо всем договорились! Только об этом пока толком нигде не сказано»* [Евсеев, 2011, с. 188].

Материальным доказательством этого является зримое: *«В этом контрастном соотношении – небо-земля – как раз все высокие договоренности ясно и читаются. Это только у вас, на земле, людишки никак не договорятся»* [Евсеев, 2011, с. 188]. Но Джузеппе видится ложным подобный компромисс.

В следующей эмблематической сцене Джузеппе вдруг становится косвенным виновником расправы на дороге. Он невольно произносит знаковые для всадников слова «все пути ведут в Рим», после чего следуют выстрелы и смерть нескольких человек.

Интересным видится тот факт, что голос музыканта непроизвольно менялся. Сначала он говорит громко и хрипло, несколько минут спустя он *«упрашивал себя не грубым и подлым голосом, а голосом мягким, поистине келейным»* [Евсеев, 2011, с. 192]. Смена голоса отсылает к мотиву подмены души героя, управление внешне действующей силой его волей. В это же время, герой приходит к пониманию роли предельшанья звука: *«Но для того, чтобы нечто извлечь, надо это нечто – предельшанья! Откуда берется предельшанья?»* [Евсеев, 2011, с. 191]. Под влиянием таких мыслей музыкант забывает обо всем. Звук соединяет смысл земного и небесного, выражается в образе звуковой лестницы. По этой лестнице можно перейти в иную жизнь, где *«звук музыки темной – это звук музыки жизни. Звук музыки светлой – это как раз звук музыки светлой. Но не смерти, понимаемой как уничтожение! А смерти, называемой жизнью иной, жизнью с Богом»* [Евсеев, 2011, с. 192].

Исходный смысл «дьявольской музыки» проявлен также через уверения Федерико Аннале, который словно отвлекает героя от истинного значения событий. Смерть в глазах посланца всего лишь мелочь, о которой нет смысла думать: *«Подумайте лучше о прелестном звуковом ветре, который еще называют акустическим, о необычных, я бы сказал, неслыханных свойствах самых нижних музыкальных тонов!»* [Евсеев, 2011, с. 194]. Так, Джузеппе соглашается ехать с дьяволом в церковь, чтобы получить отпущение грехов, но в церкви оказывается «что-то нечисто». Этим создается ощущение, что темное и светлое действительно поменялись местами.

Еще одним «порогом» в тексте является повторное столкновение Джузеппе с иноформой дьявольской музыки – со смертью, когда сгорает церковь. «Порог» сопровождается временной потерей слуха музыкантом, после которой он вдруг начинает слышать то, чего раньше не слышал никогда: *«И наибольшее беспокойство доставляли ему звуки едва слышимые, предназначенные не для услаждения слуха – для тайного разрушения жизни»* [Евсеев, 2011, с. 201]. Таким образом, музыкант столкнулся со звуками темного происхождения: *«В этой еле слышимой, но оказывающей неизгладимое действие на ум и плоть дьявольской музыке сладкого и пре-красного было мало»* [Евсеев, 2011, с. 201].

«Музыка жизни» и «музыка смерти» по-новому открываются для музыканта. Пережив многие несчастья, он понимает, что *«музыка жизни темна, непроглядна»* [Евсеев, 2011, с. 203]. Кроме того, дьявольская музыка, которую играет Чертишвилль, также не соответствует ожиданиям героя. Эта музыка воскрешает мертвых, восстанавливает церковь, соединяет сладость и горечь бытия, является проводником ольфакторной стихии.

Смычок скрипки Тартини напоминает его собственный нос. Когда Аннале начинает играть на ней, то есть метафорически играет на его носе, то музыкант физически ощущает действие музыкальных образов и ассоциаций: *«Вечернее сусло полей, терпкое вино Адриатики резанули Тартинча по ноздрям»* [Евсеев, 2011, с. 204]. В уме Тартини происходит онтологическая замена ада и рая: *«Ад за дверьми вовсе нестрашен, скорей приятен! Приятен, как сон, как вино, как нескончаемая плотская любовь. Такой ад и впрямь больше напоминал рай. Если только, в самом деле, не был им»* [Евсеев, 2011, с. 206].

Таким образом, скрипач осмысляет райскую сонату, вложенную в пальцы дьяволу, значение присутствия дьявола в музыке и приходит к выводу, что *«мы запоминаем только дурное и страшное, оно нас теребит и толкает жить дальше и дальше. А хорошее – пролетает нечужемо»* [Евсеев, 2011, с. 208]. Автор завершает рассказ о «Трели дьявола» Джузеппе Тартини словами: *«Все лучшее приходит путями тайными. Все худшее – явными»* [Евсеев, 2011, с. 212].

В повести Б. Евсеева «Черногор» осуществляется музыкальный переход от акустики к звукопостижению, от звуковых волн – к волнам так называемой «пневматосферы» (о. П. Флоренский)» [из личной переписки автора с Б. Евсеевым].

Кроме того, постижение онтологической реальности в текстах Б. Евсеева неразрывно связано с музыкальной темой. И хотя, Б. Евсеев интуитивно создает свои произведения с присутствием в них музыкально-

сти, можно предположить, что музыка переходит от текста к тексту на новые качественные уровни (выявляет эти качественные глубины – уровни, выступает средством обнаружения последних).

Литература

Акопян К.З., Ильичева Н.И., Чершинцева М.А. Мировая музыкальная культура. М., 2012.

Евсеев Б.Т. Красный рок. М., 2011.

Карасев Л.В. Вещество литературы. М., 2001.

Наджиева Ф. Борис Евсеев : ключи к творчеству // «Русский язык и литература в Азербайджане». 2011. № 1.

АРХИТЕКТОНИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА В ПОЭЗИЯХ ОЛЕСЯ ЛУПИЯ

А.Ю. Колесникова

Ключевые слова: архитектуроника, художественное целое, композиция, мифотектоника, ритмотектоника.

Keywords: architectonics, aesthetic whole, composition, mythtectonics, rhythmtectonics.

В современном литературоведении актуально стоит вопрос о четком разграничении терминологического аппарата, так как специфика исследования зависит от правильного смыслового наполнения отдельных литературоведческих категорий, среди которых «архитектоника» и «композиция». Значение терминов часто рассматривается как синонимическое или почти тождественное по своей сути. Однако следует заметить, что адекватность такого трактования едва ли представляется возможной.

Во всех источниках по-своему определяется термин «композиция»: в одних научных трудах на первый план выступает система образов-характеров и особенности конфликта, во вторых – большее значение придается форме организации повествования, в-третьих – сосредотачивается внимание на временном и пространственном построении произведения. В других исследованиях объединяются все возможные характеристики. Например, Г. Поспелов указывает, что «композиция – это взаимная соотнесенность и расположение в тек-

сте произведения единиц изображаемого и речевых средств. Она включает в себя и расстановку персонажей (их «систему»), и сопоставление сюжетных эпизодов, и порядок сообщения о ходе событий, и смену приемов повествования, и соотношенность деталей изображаемого (а также отдельных речевых оборотов), и членение произведения на части, главы, абзацы, строфы, акты, сцены, явления и т. п.» [Поспелов, 1988, с. 182].

В. Тюпа, рассматривая значение термина «композиция», который, по справедливому замечанию автора, является очень многозначительным, отметил: «В наиболее привычном смысле «построения» чего-либо целого из каких-либо частей – «от композиции фразы» до «композиции характера» – это вполне пустой термин» [Тюпа, 2001, с. 54].

Таким образом, есть смысл говорить об узком и широком значении термина «композиция». Следует отметить, что «построенными» являются все элементы произведения от пейзажных описаний до конкретного их фразового наполнения. Если использовать термин ко всем элементам художественного текста, то он становится синонимом «структуры». В таком случае, отмечают ученые: «Обосновать право термина К. [композиция] на существование и сделать его практически полезным означает – указать такой аспект произведения, который отражен только одним единственным понятием, связанным с этим термином» [Тамарченко, 2008, с. 102].

Так, Б. Успенский в исследовании «Поэтика композиции» сузил значение термина и определил, что «... основное место в данной работе занимает проблема точки зрения. Она представляется центральной проблемой композиции произведения искусства – объединяющей самые различные виды искусства» [Успенский, 2000, с. 9]. Ученый выделяет несколько «точек зрения», которым и уделяет свое внимание, среди них «точки зрения» в плане идеологии, фразеологии, в плане пространственно-временной характеристики и психологии. Подобные константы анализа композиции предлагает Н. Тамарченко: «Изучение присутствующих в художественном тексте точек зрения в связи с их носителями – изображающими и говорящими субъектами, а также их группировки в рамках определенных композиционных форм речи и, наконец, характеристика системы таких форм, как воплощения авторской позиции в данном художественном целом» [Тамарченко, 2008, с. 103].

Значимость архитектоники в трудах М. Бахтина освещена в другом аспекте, ученый утверждал, что архитектурные формы

«в противоположность композиционным формам – входят в эстетический объект» [Бахтин, 1979, с. 20]. Архитектура, согласно концепции М. Бахтина, есть не что иное, как структура эстетической деятельности писателя. Она наиболее отчетливо проявляется в индивидуальности авторского видения: «Архитектура мира художественного видения упорядочивает не только пространственные и временные моменты, но и чисто смысловые; форма бывает не только пространственной и временной, но и смысловой [Бахтин, 1979, с. 121]. Ученый настаивал на том, что «осуществление художественного задания в его существе, есть процесс последовательного превращения лингвистически и композиционно понятого словесного целого в архитектурное целое эстетически завершенного события, причем, конечно, все словесные связи и взаимоотношения лингвистического и композиционного порядка превращаются во внесловесные архитектурные событийные связи» [Бахтин, 1975, с. 50]. Таким образом, композиция упорядочивает словесный материал, являясь внешним порядком, строем произведения, которое подвергается лингвистическим методам анализа, архитектура же является анализом ценностных доминант художественного целого.

Другой российский философ, П. Флоренский, писал о том, что композиция – это не что иное, как некоторые элементы произведения, его составные части, в то время как конструкция (архитектура) – это схема единства, которая объединяет смысловые стороны произведения. П. Флоренский подытоживает, что: «таким образом, композиция, если говорить в первом приближении, вполне равнодушна к смыслу обсуждаемого художественного произведения и имеет дело лишь с внешними изобразительными средствами; конструкция же, напротив, направлена на смысл и равнодушна к изобразительным средствам как таковым [Флоренский, 1993, с. 117].

В своем исследовании мы будем опираться на воззрения именно М. Бахтина и П. Флоренского, используя вышеизложенные литературоведческие методологии для анализа художественных произведений современного украинского писателя О. Лупия.

Следует отметить, что архитектура художественного целого является тем фундаментом, на котором основываются три литературных рода. «Именно архитектурными (а не чисто композиционными) формами завершения являются эпос, лирика и драма» [Бройтман, 2004, с. 73], так как литературные роды выделяются на основе устойчивых особенностей и отличаются оформлением эстетического целого всего литературного произведения, а не просто

его текстового наполнения. Тогда как жанр, по мнению С. Бройтмана, «находится на границе архитектурных (литературный род) и композиционных форм, эстетического объекта и внешнего произведения (текста) – именно в нем эти пределы обретают свое воплощенное единство [Бройтман, 2004, с. 100].

В связи с эстетической основой каждого произведения литературы встает вопрос об их объективном анализе. Так, В. Тюпа архитектуру художественного целого представляет как взаимосвязь шести элементов, среди них наличие «трех субъектно-объектных пар – онтологических слоев художественной реальности: эластичная «мышечная» ткань внешнего слоя (детализация и глоссализация); жесткая «костная» ткань среднего (сюжет и композиция) и тончайшая «мозговая» – внутреннего (мифотектоника и ритмотектоника)» [Тюпа, 2001, с. 99].

Согласно обозначенной выше концепции В. Тюпы в данном исследовании будет производиться интерпретация поэзий сборника «Гармония» (2003). Стихотворения О. Лупия из этой книги были высоко оценены в рецензиях и отзывах критиков, например, Н. Семенов отметил, что в сборнике О. Лупия «преобладает тонкая, глубоко эмоциональная лирика» [Семенов, 2003, с. 3]. В книге представлена как пейзажная, гражданская, так и философская лирика, в своем исследовании мы проанализируем разные тематические группы.

Наиболее экспрессивный пейзажный колорит представлен в поэзии «Неспокій мій в гармонії природи» [Лупий, 2010, с. 329]. Шестиуровневый анализ литературного произведения следует начать с исследования сюжетного и композиционного построения. Так как лирика является бесфабульной по своей сути, обозначим пространственно-временной отрезок действительности, который представлен в поэзии. Пейзаж, воссозданный поэтом, конкретно обозначен в тексте произведения временными рамками – апрельская оттепель. Пространственные константы четко прорисованы поэтом, составляют грамматическую основу предложения: *сонечко ховає, небо позичає, струмлять потоки*. Именно апрельские талые воды становятся объектом изображения в произведении. В первых двух катренах идет осмысление лирическим героем смены времен года, соединяясь с воспоминаниями о своих юношеских переживаниях и мечтах. Следующие три катрена посвящены отображению природы в дни весенней оттепели, а последний катрен, обрамляя произведение, вновь возвращает читателя к воспоминаниям лирического героя.

Композиционно поэзия состоит из шести катренов, из которых три играют роль повествовательную (описательную) – воссоздание перемен в природе, а еще три – роль медитации. В произведении они представлены непоследовательно, описание выполняет вспомогательную функцию, поэтому расположено между медитациями, которые обрамляют произведение. Главный акцент стихотворения поставлен в последнем катрене.

Фокализация в стихотворении представлена сменой точек зрения, своеобразным переходом, в котором лирический герой от отображения собственных переживаний обращается к воссозданию природы в апрельский день и вновь возвращается к осмыслению собственных, некогда пережитых чувств. Глоссализация в большей степени соотносится с прозой, поэтому в стихотворении «Неспокій мій в гармонії природи» не представлена.

Наиболее глубинным уровнем анализа является исследование мифо- и ритмотектоники произведения. В представленной поэзии мифотектоническая основа произведения содержится в особенностях интерпретации «потоков воды», которые струятся *в яри глибокі, до рясних долин* и наталкивают лирического героя на воспоминания о своей юности. Безошибочно здесь можно применить крылатое выражение Гераклита «Все течет, все меняется», которое гласит о неизбежных переменах в жизни человека. Следует сказать также, что лирический герой нисколько не противится переменам, принимая их как должные, а все эти размышления на фоне ранней весенней природы формируют оптимистический пафос произведения.

Ритмотектоника как общая организация текста основывается на последовательном структурировании художественного мира, представленного автором. В поэзии общая атмосфера весенней природы передана пятистопным ямбом с частыми пиррихиями, что создает спокойную, умиротворенную тональность. Лирический герой воспринимает весенний пейзаж, который не отличается каким-то своеобразием изображаемого, однако несет новое видение мира при помощи широкого использования метафор (*сонечко свої ховає скарби, небо позичає квітам фарби*) и эпитетов (*гомінкий, чистий, живий, новий*). Повтор строк из первого четверостишия в конце стихотворения выполняет роль заключения, в котором проявляется целостность мира, гармония впечатления: конец соединяется с началом и образует вечный круговорот как воды (центральный образ стиха), так и времени в целом.

Используя эти же принципы анализа, рассмотрим стихотворение О. Лупия «Терплячий народ» [Лупий, 2010, с. 353–354], которое относится к гражданской лирике. Пространственная характеристика появляется в самом начале поэзии (*Перетерпіти усіх, хто приходив в Україну*) и сохраняется до конца. Временные рамки вычлениить в лирике трудно: грамматическое время выражено инфинитивными конструкциями (*перетерпіти усіх, не втратить корінь, вільно дихати*), создавая вневременной контекст, направленный на будущее. Композиционное построение любого литературного произведения начинается с заглавия, «заглавие манифестирует авторскую активность» [Тюпа, 2001, с. 105]. Заглавие «Терплячий народ», вследствие композиционных повторов (*Перетерпіти нових / Окупантів чорні зраї, / Перетерпіти й тих, / Хто сьогодні зазіхає*), становится ключевым словосочетанием, которое проявляется на протяжении всего стихотворения. Ряд доводов лирического героя, которые подтверждают заглавие, заканчиваются уверенным восклицанием (*Жити! – упродовж віків / Був закон мого народу*), которое повторяется (*Жити! Жити!*), усиливая значение предыдущей фразы. Последние строки произведения подводят своеобразный итог сказанному, снимающая напряжение предыдущих строк жизнеутверждающим пафосом (*Вільно дихати майбутнім*), весь текст служит как бы подготовкой к последнему слову. Графического членения поэзии на строфы нет, поэтому она воспринимается как единое, целостное переживание.

Фокализация в поэзии как «система кадронесущих микрофрагментов текста» [Тюпа, 2001, с. 64] объективируется в ряде последовательно воспроизведенных трагических событий, пережитых украинским народом. После чего в фокус зрения лирического героя попадает сама украинская земля (*простори золоті*) и исчезает грань между народом и лирическим героем: в тексте используются местоимения «мы», «мой», герой не мыслит себя вне народа. Глоссализация в тексте не представлена, наоборот, проявляется слитность восприятия мира лирического героя и народа.

На уровне мифотектоники произведения превозносится терпимость как высшая человеческая добродетель. Это качество, по-разному трактуемое в философских и психологических трудах, является неотъемлемой составляющей украинского национального характера. Этнопсихологи единодушно подтверждают «эмоционально-чувственный характер украинцев, кордоцентричность» [Ткаченко, 2006, с. 32]. Кордоцентричность приостанавливает рационально-волевые качества и развивает созерцательно-

рефлексивную направленность украинской ментальности. В стихотворении «Терплячий народ» О. Лупий воссоздал не только самобытность национального характера (*Ми терплячі, ми такі, / До нестерпності терплячі*), но и определил его достоинства – настойчивость и упорство.

Ритмотектоническое строение стихотворения «Терплячий народ» представлено четырехстопным хореем, именно это формирует энергичный, бодрый, четко выраженный ритм стихотворения (*Був закон мого народу*), а наличие пиррихий – легкость и благозвучие (*На простори золоті, / На багатий край козачий*). Темпоритмовая организация подкреплена также тем, что почти все глаголы употреблены в инфинитивной форме, придавая поэзии больше твердости, резкости, также подкрепляя ее стилистически маркированной лексикой (*окупанти, кати, трутні*). В произведении ощущается нарастание темпового напряжения, ритмической кульминацией текста становится объединение лирического героя со своим народом (используется местоимение «мы»). Последние строки выражают жизнеутверждающий пафос произведения.

Выразительным примером философской лирики О. Лупия можно назвать стихотворение «Життя – то плин у невідомість» [Лупий, 2010, с. 334]. Анализируя лирические произведения такого типа, выделить пространственно-временной промежуток не представляется возможным. Однако можно сказать о его вневременном измерении, а в отличие от предыдущего стихотворения и внепространственном – лирического героя интересует не жизнь того или иного общества, а истина в «конечной инстанции». В композиции литературного произведения выделяется повтор как основной композиционный прием, цель которого – дать как можно более широкую интерпретацию слову «жизнь» (*Життя – то плин у невідомість, / То вічний плин, невпинний плин, / То безкінечна віща повість...*). Затем фокализация в поэзии обращена на особенности жизненной деятельности, главных аспектов, которые только названы в поэзии и не детализированы (*Усе побачити, пізнати*). Эмоциональная неоднозначность внутреннего мира поэзии проступает лишь в концовке стихотворения, когда лирический герой говорит о любимом крае.

Фокализация сосредоточена на демонстрации быстротечности жизни, ограниченной временными рамками (*час волостелин*), а также на обнаружении жизненных приоритетов, среди которых важное

место занимает родной край. Глоссализации в философской лирике нет, поэзия представлена в монологической форме.

Мифотектонические особенности стихотворения «Життя – то плин у невідомість» основаны на констатировании устойчивых закономерностей бытия. В произведении представлена философская система взглядов на мир и сущность человеческой жизни в целом. Основою образующим элементом стихотворения становится необходимость осознания своих жизненных целей, которые помогают «просто жить» в гармонии с миром и самим собой. Ритмотектонические особенности поэзии – четырехстопный ямб с пиррихией создают плавный, размеренный ритм, в котором заметна неторопливая, умиротворенная интонация.

Итак, при помощи шестиэлементного архитектурного анализа проведено комплексное исследование стихотворений О. Лупия из сборника «Гармония». В ходе анализа были рассмотрены композиционные и пространственно-временные модели построения пейзажной, гражданской и философской лирики поэта, определены особенности мифо- и ритмотектонического их строения. Такой тип анализа подходит для комплексного рассмотрения эстетической целостности произведения, органического исследования формы и содержания.

Литература

- Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
 Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
 Бройтман С. Историческая поэтика. М., 2004.
 Введение в литературоведение / Под. ред. Г. Поспелова. М., 1988.
 Лупій О. Поезії. Вибрані твори. К., 2010.
 Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Тamarченко. М., 2008.
 Семененко М. Уболівання поета // Літературна Україна. 2003. 9 жовт.
 Ткаченко О. Мова і національна ментальність. Спроба національного синтезу. К., 2006.
 Тюпа В. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001.
 Успенский Б. Поэтика композиции. СПб., 2000.
 Флоренский П. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М., 1993.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ЖУРНАЛИСТА: ОТ МЕХАНИЗМОВ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ К ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

О.А. Носкова

Ключевые слова: лингвокогнитивный стиль журналиста, когнитивные способы обработки и передачи информации, инвариантные семантические модели, языковая картина мира публициста.

Keywords: lingocognitive style of a journalist, cognitive means of data processing and transfer, invariable semantic models, linguistic world-image of a publicist.

В данной статье предлагается решение проблемы взаимосвязи речевого стиля и мышления публициста через поиск и установление корреляций между когнитивными способами обработки и передачи информации с индивидуальными характеристиками речевой деятельности. Исследовательская логика решения названной проблемы имеет следующее направление:

- 1) выявление когнитивных операций, максимально задействованных журналистами при создании публицистических текстов;
- 2) поиск инвариантных механизмов осуществления этих операций на речевом уровне (инвариантных семантических моделей);
- 3) проверка гипотезы о наличии корреляций инвариантных механизмов с особенностями языковой картины мира публицистов в ее ценностном проявлении.

Таким образом, когнитивный стиль (конкретизированный в статье как набор когнитивных операций оценивания, прогнозирования, выведения закономерностей, построения инструментального алгоритма) выступает как *объяснимое* по отношению к *объясняемому* – индивидуальному речевому стилю публициста (о котором исходя из проблематики исследования мы говорим *как о лингвокогнитивном стиле*).

В философском смысле любой носитель языка является «репрезентантом сущего, в смысле опредмеченного» (М. Хайдеггер). У публициста репрезентация происходящего – профессиональная задача. Он выполняет ее по определенным культурным и профессиональным канонам, характерным для публицистического дискурса в целом. Находясь, по сути, в приблизительно одинаковых профессиональных условиях, публицисты создают разные по стилю тексты. Одна из сущест-

венных причин такого рода различий, как нам представляется, – различие в картинах мира, которое, в свою очередь, обусловлено различиями в когнитивных стилях мышления.

Взаимосвязь картины мира с особенностями индивидуально-психологического персонологического пространства подчеркивается, например, С.М. Виноградовой, которая называет модель мира центральной частью психической жизни человека и говорит о том, что картину мира нередко отождествляют «с ментальностью, общим умонастроением, «матрицей» духовной жизни людей». Она же пишет о том, что «модель мира объединяет внешнее и внутреннее в нашем сознании» [Виноградова, URL]. Н.Н. Казыдуб полагает, что «аксиологическая система порождается деятельностными механизмами: а) когнитивным, б) семантическим, в) прагматическим» [Казыдуб, 2009, с. 132–137].

Исследователь публицистического стиля Г.Я. Солганик, говоря о проявлении двух важнейших граней автора-публициста в тексте – человека частного и человека социального, подчеркивает неизбежное единство этих двух граней. Такая позиция согласуется с представлением о лингвокогнитивном стиле журналиста, отраженном в данной статье. С нашей точки зрения, это единство двух проявлений не только «сосуществующее» (в том смысле, что текст высвечивает как частные стороны личности журналиста, так и его общественно-политическую позицию), но и более глубинное, детерминирующее. Последнее подразумевает такой расклад: частное, под коим мы понимаем, главным образом, индивидуально-психологические особенности мышления, существенным образом влияет на общественно-политическую картину мира журналиста и на то, как эта картина мира отображается в тексте (ЯКМ).

Приведенные исследовательские положения о взаимосвязях мышления, картины мира и творческого стиля позволяют нам выдвинуть следующее умозаключение. Картина мира (КМ) и ее языковое отражение (ЯКМ) – существенная часть творческого стиля журналиста в его (стиля) содержательной, оценочной, мировоззренческой, тематической сторонах. Какие взгляды и убеждения (а убеждения исследователи ставят на вершину пирамиды, если в виде пирамиды представить картину мира – см.: Виноградова С.М. Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста, 2000) журналист преподносит аудитории с большей или меньшей долей периодичности – это выбор самого журналиста. Этот выбор обусловлен не только жизненным опытом, обучением, но и психотипическими свойствами

ми, когнитивным стилем мышления, что и позволяет считать гармоничным рассмотрение картины мира журналиста как части его лингвокогнитивного стиля. Отразим сказанное в виде следующей схемы:

Если X, то Z; если Z, то N; если N, то Y.

$X \rightarrow Z \rightarrow N \rightarrow Y$, где

X – когнитивные операции (оценивание, прогнозирование, выявление причинно-следственных связей и т.д.);

Z – публицистическая (общественно-политическая) картина мира журналиста (как часть его ценностной картины мира);

N – ЯКМ, или Z, отраженная в речевой деятельности журналиста;

Y – лингвокогнитивный стиль журналиста, представленный и описанный как путь от X к Z.

Для исследования лингвокогнитивного стиля журналиста как представленной выше цепочки закономерностей использовались следующие методы и методики:

1. *Метод лингвистической семиотрии*, представляющей собой «прием семантического анализа аксиологически ориентированной лингвистики, направленный на измерение ценностных параметров данного избранного цельного смыслового пространства в его конкретной автолокации, локализации во времени и пространстве и определенном целепологании» [Лингвистика и аксиология, 2011].

2. *Метод лингвоперсонологической интерпретации*. Лингвоперсонологическая интерпретация — метод описания речевой деятельности субъекта в персонологическом аспекте, то есть с позиции выявления корреляций между индивидуальными текстовыми характеристиками и персонологическими особенностями создателя текста (Голев Н.Д, Мельник Н.В. и др.).

3. *Фреймовое моделирование аналитических жанров журналистики*. Построение семантического каркаса аналитического интервью, представление этого жанра в виде базовых вопросов, порождающих сценарий взаимодействия интервьюера и интервьюируемого. Осмысление теории фреймов во многом осуществлялось благодаря работам исследователя В. Вахштайна.

4. *Проецирование сценарных структурно-семантических элементов публицистического текста на коррелирующие с ними когнитивные операции* (оценивания, прогнозирования, вывода закономерностей и др.) Методика разработана самостоятельно с учетом специфических задач исследования лингвокогнитивного стиля журналиста.

Если рассмотреть в качестве фрейма, или когнитивной структуры ситуации, *аналитическое интервью*, то можно выделить следующие структурно-семантические блоки данного жанра:

1. Оценка текущего момента общественно-политической ситуации в стране.
2. Причины сложившейся социально-политической ситуации.
3. Реальные и гипотетические последствия происходящих событий.
4. Прогнозирование дальнейшего развития событий.
5. Варианты выхода из сложившейся ситуации.

За каждым из этих семантических блоков стоит определенная когнитивная операция: за первым блоком – формирование социальной оценочности, за вторым и третьим – выявление причинно-следственных связей, поиск закономерностей, за четвертым – операция прогнозирования, и наконец, за пятым – инструментальный алгоритм (или механизм поиска «путей спасения»; оптимального, с точки зрения конкретного субъекта, изменения социально-политической ситуации в лучшую сторону). Данные когнитивные операции, согласно нашей концепции, являются теми запускающими механизмами, которые служат базой формирования языковой картины мира журналиста и являются глубинными детерминирующими признаками проявления его лингвокогнитивного стиля.

Приведем фрагмент исследования лингвокогнитивного стиля журналиста в направлении от индивидуальных инвариантов когнитивной операции *выведения закономерностей* к инвариантным речевым моделям и языковой картине мира (материалом для исследования послужили публицистические выступления Виктора Шендеровича и Александра Проханова в радиопрограмме «Особое мнение» // радиостанция «Эхо Москвы»).

Один из базовых структурно-семантических блоков общественно-политической журналистики, – это блок, порожденный естественным для публицистики вопросом: «какие причины привели к тем или иным социальным последствиям?». Данное смысловое поле текста служит выходом на когнитивный механизм построения причинно-следственных связей, или закономерностей, являющийся одним из принципов формирования лингвокогнитивного стиля журналиста. Тенденции в выявлении взаимосвязей между процессами/явлениями, происходящими в социально-политической действительности, коррелируют с индивидуальной логикой мышления, при которой журналист проявляет склонность видеть взаимосвязи между одними событиями, но не

замечать – между другими. Далее, в анализе контекстуальных примеров, не раз будут продемонстрированы случаи, когда одна и та же социальная ситуация объясняется публицистами абсолютно разными причинами и из нее выводятся кардинально разные следствия, что свидетельствует о наличии индивидуальной логики выведения закономерностей.

Типы высказываний	«Если <u>мы допустили</u> X, то имеем Y», «Если <u>они допустили</u> X, то имеем Y», где X – действие (или бездействие), Y – существующее в настоящий момент положение дел.
Примеры:	«Если справедливость не торжествует в суде, не находит своего пути вот эта энергия, она находит выход через какие-то другие отверстия жизни»; «если мы кочумали, ковыряли в носу 12 лет, <...> значит, мы не сможем нормально ездить по Европе как предполагалось» и т.д.

Таблица 1. Модель выстраивания причинно-следственных связей в публицистических выступлениях Виктора Шендеровича

Анализ контекстов. Для лингвокогнитивного стиля Виктора Шендеровича характерно четкое вербальное обозначение причинно-следственных связей между социальными событиями и процессами. В эфире радиопрограммы «Особое мнение» публицист нередко выстраивает закономерности между общественными фактами даже в тех коммуникативных ситуациях, когда вопрос радиоведущего/ведущей не направлен напрямую на выяснение причинно-следственных отношений.

Индивидуальный инвариант построения закономерностей на речевом уровне воплощается в двух семантических моделях: «Если мы допустили X, то имеем Y», «Если они допустили X, то имеем Y». В данном случае Y есть общественно-политическая ситуация (существующее положение дел в государстве), причинами которой выступают два условия: 1) «мы допустили X» (смысловое поле здесь – недостаточная гражданская активность, нежелание граждан влиять на власть, отсутствие контроля «снизу» за властными структурами); 2) «они допустили X» (семантический компонент высказывания: они – власть, X – неправовое поведение (неправовые действия властей)). Приведем несколько примеров.

Слабая гражданская позиция, отсутствие гражданской ответственности и контроля над действующей властью как причина общественно-

политической ситуации в государстве (в том числе и положение последнего на международной арене): *«Ну, если мы кочумали, ковырjali в носу 12 лет, позволяя им делать, что они хотят, ну вот сейчас, значит, мы не сможем нормально ездить по Европе, как предполагалось»* (В. Шендерович о визовом режиме для россиян, «Особое мнение», 15.12.2011 // «Эхо Москвы»).

Неправовые действия властей как причина общественно-политической атмосферы в стране: *«Если справедливость не торжествует в суде, не находит своего пути вот эта энергия, не находит выхода в суде, она находит выход через какие-то другие отверстия жизни, да?»* (В. Шендерович. «Особое мнение», 15.12.2011 // «Эхо Москвы»).

В семантическое поле, связанное с неправовой оценкой действия властей, входит и авторитарный режим как причина негативных для государства последствий: *«За 60 лет там [в Северной Корее] уже создана такая система, которую реформировать уже невозможно <...>. У нас есть Ливия, в которой 42 года бессменной власти. И есть уникальный случай Северная Корея, где уже 60 лет, дальше Куба еще в промежутке идет, да? Это - вот что бывает, когда столько лет не меняется власть. Это нам пример. Ничего хорошего не ждать, разумеется»* (В. Шендерович. «Особое мнение», 04.04.2013 // «Эхо Москвы»).

Выявленный инвариантный механизм выстраивания причинно-следственных отношений напрямую коррелирует с либеральной картиной мира, которая в публицистике В. Шендеровича представлена как ценностно значимая.

Типы высказываний	«X произошло/происходит, потому что есть Y», где X – демобилизация в государстве, Y – либеральная элита, абстрактный враг, внешняя (международная угроза), ослабление авторитарной власти.
Примеры:	«Потому что весь наш народ находится в состоянии демобилизованном. Либеральная победа в 1991 году продолжалась через колоссальную деструкцию, которая разрушила или продолжает разрушать национальное сознание, демобилизует народ, расчленяет его, ссорит его»; «Войну начали либералы. Эту войну они начали не сегодня» и др.

Таблица 2. Модель выстраивания причинно-следственных связей в публицистических выступлениях Александра Проханова

Анализ контекстов. Цепочка причинно-следственных связей в публицистических выступлениях Александра Проханова имеет следующее инвариантное звено – повторяющийся блок причин, которые, с точки зрения публициста, приводят к негативной атмосфере в социальной жизни государства. В этом регулярном наборе причин можно условно выделить четыре семантические группы – 1) либеральная элита, 2) абстрактный враг, 3) внешняя (международная) угроза, 4) ослабление авторитарной власти. Оценка либерализации российской жизни как причины создавшейся нестабильности отчетливо проявляется в многочисленных контекстах. Например:

А.ПРОХАНОВ: Русский народ <...> находится в демобилизации.

О. ЖУРАВЛЕВА: Кто его так демобилизовал?

*А. ПРОХАНОВ: Ну, кто? **Либералы, господа, НКО бесконечные** («Особое мнение», 17.04.2013 // «Эхо Москвы»).*

Другое звено причин социальной нестабильности в цепочке причинно-следственных взаимосвязей по логике публициста – наличие абстрактного врага, в борьбе с которым недостаточно мобилизации: *«И мы сосем пиво, мы ходим в супермаркеты, не понимая, что враг у ворот, а, может быть, он уже внутри, может быть, он уже отчасти в Кремле»* (А. Проханов. «Особое мнение», 17.04.2013 // «Эхо Москвы»).

Действия власти крайне редко признаются причиной негативных социальных процессов, проявляется тенденция оправдать представителей власти. Например:

О. ЖУРАВЛЕВА: То есть вы допускаете, что они [представители власти] ошиблись?

А.ПРОХАНОВ: Я допускаю, что они находятся в плену своих невозможностей («Особое мнение», 17.04.2013 // «Эхо Москвы»).

Такого рода инвариантные модели выведения причинно-следственных связей между социальными явлениями имеют прочную привязку к ценностной языковой картине мира публициста Александра Проханова. Основа этой картины мира – идеал жесткого авторитарного управления государством («я – империалист») и вытекающего из этого идеала следствий (укрепление оборонного сознания, надежда на «сильную руку» лидера и др.).

ВЫВОДЫ:

За многообразием и вариативностью проявления индивидуально-стиля публициста обнаруживается инвариантность процессов обработки и передачи информации – когнитивных механизмов оценивания, прогнозирования, выведения закономерностей, построения инструмен-

тального алгоритма. Инвариантность когнитивных операций (оценивание, прогнозирование, выведение закономерностей, инструментальный алгоритм) коррелирует с индивидуальным речевым стилем публициста, проявляясь в инвариантных семантических моделях высказываний и отраженной в них языковой картине мира в ее ценностной составляющей.

Литература

- Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб, 2011.
- Виноградова С.М. Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textfighter.org/text5/60.php>
- Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи. // Вестник ИГЛУ. 2009. Вып. 2.
- Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. М., 2011.
- Солганик Г.Я. Автор как стилообразующая категория публицистического текста // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3.
- Стенограмма прямых трансляций эфира программы «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru>
- Хайдеггер М. Статьи и работы разных лет. М., 1993.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ

Чжан Сюеин

Ключевые слова: соматические фразеологизмы, семантические особенности, компонент, фразеология, часть тела.

Keywords: body language idioms, semantic features, compositions, idioms, parts of the body.

1. Определение соматических фразеологизмов

В последние годы усилился интерес к фразеологии, содержащей в своем составе соматизмы – имена существительные с исходным значением частей тела человека. Под *фразеологической единицей с компонентом-соматизмом* или *соматической фразеологической единицей* (далее СФЕ) обычно понимается фразеологизм, ведущим или зависимым компонентом которого является слово, обозначающее не только внешние физические формы организма человека (голова, рука, нос и

т.п.), но и элементы сердечно-сосудистой, нервной и других его систем (кровь, селезенка, мозг, печень и т.п.). Выбор именно этих фразеологизмов обусловлен тем, что СФЕ являются коммуникативно наиболее значимой и высокопродуктивной частью фразеологического состава [Шанский, 1999, с. 205].

Фразеологизмы с компонентами-соматизмами возникают спонтанно, независимо друг от друга в разные периоды и в разных языках, так как имеют общую основу в наблюдении человеком самого себя, частей своего тела, в общих физических и психических признаках человека, в общих условиях развития, в наблюдении жизни и поведения животных, в изучении действий и эмоций человека [Арсентьева, 1999, с. 113].

Фразеология со словами, называющими органы чувств, посредством которых человек воспринимает действительность, познает ее и самого себя в ней, особенно богата. Фразеологизмы с компонентами *голова, глаз, нос, рука, сердце, ухо, язык* составляют около 70% всех соматических фразеологических единиц.

Наименования частей можно разделить на *названия наружных частей и обозначение внутренних органов*. Наружные части (*глаза, голова, рука, нога*) более очевидны и доступны для наблюдения, тогда как внутренние органы (*сердце, кровь*) остаются скрытыми для обозрения и составляют около 10% в составе ФЕ [Шанский, 1999, с. 212].

2. Семантические особенности соматических фразеологизмов

Голова. Наиболее активно проявляет себя во фразеологии «голова» в прямом значении – как часть тела: *давать голову на отсечение, хвататься за голову, голова и два уха, повесить голову, как снег на голову, склонить голову, кровь бросилась в голову, с головы до пят, голова закружилась* и др.¹[Дубровин, 1999, с. 125].

Довольно широко представлен во фразеологизмах смысл «человек как носитель каких-либо свойств, взглядов, способностей». Например: *голова садовая, ветряная голова, горячая голова, еловая голова, мякинная голова, буйная голова, бедовая голова, светлая голова* и др. [с. 126].

В некоторых фразеологизмах отображен смысл «человек, персона»: *валить с больной головы на здоровую, через голову* [с. 126].

¹ Здесь и далее примеры фразеологизмов взяты из книги: Дубровин М.И. Словарь фразеологизмов и идиом. М., 1999. В квадратных скобках указывается номер страницы.

Есть фразеологизмы, где «голова» имеет значение «ум, разум, рассудок». Например: *ломать голову, приходить в голову, вертится в голове, каша в голове, дойти своей головой* и др. [с. 126].

Значение «руководитель, начальник» видно во фразеологизме *сам себе голова*, то есть «сам себе хозяин». Во фразеологизме *забивать голову* под «головой» имеется в виду память, сознание, что свидетельствует о приобретении нового оттенка значения соматизма. Возникновение нового значения можно наблюдать во фразеологизме *отвечать головой*, где видна четкая параллель между головой и жизнью [с. 127].

Если в современном представлении голова – это центр переработки информации, то у древнего человека все, что связано с головой, соотносилось с небом и его главными объектами – солнцем, луной, звездами. Мифологема головы – «солнце» – легла в основу таких фразеологических единиц, как *голова идет кругом, голова горит, голова закружилась*, хотя они обозначают состояние человека в трудной ситуации [Вежбицкая, 2001, с. 56].

Еще одна мифологема: голова – «Бог, главное, важное», она нашла отражение во фразеологизмах *всему голова* (о важном), *золотая голова* (об умном человеке), *поднять голову* (о человеке, нашедшем в себе силы измениться в лучшую сторону) [с. 127].

Основная масса русских фразеологизмов с компонентом «голова» сформировалась позднее и почти утратила связь с указанными мифологемами. Теперь эти фразеологизмы обозначают прежде всего интеллектуальные способности человека, его качества, физические состояния и т.д. [Телия, 2001, с. 203] Например, *голова на плечах, голова на месте, голова варит* – об умном человеке; *без царя в голове, зеленая голова, кулья голова, голова дубовая, голова садовая* – о глупом, недалеком человеке [с. 127].

Отрицательная коннотация связана лишь с образом стихийно-неразумного человека: *непоклонная голова* (о непокорном человеке), *буйная голова* (о неразумно-пьяном человеке), *голова пухнет* (состояние человека), *отпетая голова* (об отчаянном человеке), *горячая голова* (о пылком человеке), *забубенная головушка* (о пьяном человеке) и т.д. [с. 127].

Будучи важнейшей частью человека, «голова» образует фразеологизмы с самыми разными характеристиками человека и события: *как снег на голову* (неожиданно), *хоть кол на голове теши* (об упрямом человеке) [с. 127].

Глаза – важная часть головы и лица человека. Древнейшая мифологема, давшая жизнь нескольким метафорам, сохранившимся до

наших дней, «глаз = божество». Ю.Д. Апресян писал: «В ряду квазисинонимов ГЛАЗА, ОЧИ, ЗЕНКИ <...> лишь стилистически нейтральное слово ГЛАЗА обозначает орган зрения любого живого существа» [Апресян, 1974, с. 87]. Очи – это глаза человека, причем красивые, большие выразительные. Именно очи описывают не только физические, но и духовные способности человека к постижению явлений, то есть внутреннее зрение, орган интуиции: *увидеть мысленными очами, видеть внутренним оком, очи души, очи сердца, духовные очи* [Ожегов, 1970, с. 516].

Язык точно отмечает необычную способность глаз – их зрочки находятся в движении, отсюда сочетаемость большого круга глаголов движения со словом **глаза**: *окинуть глазами, отвести глаза, скользить глазами, смерить глазами, обшарить глазами, провожать глазами, приковать глаза* и т.д. Глаза – это орган-инструмент, орган «смотрения». Поэтому мы *таращим глаза* от удивления и неожиданности, *глаза широко раскрываются*, когда мы бессознательно стремимся получить через них максимум информации, мы прищуриваем глаза во время пристального наблюдения или при высокой концентрации мысли, *отводим глаза* под чьим-то осуждающим взглядом, защищая тем самым свой мозг от отрицательного воздействия собеседника и т.д. [с. 103].

В словаре Н.И. Толстого глаза толкуются как «орган зрения, при помощи которого, по народным представлениям, человек может повлиять на судьбу другого человека» [Толстой, 1995, с. 376]. Эти представления подтверждаются современной наукой: глаз человека излучает некую энергию; он, подобно лучу лазера, способен нести информацию, быть переносчиком вирусных заболеваний. Вероятно, этим и объясняются сглаз и порча.

Солнце и луна в мифологиях многих народов считались глазами могущественного божества. С этой мифологемой связаны фразеологизмы *хозяйский глаз* (надежный присмотр за чем-либо), *без глаза* (без присмотра). Еще одна мифологема – «глаз = человек», породившая множество фразеологизмов: *глаз наметан* (об опытном человеке), *глаз отдыхает* (о приятном зрительном впечатлении), *глаз радуется* (о радостном событии, которое можно видеть), *глаза обманывают* (о сомневаемомся в достоверности увиденного), *глаза загорелись* (о сильном желании у человека); метафоры типа *глаза говорят, глаза забежали, глазам стыдно*; поговорки *глаза завидуици, руки загребуици* (о ненасытности человеческой натуры) и т.д. [с. 104].

Поскольку 80% информации о мире приходит через глаз, он считается важнейшим из органов, поэтому глазам приписывалась магическая сила. На Руси «дурным» считался косой глаз. Вера в дурной глаз родилась тогда, когда мир, по представлениям древних, был населен духами. Но до сих пор при плохом самочувствии русские говорят: «это сглаз», «кто-то сглазил», «недобрый глаз поглядел» [Мельник, 2003, с. 177].

Издавна от сглаза заводи́ли обереги-амулеты, которые изготавливали из драгоценных металлов и камней и делали их в форме глаза, отсюда фразеологизмы типа *глаз-алмаз* (об умении видеть важное, основное), *беречь как глаз* (очень беречь), *возьми глаза в руки* (будь внимателен), *вооруженный глазом* (современная форма этого фразеологизма – *невооруженным глазом*) и др. [с. 104].

Волосы. К волосам у разных народов было особое отношение. В старину волосам на Руси придавали огромное значение: женщинам, особенно беременным, запрещалось стричь волосы, ибо они имели охранную функцию. Это подтверждается народной традицией, сохранившейся до сих пор, – не стричь ребенка до года. В народной поэзии отрезанная коса позорит девушку, которая поэтому может не выйти замуж. Лишь в последние годы в научно-популярной литературе стали появляться объяснения этому: волосы – своего рода антенны, благодаря которым человек воспринимает энергию Космоса и обменивается информацией с окружающим миром. Нарушая связь с Космосом, девушка лишает возможности подпитывать будущего ребенка космической энергией.

Язык сохранил в себе довольно много фразеологизмов, в основе семантики которых лежали следующие архетипические представления о волосах: 1) они вместилище силы, опыта – *до седых волос, до корней волос*; 2) выразители эмоций – *волосы стали дыбом* (о сильном испуге), *рвать на себе волосы* (состояние горького сожаления) [Шанский, 1999, с. 179].

Раньше на Руси остриженные волосы сжигались. Бросание волос в огонь – это своего рода жертва домовому. Существовал и еще один обычай: остриженные или оставшиеся на расческе волосы нельзя было выбрасывать. Считалось, что если они будут использованы птицами для своих гнезд или окажутся вблизи с работающими механизмами, то это отразится на самочувствии человека. До сих пор туземцы Тихого океана, чтобы навредить врагу, прикрепляют раздобытые пряди его волос к водяным растениям, которые под ударами прибоя разрушают

здоровье недруга. Чтобы волосы не попали в руки врагов, местные жители часто и коротко стригут их [Вежбицкая, 2001, с. 98].

Фразеологизм *волос с головы не упадет*, калька с церковнославянского языка, означает, что человеку не принесут никакого вреда. Здесь живет архетип «волос = здоровье человека», существует еще и такой архетип «волос – человек», отсюда белорусский фразеологизм *волас у волас* (о похожих людях) [с. 78].

Примеры фразеологизмов со словом «волос»: *висеть* (держаться) *на волоске* (находится в крайне опасном положении, под угрозой смерти, краха, срыва, провала); *волоса не стоить* (быть значительно хуже кого-либо, например: *он волоса моего не стоит*); *ни на волос* (совсем; даже на самое малое расстояние, например: *он не мог сдвинуться ни на волос*); *на волосок от чего-либо* (совсем близко, например: *он был на волосок от смерти*) [с. 79].

Нос. Данное слово стало компонентом довольно большого количества метафор, фразеологизмов, в значении которых хорошо просматривается архетип «нос = человек» *сунуть нос* (о любопытном человеке), *вешать нос* (о печальном), *совать нос* (о проявляющем любопытстве человека), *не видеть дальше своего носа* (о недальновидном человеке), *утереть нос* (показать превосходство), *нос недорос* (о человеке маленького роста или возраста), *не в нос, не по носу* (быть недовольным). С помощью фразеологизмов с компонентом «нос» можно выразить целый ряд других негативных значений: *водить за нос* (обманывать), *оставить с носом* (обмануть), *уткнуться носом* (не видеть ничего вокруг себя), *держаться нос по ветру* (хорошо ориентироваться в жизни), *нос к носу* (об очень близко стоящих людях) и др. [с. 344-345].

Нос – символ уязвимого места в человеке, отсюда фразеологизмы *утереть нос, водить за нос, прищемить нос, хоть кровь из носу*. Еще один символ носа как прибора реагирования выделяется из следующих фразеологизмов: *не по носу* (не нравиться), *крутить носом* (выражать несогласие), *воротить нос* (выражать презрение) [с. 345].

Уста, губы. Важно отметить, что квазисинонимы губы и уста имеют разные значения и сферы употребления: уста – специфически человеческий орган, в то время как губы могут быть органом животного и т.д. Слово «губы» широко распространилось лишь в XVI-XVII веках, поэтому во фразеологизмах и других реликтовых формах наиболее продуктивно слово *уста*: *из уст в уста, из первых уст, у всех на устах, не сходить с уст, уста младенца, вашими бы устами да мед пить*. Уста часто выступают синонимом «человека говорящего»: *все лгут прекрасные уста* [с. 498].

Примеры со словом «губы»: *раскатать губу* (на что-либо) (надеются получить), (у кого) *губа не дура* (хочет много) [с. 135].

Уши. Ухо, являясь органом слуха, метонимически связано со слухом как таковым, что находит отражение в следующих фразеологизмах: *навострить уши* (насторожиться; прислушаться), *медведь на ухо наступил* (кому) (не иметь слуха, о человеке, лишенном музыкальных способностей), *развесить уши* (поверить чьим-либо словам, используется в ситуации, когда кто-нибудь проявляет неоправданную доверчивость, становится жертвой обмана), *по уши* (в чем) означает полностью, сверху донизу, *по самые уши* (очень сильно), *тянуть за уши* (кого) означает помогать, *притягивать за уши* означает искусственно привязывать что-либо к чему-либо [с. 511-512].

Язык. Особо следует сказать о языке, название которого является компонентом целого ряда фразеологизмов с различными типовыми значениями: «быть орудием говорения» - *язык не поворачивается* (не хватает решимости сказать), *как язык повернулся* (как смог сказать); «процесс говорения» *чесать языком*, *язык чешется*; *прикусить язык* (оборвать речь), *распустить язык* (говорить непристойности), *язык проглотить* (замолчать), язык как характеристика человека – *язык без костей* (у кого) так говорят о болтливом человеке, *язык подвешен* (у кого) (о любителе поговорить) [с. 570].

Зубы – это граница внутреннего пространства в представлении восточных славян, именно зубы способны удержать душу (поговорка: *Душа бы выскочила, если бы не зубы*). В языке закрепились следующие древние представления: зуб – это человек (загадка: *Кумовья сидят рядом, близко-близко*, отгадка – «зубы»), зубы связаны с расстоянием (у черта в зубах = далеко), с испытаниями – *Прошел огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы*. Кроме того, примеры могут служить: *иметь зуб* (на кого) означает быть недовольным кем-либо, обижаться на кого-либо; *показать зубы* (кому) – продемонстрировать готовность дать отпор, защитить себя; *скалить зубы* – смеяться; при этом о смеющемся говорят с неодобрением; *(что кому) по зубам* означает «по силам», *положить зубы на полку* это значит «голодать» [с. 213].

Собранные нами примеры показывают, что тело человека, действительно, широко представлено путем включения его наименований в компонентный состав фразеологизмов русского языка. Соматизмы, содержащиеся во фразеологизмах, выполняют разнообразные семантические функции. В «телесных» компонентах фразеологических единиц воплощены определенные культурные смыслы.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка М., 1974.
Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань, 1999.
Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов М., 2001.
Дубровин М.И. Словарь фразеологизмов и идиом. М.,1999.
Мельник А.А. Язык жестов М., 2003.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.,1970.
Телия В.Н. Что такое фразеология. М., 2001.
Толстой Н.И. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.
Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1999.

КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТОВ Р. КАСТЕЛЛАНИ, Ф. ДЗЕФФИРЕЛЛИ, Э. РАКОВА, Б. ЛУРМАНА ПЬЕСЫ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА» У. ШЕКСПИРА)

Н.А. Разливинская

Ключевые слова: кинотекст, сценарий, фрейм, когнитивная модель, интерсемиотический перевод.

Keywords: screen text, script, frame, cognitive model, intersemiotic translation.

Предметом нашего исследования является интерсемиотический перевод художественного произведения (пьес У. Шекспира) в кинотекст. Впервые интерсемиотический перевод был выделен в отдельный вид перевода известным лингвистом Р. Якобсоном. «Перевод интерсемиотический – передача данного содержания не средствами того же или другого естественного («словесного») языка, а средствами какой-либо несловесной семиотической системы, такой как хореография, музыка и т.п., с одной стороны, и информационно-логические языки – с другой» [Ахманова, 2004, с. 317]. Мы понимаем интерсемиотический перевод как сложную системную деятельность, способную интерпретировать знаки одной семиотической системы знаками другой.

В вербальных и невербальных частях кинотекста используются разные коды представления мыслительного содержания. Однако, отмечается, что «информация, воспринимаемая по разным каналам, в том 126

числе вербальная и иконическая, интегрируется и перерабатывается человеком в едином условно предметном коде мышления, поскольку на уровне глубинной семантики языка не существует принципиальной разницы между семантикой иконических и вербальных знаков» [Сонин, 2006, с. 118]. Таким образом, из неоднородной семиотической информации у зрителя складывается единый и целостный текст.

В современном информационном обществе, где коммуникация происходит в мультимедийной и электронной сфере, все более широкое распространение получают поликодовые тексты, семиотическая интерпретация которых является актуальной задачей современной лингвистики. Вслед за М.Б. Ворошиловой, мы считаем, что термин «поликодовый, семиотически осложненный текст» представляется наиболее предпочтительным для обозначения «родового понятия негомогенного, синкретического сообщения (текста), образуемого комбинацией элементов разных знаковых систем при условии их взаимной синсематики, то есть, при одинаковой значимости всех знаковых систем, участвующих в оформлении данного сообщения (текста), при невозможности замены или пропуска одной из них» [Ворошилова, 2007, с. 186].

Для отображения динамического аспекта поликодового кинотекста наиболее предпочтительным представляется использовать фрейм-сценарий (R. Jakendoff, R. Schank, R. Abelson). Фреймы-сценарии вырабатываются в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам [Демьянков и др., 1996, с. 187]. Н.Н. Болдырев определяет фрейм-сценарий как «динамически представленный фрейм, разворачиваемую во времени определенную последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев, 2001, с. 37]. Вслед за этими исследователями фреймы-сценарии или «скрипты» определяются нами как когнитивные структуры, описывающие последовательность событий в частном контексте, в нашем материале в контексте драматического произведения У. Шекспира.

Итак, интерсемиотический перевод является важным инструментом интерпретации глубинной семантической структуры текста, так как видеоряд представляет собой интерсемиотически трансформированную информацию, находящуюся на терминалах фреймов-сценариев, составляющих основу кинотекста.

Анализируя кинотексты пьесы «Ромео и Джульетта», опираясь на языковые средства репрезентации, мы смогли выделить ключевые когнитивные фрейм-сценарии, которые представлены фреймами повест-

вования, позволяющими интерпретатору сконструировать основные динамические тематические фрейм-сценарии.

Первый фрейм-сценарий «Вражда» представлен языковыми единицами, принадлежащими лексико-семантическому полю enmity, которое включает в себя существительные с денотативным значением «враг» – enemies, foes, глаголы со значением «ссориться» – quarrel, fight, have a row, а также лексемы, имеющие интегральную сему enmity в своей семантической структуре на первой, второй или третьей ступени дефиниционного анализа – grudge, mutiny, rancour, outrage, strife. Образные коннотации закреплены за метафорами neighbour-stained steel, scourge is laid upon your hate, rebellious subjects, bloody fray. Общий негативный фатический эффект усилен включением в контекст слов отрицательной витальной семантики – blood, fatal, death, injury, dead, plague, lamentation, которые традиционно ассоциируются с болью и утратой.

Данный фрейм-сценарий подразделяется на следующие терминалы: «Участники вражды», «Чувства участников по поводу вражды», «Отношение к вражде» и «Последствия вражды». На языковом уровне ключевыми словами первого терминала являются существительные-акторы, например, *The quarrel is between our masters and us their men*. Во втором терминале «Чувства участников по поводу вражды» действующие лица объединены по эмоциогенному принципу, они испытывают разнообразные чувства по поводу конфликта двух семейств – гнев, ненависть, боль, отчаяние, сожаление, печаль *I hate the word, As I hate hell, all Montagues, and thee*. Важно отметить существование полярных чувств, репрезентируемых контрарными антонимами (love – hate) и большим количеством контекстуальных антонимов strike dead – withdraw, sorrow – joy, hold – draw, что является следствием эскалации конфликта, либо его урегулирования. Третий терминал сценария «Отношение к вражде» представлен двумя слотами, отражающими противоположные отношения – примирение враждующих сторон: *He shall be endured: What, Goodman boy! I say, he shall* и обострение вражды: *For blood of ours, shed blood of Montague*. Слот в нашем исследовании трактуется как составная часть фрейма, элемент ситуации, определенный аспект его конкретизации [Будаев, Чудинов, 2005, с. 76]. Четвертый терминал «Последствия вражды» данного сценария представлен языковыми единицами, репрезентирующими разнообразные логические следствия конфликта: *Your lives shall pay the forfeit of the peace; O, she says nothing, sir, but weeps and weeps*.

Второй фрейм-сценарий «Любовь» представлен языковыми единицами, принадлежащими к лексико-семантическому полю «Love». Данное поле включает в себя номинативные словосочетания с существительными с денотативным значением «любовь» *lovers, love, My only love, love's light wings, love attempt, bud of love, bent of love, my heart's*; глаголы со значением «любить, быть влюбленным» *love, dote*; а также лексемы, имеющие дифференциальную сему *love* в дефиниции – *tender, kiss, passion, vow, marriage, affection*. Этот фрейм-сценарий представлен двумя динамическими субфреймами – «Истинная любовь» и «Любовь, причиняющая страдания». Второй субфрейм репрезентирован языковыми единицами, относящимися к лексико-семантическому полю «Страдания» – *heart's oppression, sadness, waste*, а также следующими авторскими метафорами – *brawling love, mis-shapen chaos of well-seeming forms, feather of lead*. Субфрейм «Истинная любовь» репрезентирован языковыми средствами, принадлежащими к данному лексико-семантическому полю, включающими в себя прилагательные и существительные с денотативным значением «верность», «истинность» – *true beauty, fair saint, faithful vow, devotion, honourable, honest, a righteous kiss*, создавая возвышенный фатический эффект. Оппозиция фреймов базируется на противопоставлении двух концептов *doting* и *loving*: *For doting, not for loving, pupil mine*. Данный пример является инвариантным для всех кинотекстов.

Третий обязательный фрейм-сценарий «Рок» репрезентирован существительными с денотативным значением «рок» – *star-cross'd, consequence in the stars, fortune's fool, defy stars*, а содержащими образную коннотативную сему «плохое предчувствие» – *ill-divining, dreams, fear, woe*. Общий негативный прагматический эффект усиливается использованием в контексте прилагательных отрицательной семантики – *ill, fearful, dark, unlucky*. Проанализировав лингвистический материал, мы пришли к выводу, что данный фрейм-сценарий выражен следующими терминалами «Недобрые предчувствия» – *I fear, too early: for my mind misgives Some consequence yet hanging in the stars*; «Вещие сны, видения» – *I dreamt my lady came and found me dead*; и терминал «Роковые случайности» – *O, much I fear some ill unlucky thing*.

Каждый фрейм-сценарий поддерживается не только языковыми, но и визуальными средствами. Так, в кинотекстах, основанных на произведении У. Шекспира «Ромео и Джульетта», терминал «Враждующие стороны» подкрепляется визуальными образами – *Two households, both alike in dignity*, – вид двух одинаковых башен с именем семей (Б. Лурман); два герба, метонимически представляющих семейства

(Э. Раков). Далее происходит развертывание фрейма-сценария «Вражда» – *From ancient grudge break to new mutiny* – перестрелка, между бандами (Б. Лурман), являющаяся символическим знаком вражды. Затем происходит актуализация слота фрейма-сценария «Love» – *A pair of star-cross'd lovers take their life* – образ Ромео и Джульетты, встречающихся глазами (Б. Лурман). Заслуживающим внимания является то, что при репрезентации терминала «Враждующие стороны» в анализируемом материале наблюдается разное количество актеров, но неизменными остаются противостояние слуг (*The quarrel is between our masters and us their men*) и стычка Тибальта и Бенволио.

Динамический фрейм «Продолжение вражды» представлен вербально только со стороны семейства Капулетти *Give me my long sword, ho!*; противоположный фрейм «Прекращение вражды» представлен видеорядом – жены Монтекки и Капулетти пытаются остановить своих мужей, а призыв Бенволио к мирному разрешению конфликта трансформируется в попытку разнять дерущихся, репрезентируемую иконическим знаком. Во всех кинотекстах актуализируется массовость противостояния, которое затрагивает всех жителей города, разного социального положения и возрастов. Слот «Эмоциональные последствия вражды» представлен в большинстве экранизаций визуально с помощью иконических, индексальных и символических знаков (20% языковой репрезентации – 80% образных знаков). Перечислим лишь наиболее значимые образы-символы страданий и горя – убийство слуги и отчаяние его жены (кинотекст Р. Кастеллани); панически убегающие жители города, массовые драки, разгром (Ф. Дзеффирелли); убитый грудной ребенок на руках у матери (Э. Раков); дети, на которых направлено оружие, взрыв (Б. Лурман). Данные иконические ряды знаков представляют собой концептуальные признаки фрейма «Вражда», результатом чего являются человеческие страдания, горе, боль и смерть. Реакция на известия о смерти и изгнании во всех экранизациях представлена иконическими знаками горя – слезами, рыданиями, сжатыми кулаками, распущенными волосами у женщин, как древним образом траура и отчаяния.

Особое внимание уделяется встрече Ромео и Джульетты, а именно концепту «Love at first sight», актуализированному иконическими знаками (взгляды, притяжение, стремление друг к другу) и представленному вербально *Did my heart love till now? forswear it, sight!*. Также мы выделили сквозной иконический знак символ – сплетенье рук, репрезентирующий тесную связь двух людей. Этот символ является и интерсемиотической интерпретацией чувств молодых людей, и дубли-

рованием визуальными средствами языковой репрезентации объяснения в любви, слотом фрейма-сценария «Любовь». *Good pilgrim, you do wrong your hand too much, Which mannerly devotion shows in this.* Прагматический эффект усиливается использованием песен, описывающих любовь, которая связывается в нашем сознании с влюбленными на эмоционально-психологическом уровне (Р. Кастеллани, Ф. Дзеффирелли, Б. Лурман).

Враждебность Тибальта является важной движущей силой пьесы, данное стремление представляет собой репрезентацию терминала «Отношение к вражде» главного фрейм-сценария «Вражда». Особенно ярко данный терминал раскрыт в сцене бала, где Тибальт вербально и своим поведением поддерживает динамический фрейм «Продолжение вражды»: *Uncle, this is a Montague, our foe, A villain that is hither come in spite.* Данная стратегия актуализируется и в ряде визуальных образов – попытка обнажить оружие, наброситься на Ромео, негодование от необходимости сдерживаться, и даже его маскарадный костюм дьявола у Б. Лурмана.

Реакция Капулетти может быть отнесена к другому динамическому фрейму «Примирение сторон» – *I would not for the wealth of all the town Here in my house do him disparagement*, и репрезентируется рядом визуальных образов – сдерживание Тибальта, гнев от его непослушания, удар по щеке. В целом, динамический фрейм «Примирение сторон» представлен активнее в прагматическом аспекте благодаря параллельной синтаксической конструкции, лексическим повторам, использованию модального глагола *shall* в императивной конструкции. У Б. Лурмана фрейм «Примирение сторон» представлен вербально *To turn your households' rancour to pure love*, рядом графических символов – заголовки газет *Montague and Capulet reconcile*, и иконических символов – в кадре огонь (символ разрушения), а затем голубь и сердце (символ мира).

Фрейм-сценарий «Рок» репрезентируется интерсемиотически. В сцене прощания Ромео и Джульетты, знаковой репрезентацией фрейма-сценария «Рок», является иконическо-символический образ мертво-бледного лица Ромео: *O God, I have an ill-divining soul.* В трех экранизациях визуальный образ дублируется языковой экспликацией данного фрейма. Б. Лурман представляет его только иконически, вызывая нужный прагматический эффект фокусировкой нашего внимания на лицо Ромео под водой, имеющее сходство с лицом покойника, что является актуализацией субфрейма «Вещие сны, видения».

Лингвокогнитивный анализ четырех вариантов перевода позволил нам выделить когнитивную модель пьесы «Ромео и Джульетта», состоящую из трех главных фреймов-сценариев: «Вражда», «Любовь», «Рок», репрезентированных вербально и при помощи средств интерсемиотического перевода. Авторы используют различные виды знаков, принадлежащих к визуальной семиотической системе: наряду с простыми иконическими и индексальными знаками представлены и иконическо-символические знаки, которые отражают особенности индивидуальной интерпретации фреймов-сценариев, что объясняет наличие сцен и образов, не представленных в первоисточнике. Элементы языкового наполнения текста с наиболее яркой коннотацией переводятся иконическими средствами, имеющими равнозначную прагматическую нагрузку. Интерсемиотический перевод используется авторами кинотекста для увеличения прагматического воздействия на зрителя, помогая достичь нужного эффекта, предлагая образы, несущие ярко выраженную коннотативную окраску. Во фреймах-сценариях можно выделить значимые оппозиции, обуславливающие внутреннюю динамику развития действия, представленные динамическими субфреймами.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.
Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008.
Ворошилова М.Б. Креолизованный текст : кинотекст // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. (2) 22.
Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Источники

- Shakespeare W. Play Script – Text Romeo and Juliet. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.william-shakespeare.info/script-text-romeo-and-juliet.htm>. (Дата обращения 12.05.12).

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПРОИЗНОШЕНИЯ ЗВУКОВ РУССКОЙ РЕЧИ, ОТСУТСТВУЮЩИХ В РОДНОМ ЯЗЫКЕ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ ЛЕЗГИНСКОЙ ШКОЛЫ.

Л.Э. Салихова

Ключевые слова: восприятие и произношение звуков, твердость-мягкость согласных, интерференция, фонетические и фонологические ошибки.

Keywords: perception and pronunciation of sounds, hardness-softness of consonants, interference, phonetic and phonologic mistakes.

При взаимодействии двух звуковых систем в сознании билингвов восприятие и воспроизведение звуков, не характерных для родного языка, с психофизиологической стороны представляет собой очень сложный процесс, так как слух и артикуляция каждого человека привыкает к звукам и звукосочетаниям родного языка. Как отмечает Н.И.Жинкин, «это видно хотя бы из того общеизвестного факта, что механизмы речи на разных языках складываются прижизненно» [Жинкин, 1958, с. 38]. Дети вместо звуков русского языка произносят звуки родного языка.

У учащихся начальных классов, в отличие от старшеклассников (продвинутый этап обучения), слух и артикуляция еще не укрепились, они не сложились «прижизненно», являются послушными и эластичными. «До 10–12-летнего возраста ребенок – специалист в овладении речью. В этом возрасте он может учиться двум или трем языкам так же легко, как одному» [Пенфильд, Роберт, 1961, с. 216-217].

Сопоставительный анализ формирования произносительных навыков в начальных классах и на продвинутом этапе наглядно показывает, что выработка навыков восприятия и воспроизведения речевых звуков неродного языка связана с большими трудностями. Ранний детский возраст, начальная школа, является наиболее благоприятным периодом формирования двуязычия.

Для правильного и объективного анализа произношения твердых и мягких согласных учащимися I–IV классов необходимо исходить из общих закономерностей восприятия речевых звуков родного и неродного языков при первоначальном обучении детей русскому языку как неродному. Практическое усвоение «фонемного репертуара» русского языка, в частности твердых и мягких согласных, требует сформиро-

ванности новых речедвигательных и слуховых навыков. Такие навыки формируются в процессе систематической работы, выполнения упражнений, составленных с учетом фонетических систем контактирующих языков.

При первоначальном обучении звуковой системе лезгинско-русские билингвы твердые и мягкие согласные русского языка в различных фонетических позициях произносят, как звуки родного языка, так как у них нет опыта произношения на русском языке, опираются на имеющийся у них опыт, воспринимают не то, что есть в действительности, а то, к чему приспособлен их слух и артикуляция, подводят их под шаблоны звуков родного языка, сравнивают, сопоставляют с ними, видоизменяют, уподобляя знакомым звукам лезгинского языка, более или менее близким к твердым или мягким звукам по своим артикуляционно-акустическим признакам.

В первое время формирования произносительных навыков, артикуляционный аппарат детей начинает занимать новые положения и двигаться по иным кривым. Однако для этого нужна длительная тренировка, коррекционная работа.

Имеющиеся у билингвы навыки произношения звуков родного языка не заменяются новыми. Новые произносительные навыки формируются отдельно, автономно. Задача обучающего заключаются в том, чтобы нейтрализовать влияние артикуляции родных языков.

Наблюдение над речью лезгинско-русских билингвов, позволили разработать последовательность восприятия звуков и формирования произношения твердых и мягких согласных учащимися начальных классов лезгинской школы. Последовательность формирования навыков такова:

1. Сначала в слуховом рецепторе билингва происходит анализ системных акустических сигналов на отдельные признаки звука (спектра и квантования интенсивности), после чего эти признаки переходят на новые несущие сигналы - нервные импульсы слуховых сигналов.

2. Новые сигналы удерживаются на время приема отдельного звука, слова, простого сообщения (фразы). Здесь особо важную роль играет восприятие звуков, не характерных для родного языка учащихся. После этого включается механизм постоянных различителей, выделяются речевые форманты и в связи с этим происходит первичный синтез звуков в словах, в тембрах. Вновь усвоенные звуки в словах становятся смысловоразличителями, учащиеся улавливают смысловоразличительную роль вновь усвоенных звуков.

4. Звуки образуют лексические единицы, синтез слов переходит в систему сообщения по известным законам грамматики и логики. Дети образуют коммуникативные единицы.

5. Вся работа завершается оформлением предложения и пониманием мысли отдельного сообщения. При проведении этих операций на неродном языке приходится проводить двойные приемы переключения, потому что дети еще мыслят на родном языке, не сформированы необходимые произносительные навыки.

Последовательно проводимые операции приводят к тому, что фонемы, реализуемые в речи в виде звуков и воспринимаемые билингвами, начинают выполнять свои функции смысловоразличения. Для лезгинского языка не характерны смысловоразличительные функции твердых и мягких согласных, поэтому формирование навыков произношения, реализация фонем в виде конкретных звуков связаны с большими трудностями.

В начальном периоде обучения произношению учащиеся-лезгины проводят в какой-то степени грубый частотный анализ звуков. Это связано с тем, что для дифференцированного усвоения новых для учащихся звуков необходим предшествующий опыт восприятия, должна быть сформирована необходимая система временных связей. На основе этих связей формируются произносительные навыки.

При восприятии внешнего мира, новых звуковых сигналов наши органы чувств, в том числе и слух, анализируют и воспринимают их воздействие. В результате таких ощущений возникают у нас слуховые умения. Восприятие, как и ощущение, происходит в результате непосредственного воздействия предметов на органы чувств. Однако никакое восприятие невозможно без опоры на имеющийся опыт индивидуума. Следовательно, восприятие нового звука происходит путем сравнения с имеющимися у учащихся звуками родного языка, звуковыми образами. Сравниваются с наиболее близким к новому звуку звуком родного языка. Эталоны сравнения у детей являются звуки родного языка. Поэтому учащиеся-лезгины замечают не все артикуляционные дифференциальные признаки фонем русского языка, в первую очередь твердость-мягкость. Это происходит, несмотря на то, что органы слуха человека чрезвычайно чувствительны к различным по частоте и интенсивности сравниваемых звуков. Заметим, что в раннем детском возрасте артикуляция звуков неродного языка усваивается сравнительно легче и качественно.

В начальном периоде обучения ученик не может отличить твердый от мягкого. Новый звук слышит он «по-своему» в зависимости от

сложившейся у него системы временных связей. Именно поэтому под влиянием навыков родного языка возникают специфические фонологические и фонетические ошибки в произношении твердых и мягких согласных учащимися-лезгинами. «Фонологическая система любого языка, - подчеркивал Н.С. Трубецкой, - является как бы ситом, через которое просеивается все сказанное. Каждый приучается с детства анализировать речь подобным образом, и этот анализ осуществляется автоматически и бессознательно... Слушая чужую речь, мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам “фонологическое сито” своего родного языка. А поскольку наше “сито” оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают и многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через “фонологическое сито” нашего родного языка» [Трубецкой, 1960, с. 59]. Задача заключается в том, чтобы найти эти виды артикуляции, которые оказывают отрицательное влияние на формирование произносительных навыков.

Сопоставительный анализ русской речи билингвов - русско-лезгинских и лезгинско-русских - позволяет выявить общие и отличительные признаки речевых звуков, последовательность формирования фонематического слуха и закономерностей восприятия звуков неродного языка. Это поможет также уточнить несвойственные звукам каждого языка артикуляционные движения. Выявленные данные успешно могут быть использованы в методической работе по преодолению межъязыковой звуковой интерференции.

Двусторонний анализ речи помог выявить конкретные нарушения в произношении звуков как русского, так и лезгинского языков. В данном случае у билингвов вместо твердого и мягкого получается какой-то средний звук. Для уточнения обозначим его через [t]. Он представляет собой сумму аналогичного звука родного языка [t₁] и сходных признаков звука русского языка [t₂] после вычета некоторых артикуляционных признаков, не свойственных родному языку, то есть [s]. Все это можно показать в виде такой формулы: $t = t_1 + (t_2 - s)$. При этом сходные признаки [t₁] и [t₂] сливаются, а артикуляционные движения [t₂], не свойственный родному языку, исключаются. Исходя из той же формулы, звук лезгинского языка, произнесенный билингвом, для которого родным (первым) является русский язык, можно показать так (такой звук обозначим через [m]): $m = [t_2] + (t_1 - n)$. Это свидетельствует о том, что у детей еще не выработан фонематический слух по дифференцированию твердых и мягких согласных русского языка. В данном случае

фонематическим мы называем такой выработанный слух, который способен анализировать и синтезировать речевые звуки, в данном случае твердые и мягкие согласные, по тем постоянным признакам, которые свойственны этим фонемам.

Изучение русской речи учащихся-лезгин показывает, что чувствительность к звуковому раздражителю значительно повышается, если звук приобретает сигнальное значение, то есть он служит различению значения слова. Если же какой-нибудь звук не имеет сигнального значения, то он не будет четко различаться. И действительно, если какой-нибудь признак не имеет фонологического значения, он не замечается учащимися-лезгинами. ДП твердости-мягкости не замечается лезгинско-русскими билингвами, не отличают [л'] от [л], оба звука слышат одинаково, например, в словах: уголь [уг□л']-угол [уг□л].

Первоначально билингвы не будут различать слова, отличающиеся одним звуком, например: *падал-падаль, мат-мать, полка-полька* и т.д. будут смешивать, не различать. «Фонетическая система родного языка, - писал С. Бернштейн, - в такой мере воздействует на восприятие звуков чужой речи, что в большинстве случаев неверными оказываются те слуховые образы, которые учащиеся пытаются воплотить в своем произношении. Можно утверждать, что, безусловно, правильно мы слышим только те звуки, которые умеем произносить» [Бернштейн, 1937, с. 15].

Анализ фонетических и фонологических ошибок, работа по обучению произношению показывают, что ученик, научившись различать на слух звуки речи неродного языка, овладевает способностью слушать и прислушиваться, то есть направлять свой слух не только на звучащую речь других говорящих, но и на собственные звуки. Следовательно, слух говорящего уже начинает контролировать и направлять собственные звуки. Отсюда вытекает, что слуховой анализатор занимает господствующее положение не только как механизм восприятия внешних речевых сигналов, но и становится основным регулятором деятельности звукопроизводящего анализатора. Формирование навыков произношения твердых и мягких согласных русского языка у учащихся начальных классов лезгинской школы происходит в следующей последовательности. Параллельно с формированием навыка слухового восприятия, то есть образа того или иного звука в коре головного мозга, ученик получает возможность исправить ошибку, неправильно произнесенный звук. Заметим, что он слышит свою речь и может исправить ошибку, если заметит искаженное произношение. В результате многократных повторений, речевой практики при приеме речи от других

лиц, источника информации в памяти билингов вырабатываются эталоны обрабатываемых звуков или звуковые образы целых слов. Так формируется фонематический слух учащихся.

Фонетические и фонологические ошибки учащихся являются результатом отсутствия у них нужных эталонов, стандартных твердых и мягких согласных русского языка. Сопоставление с этими эталонами и позволяет обнаружить ошибки по слуху. Чтобы исправить нарушение, необходимо изменить артикуляцию и на основе слухового образа контролировать ее соответствие норме. Подобные обратные контрольные импульсы идут от всей системы речевых органов к центру, где учитывается, при каком положении органов речи была нарушена норма. После этого опять центральное управление на основе нового нервного импульса вызывает менее ошибочное движение и снова получает обратные сведения о достигнутом результате. Упражнения продолжают до тех пор, пока артикуляционные движения не будут согласованы с имеющимся слуховым эталоном.

На основе сопоставительного анализа звуковых систем русского и лезгинского языков были выявлены потенциально возможные производительные ошибки в русской речи учащихся начальных классов лезгинской школы.

Всесторонний анализ русской речи учащихся I-IV классов лезгинской школы в условиях отсутствия русскоязычной среды, изучение социолингвистических факторов, способствующих созданию искусственной речевой практики показали, что причины нарушения норм произношения обуславливаются не только расхождениями в фонемном составе и сочетаемости звуковых единиц в контактирующих языках, но и влиянием других факторов.

Проведенный анализ показал, что одни твердые или мягкие практически усваиваются учащимися легче, другие - значительно труднее. Более того, трудность или доступность одного и того же звука зависит от его способа образования, соседних звуков, фонетической позиции. Например, твердые и мягкие согласные в позиции перед гласными воспринимаются легче, перед согласными и в конце слова - труднее. Наиболее трудными являются губные мягкие согласные в конце слова - [п'] ,[ф'] ,[м']. Это связано с их артикуляционно-акустическими особенностями.

Сопоставительный анализ собранных материалов показывает, что на формирование навыков восприятия и воспроизведения звуков русского языка в различных фонетических позициях определенное влияние оказывают и социолингвистические факторы: уровень двуязычия в

том или ином регионе, функции, выполняемые русским и родным языками, радио- и телепередачи, речевая практика на русском языке, семейно-бытовые условия. Указанные социолингвистические факторы способствуют созданию русской речевой практики, что оказывает большое влияние на формирование произносительных навыков. Однако такую речевую практику необходимо регулировать, так как в речи билингов наблюдается немало нарушений орфоэпических норм. При анализе ошибок в произношении твердых и мягких согласных мы учитываем влияние этих факторов, их положительное и отрицательное влияние.

Литература

Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М., 1937.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.

Зиндер Л.Р., Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А. Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке. // Уч. записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вопросы фонетики. 1964. № 325. Вып. 69.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.

Фланаган Дж.Л. Анализ, синтез и восприятие речи. М., 1968.

«КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ : ЧЕЛОВЕК – ЯЗЫК – ТЕКСТ»

ФИЛОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ НАУКИ ВО ВСТРЕЧНОМ ДВИЖЕНИИ: ОТ БАХТИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

А.И. Куляпин, А.А. Чувакин

Ключевые слова: филология, коммуникативные науки, история гуманитарных наук, учебник для студентов магистратуры.
Keywords: philology, communication science, history of humanities, textbook for master students.

В данной публикации приводятся материалы к разделу «Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней» учебного пособия для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки 032700 Филология¹. Публикация имеет предварительный характер и предназначена для обсуждения.

Раздел 1. Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней

Введение

В разделе представлены материалы, демонстрирующие тенденцию к взаимодействию филологии и коммуникативных наук в XX – начале XXI века. С середины этого периода в недрах «новой филологии» вызревают идеи, которым будет суждено положить начало современной («новейшей») филологии, а из разрозненного гуманитар-

¹ Проект учебного пособия обоснован в статье [Чувакин, 2013, с. 187-190].

ного и отчасти технического знания постепенно складывается наука о коммуникации.

До середины XX века идут процессы взаимодействия филологического и коммуникативного знания. «Старшим партнером» в этом взаимодействии выступает филология, которая уже в начале XX века была зрелой и дифференцированной отраслью гуманитарного знания (Ф. Соссюр, А.Н. Веселовский и др.). Не случайно, именно в филологических науках первой половины XX века обнаруживается устойчивый интерес к диалогической речи (Л.П. Якубинский и др.) и шире – к диалогизму как фундаменту языка и литературы (Л.В. Щерба, М.М. Бахтин), к проблеме понимания и смысла (Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов и др.), к различиям между устной и письменной речью (Пражский лингвистический кружок), к семиотике языка и литературы (Р. Якобсон, Я. Мукаржовский и др.).

Нижнюю границу периода составляют труды *М.М. Бахтина*¹(1895–1975) и его круга.

С начала 1920-х годов как в западной, так и в отечественной культуре активно разрабатывается философия диалога. Кризис, вызванный потрясениями эпохи войн и революций, заставил пересмотреть устоявшиеся представления о человеческом бытии, стимулировал поиск новых оснований для сосуществования Я с другой личностью. Этапной для философии XX века стала книга Мартина Бубера «Я и Ты» (1923). В ней монологизму классической европейской мысли, «одинокости замкнутой самости» М. Бубер противопоставил идею бытия как диалога.

М.М. Бахтин и ученые его круга в ситуации жесткого идеологического контроля были лишены возможности широкого философского обсуждения диалогизма и вынуждены были сосредоточиться на литературно-эстетическом аспекте проблемы. В концепции Бахтина эстетическое рождается на границе отношения автора и героя. «При одном участнике не может быть эстетического события», – подчеркивает Бахтин и утверждает «абсолютную эстетическую нужду человека в другом» [Бахтин, 1979, с. 22, 34].

Особняком в этот период стоит область теории и техники общения, которая находится на пересечении психологии, педагогики, лингвистики, учения о коммуникации, риторики и др., являя собой зачатки коммуникативной модели неориторки. Складывание этой облас-

¹ Здесь и далее фамилии авторов, извлечения из работ которых представлены в разделе, даны курсивом (как правило, при первом употреблении).

ти связано с деятельностью американского специалиста *Дейла Карнеги* (1888–1955), фактического родоначальника междисциплинарной теории общения, поставившего в ее центр идею успешности общения. Теоретические разработки Карнеги соединены с решением практической задачи – создания техники общения и обучения общению. Приведем только названия наиболее известных в современной России книг Карнеги: «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступать публично», «Как перестать беспокоиться и начать жить». В предисловии к первой из названных книг идеи, развиваемые Карнеги, рассматриваются в контексте научных дисциплин, изучающих человека [Зинченко, Жуков, 1989, с. 5]. Правда, филологические науки остаются у авторов предисловия за пределами человековедения. Однако в содержании книг Карнеги, в его «правилах» и советах язык как инструмент общения (то есть в единстве с коммуникацией) присутствует постоянно. См. одно из базовых суждений американского автора: «У нас лишь четыре метода контактов с людьми. О нас судят на основании того, что мы делаем, как мы выглядим, что мы говорим и как мы это говорим. Как часто нас оценивают по тому языку, которым мы пользуемся!»

Ваша манера речи в значительной мере отражает вашу манеру общения <...>» [Карнеги, 1989, с. 76].

Складывается своеобразная зона пересечения филологического и коммуникативного знания. В первой половине – середине XX века наиболее существенное место в ней занимают филологические модели коммуникации и коммуникативные модели языка и литературы.

Из приведенных Г.Г. Почепцовым [Почепцов, 2006] моделей коммуникации отметим три следующие: лингвистическую Р. Якобсона, литературную В.Б. Шкловского, фольклорную В. Проппа. Модели различаются способом структурирования пространства коммуникации. В центре первой находятся факторы речевой коммуникации, каждому из которых соответствует определенная функция языка; вторая выдвигает «момент формы», обуславливающий воздействие высказывания; третья – функциональную структуру волшебной сказки как одного из типов текста. Приведенные модели показательны как факт признания теоретической значимости языка и литературы (включая фольклор) в осмыслении феномена коммуникации. Фактически идея Якобсона послужила базой одной из широко распространенных теоретических моделей коммуникации – инфор-

мационно-кодовой (см. о ней в извлечениях из книги М.Л. Макарова), модель Шкловского лежит в основе одной из версий риторической (в широком смысле) коммуникации, модель Проппа служит основой исследования коммуникативного пространства текста.

Одним из центральных в отечественной формальной школе (В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Р. Якобсон, Л.П. Якубинский и др.) стал вопрос о литературной эволюции, которая, по мнению опоязовцев, протекает не в форме наследования традиции, но как борьба и замещение. «Когда говорят о “литературной традиции” или “преемственности”, обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим. <...> но всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов», – писал Ю.Н. Тынянов (1894–1943) [Тынянов, 1977, с. 198]. Традиционное представление о преемственности минимизирует значение диалогических отношений между представителями разных литературных поколений и их текстами. Простое усвоение наследия предшественников ведет всего лишь к повторению уже известного, условий для подлинного диалога не возникает. Для теории межтекстовой коммуникации первостепенное значение приобретает тыняновская концепция пародии как важнейшего фактора литературной эволюции. Пародия, по Тынянову, немыслима вне диалогических отношений. «Пародия существует, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый». Причем «в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их» [Тынянов, 1977, с. 212, 201]. Формальную школу не совсем справедливо обвиняют в «фетишизации художественного произведения-вещи»: «Поле знания исследователя ограничивается художественным произведением, которое анализируется, как если бы им исчерпывалось все в искусстве. Творец и созерцатель остаются вне поля рассмотрения» [Волошинов, 1926, с. 247]. В статье «Достоевский и Гоголь» Тынянов вскрыл пародийный пласт повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», отметив, что «пародийность “Села Степанчикова” не вошла в литературное сознание». Но если «пародия не обнаружена, – справедливо замечает Тынянов, – произведение меняется» [Тынянов, 1977, с. 226]. Пример, более наглядно выявляющий роль реципиента в эстетической коммуникации, подобрать непросто.

Тыняновская концепция пародии сохраняет актуальность для современного гуманитарного знания. Глубоко обоснованно мнение М. Ямпольского, назвавшего идеи Тынянова (наряду с теорией ана-

грамм Ф. де Соссюра и полифонией М.М. Бахтина) в числе трех главных источников теории интертекстуальности.

Из коммуникативных моделей языка и литературы укажем модели В.Н. Волошинова и М.М. Бахтина. Этим моделям в XX веке, сначала на Западе, а затем и в нашей стране, суждено сыграть ключевую роль в осмыслении коммуникативной сущности языка и литературы.

В.Н. Волошинов (1895–1936) – российский лингвист, литературовед, философ, принадлежавший к кругу М.М. Бахтина. За недолгую жизнь он создал ряд влиятельных книг и статей, а книга «Марксизм и философия языка» (1929) – одна из редких в отечественной науке работ, которой посвящено специальное монографическое исследование: В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика (М., 2005). Этот факт объясняется тем, что многие ее идеи, рожденные в кругу Бахтина, оказались востребованными в середине XX – XXI века (язык в действии; человек и язык; речевое взаимодействие; язык и коммуникация; высказывание и ситуация и др.). Книга Волошинова направлена прежде всего на обсуждение философско-лингвистической проблематики. См. хотя бы следующее суждение автора: «Словесное общение неразрывно сплетено с общениями иных типов <...>» [Волошинов, 1993, с. 105]. В русле теоретических решений автором рассматривается и конкретный языковой материал – чужая речь: здесь закладывается коммуникативная концепция чужой речи. См. только некоторые вопросы, поставленные в книге: «...как воспринимается чужая речь? Как живет чужое высказывание в конкретном внутренне-речевом сознании воспринимающего, как оно активно прорабатывается в нем и как ориентируется в отношении к нему последующая речь самого воспринявшего?» [Волошинов, 1993, с. 126-127].

Статья В.Н. Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии», опубликованная в 1926 году, имеет подзаголовок «К вопросам социологической поэтики». Это немаловажное уточнение. Поэтика Бахтина и ученых, разделявших его взгляды, – социологическая поэтика. «Эстетическое – <...> только разновидность социального», – пишет в этой связи В.Н. Волошинов [Волошинов, 1926, с. 246]. По Бахтину, слово – социально. Любое слово «не может быть понято независимо от породившей его социальной ситуации» [Волошинов, 1926, с. 247]. Однако у «художественного» есть своя специфика: оно «в своей целокупности находится не в вещи, и не в изолированно взятой психике творца и не в психике созерцателя – “художественное” обнимает все эти три момента. Оно является особой формой взаимоотношения

творца и созерцателей, закрепленной в художественном произведении. <...> Понять эту особую форму социального общения, реализованного и закрепленного в материале художественного произведения, и является задачей социологической поэтики» [Волошинов, 1926, с. 248].

Тезисы, намеченные в статье В.Н. Волошинова, М.М. Бахтин развивает в ряде работ середины 1920-х годов, в первую очередь в оставшемся неопубликованном при жизни автора исследовании «Автор и герой в эстетической деятельности». К концу десятилетия бахтинская теория диалога обогащается концепцией полифонического романа, сформулированной в книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Поздний Бахтин проблему диалога радикализует. В заметках «К методологии гуманитарных наук» он делает набросок к более универсальной философии диалога: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее). Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) — они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенных моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [Бахтин, 1979, с. 373].

Опираясь на идеи Бахтина, Ю. Кристева в середине 1960-х годов предложила новую модель текста, быстро ставшую сверхпопулярной. С ее точки зрения любой текст строится как мозаика цитат. Эпоха постмодерна воскресила многие «забытые смыслы» Бахтина, но не обошлось и без потерь. Понятие интертекстуальности Кристевой, по сути, вытеснило принципиально важное для Бахтина понятие интерсубъективности. Постструктуралистская идея «смерти автора» и вообще выхолостило бахтинскую философию диалога.

Середина и вторая половина XX века – время дальнейшего развития взаимосвязей филологических и коммуникативных наук. Этому способствуют два обстоятельства: факт рождения в середине XX века коммуникативной науки; начало этапа «новейшей филологии», центром которой становится интерес к человеку. Едва ли не ключевую роль в складывании в мире новой познавательной ситуации сыграли идеи канадского философа, филолога, теоретика коммуникации *Г.М. Маклюэна* (1911–1980), соединившего под зна-

ком коммуникации разнородные явления человеческой жизни – устное слово, письменное слово, жилище, автомобиль, игры, фонограф, оружие... Маклюэну принадлежит тезис «средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2007, с. 9].

Меняется и внешняя для взаимодействующих наук среда: усиливают свое влияние на гуманитарное знание семиотика (гуманитарная семиотика) и герменевтика.

В статье 1970 года «Язык в отношении к другим системам коммуникации» *Роман Якобсон* (1896–1992) провозглашает следующий тезис: «Вопрос о семиотических и в особенности языковых составляющих, присутствующих в каждой системе человеческой коммуникации, должен служить важным направляющим фактором в будущих исследованиях всех типов социальной коммуникации» [Якобсон, 1985, с. 321].

В отличие от западного структурализма тартуско-московская семиотическая школа (1960–1980-ые годы) не отказывалась от исторических исследований, не ограничивалась имманентным описанием текста, а следовательно, никогда не упускала из поля внимания проблему межтекстовой и межкультурной коммуникации. Генеалогия отечественной семиотики восходит не только к русскому формализму и французскому структурализму, но и к Бахтину (см.: [Иванов, 1973, с. 5-44]). Вне коммуникативного аспекта (включая, разумеется, и автокоммуникацию) рассмотрение любого текста невозможно. «Всякий текст культуры принципиально неоднороден. Даже в строго синхронном срезе гетерогенность языков культуры образует сложное многоголосие», – считает Ю.М. Лотман [Лотман, 1992, с. 192]. Изучению механизмов взаимовлияния культур посвящено несколько программных работ *Ю.М. Лотмана* (1922–1993), среди них – статья «Символ в системе культуры». В интерпретации Лотмана, символ, представляя собой свернутую мнемоническую программу текстов и сюжетов, выполняет важнейшую функцию по сохранению единства культуры: «Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой» [Лотман, 1992, с. 192].

Идеи герменевтики, проникающие в гуманитарное знание, превращают ее в проблему *всего* гуманитарного знания, в том числе коммуникативных и филологических наук. Тем самым в филологических науках готовится методологический поворот, интенсифицируется их движение в сторону учения о коммуникации. См. интересное и актуальное для нашей страны суждение Г.-Г. Гадамера (1970), в из-

вестной степени развивающее мысль Бахтина – Волошинова: «Разговор – это не два протекающих рядом друг с другом монолога. Нет, в разговоре возделывается общее поле говоримого. Реальность человеческой коммуникации в том, собственно, и состоит, что диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. В разговоре оба они преобразуются. Диалог только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого их разговор начался» [Гадамер, 1991, с. 48].

К концу периода, во многом благодаря влиянию семиотики и герменевтики, на пересечении филологических и коммуникативных наук возникает идея *homo loquens* как объекта филологии; в риторике актуализируется *homo verbo agens* как центр риторической науки; на пересечении филологических и коммуникативных наук возвышается фигура *homo communicans*.

В середине XX века в филологических науках складываются новые направления коммуникативного спектра: коммуникативная лингвистика, коммуникативное литературоведение, коммуникативная модель риторики, коммуникативная теория текста и др.

Коммуникативная лингвистика возникает на Западе, а затем получает распространение и в нашей стране – как реакция на структурную лингвистику. Исходной базой ее исследовательской программы стало не столько признание коммуникативной функции языка, которую, пожалуй, никто и не отвергал, но осознание того факта, что «язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном обществе» (Э. Сепир). Основоположник отечественной коммуникативной лингвистики, специалист в области общего и германского языкознания *Г.В. Колшанский* (1922–1985) охарактеризовал ее предмет как «исследование собственно структуры языка, всеобщих закономерностей организации речевого общения: взаимодействие семантической и синтаксической структуры высказывания, закономерности построения текста, соотношение интра- и экстралингвистических факторов <...>, соотношение прагматических целей, структура высказывания и текста и ряд других вопросов» [Колшанский, 1984, с. 9]. Приведенное положение и признание коммуникативной лингвистики интегральной наукой (с. 170) определило возможности и направления ее развития, ее прочные связи с теорией коммуникации. В настоящее время в сферу коммуникативной лингвистики входит значительный ряд тем, проблем,

объектов, в том числе: вербальная и невербальная коммуникация, высказывание и текст, текст и сообщение, коммуникативная модель текста, речевой акт и коммуникативный акт, речевой жанр и коммуникативный жанр, порождение и понимание (и интерпретация) высказывания (текста, сообщения), паралингвистика и др. Внимательный читатель, видимо, заметил, что приведенный круг вопросов находится в сфере движения «от лингвистики языка к лингвистике общения» (Б.Ю. Городецкий). Коммуникативное исследование стало существенно менять картину даже хорошо известных явлений языка (см., например, актуальные и в настоящее время наблюдения чешского исследователя Ц. Босака (род. 1921) в его публикации 1973 года: *C. Bosák*).

Развитие коммуникативных идей в литературоведении. Практически полная аннигиляция субъекта в постмодернистской культуре с неизбежностью привела к отказу от интерпретации. Для М. Фуко у дискурсов, высказываний «нет авторов и, следовательно, никакого засекреченного содержания, возникающего только там, где действует субъект. Интерпретация с этой точки зрения искажает природу дискурсов тем, что вступает в противоречие с конститутивной для них смысловой “бедностью”» [Смирнов, 1996, с. 10]. Запрет на интерпретацию не мог не вызвать возражений прежде всего со стороны представителей филологической науки. Глубокая и последовательная критика постмодернистской деперсонализации субъекта развернута, в частности, в работах *И.П. Смирнова* (род. 1941) – профессора университета в гор. Констанц (ФРГ), философа, филолога и культуролога. В русле традиции российской филологии И.П. Смирнов отстаивает человека говорящего, убедительно доказывая, что анонимность дискурсов – «не более чем кажимость». «Их порождение не бессубъектно. Оно коллективно, антропологически субъектно» [Смирнов, 1996, с. 11].

Интересная ситуация складывается в риторике, возродившейся как неориторика. Существенная роль в складывании и развитии отечественной общей и коммуникативной риторики принадлежит *А.К. Михальской* (род. 1952). В ее работах интегрированно представлены теоретические и прикладные аспекты риторической коммуникации. В учебном пособии «Основы риторики: Мысль и слово» (1996) автор дает следующее определение современной риторики: «Риторика – это теория и мастерство целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи» [Михальская, 1996, с. 32]. Это понимание органично коррелирует с основными положениями ряда

современных работ, из которых рекомендуем читателям ознакомиться в первую очередь со следующими: Жюльен Фр. Трактат об эффективности / пер. с франц. М.-СПб., 1999 (и след. изд.); Основы общей риторики. Барнаул, 2000.

Дидактически ориентированная коммуникативная модель риторики помещается в глубокий филолого-коммуникативный контекст, погружается в контекст когнитивных и традиционных гуманитарных наук (философии, семиотики, герменевтики, логики и др.), нуждается в аксиологическом контексте. Реализацией названных принципов может быть обеспечена подготовка специалистов, владеющих умениями эффективной коммуникации (см.: [Чувакин, 2008, с. 369-371]).

Так развивается общее пространство филологических и коммуникативных наук. Его основой выступает фундаментальная значимость для обеих наук человека. Ср.: «...интерес, которого заслуживает человек говорящий, в будущем только возрастет. Быть может, лингвистике, при условии, что, изучая язык, она будет считать подлинным своим предметом человека, суждена блестящая будущность, как и другим гуманитарным наукам, с которыми <...> она связана глубинными связями» [Ажеж, 2003, с. 280].

Фигура человека выступает в многообразных проявлениях: как говорящий / слушающий, автор / читатель, адресант / адресат, коммуникант-1 / коммуникант-2 и др., что не случайно: фигура человека есть решающий фактор «человекообразности» (выражение акад. Ю.С. Степанова) языка и – добавим – коммуникации, текста и сообщения. Здесь уместно напомнить и тезис Аристотеля – создателя первой дошедшей до современности коммуникативной модели риторики: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается (я разумею слушателя)» [Аристотель, 1978, с. 24].

Общее пространство филологических и коммуникативных наук составляет ряд методологических и теоретических положений. Главный из них – принцип деятельности природы человека, одинаково значимой и для филологических, и для коммуникативных наук на современном этапе их развития.

В филологии он входит в базу, на которой конституируется homo loquens (HL) как исходная реальность и объект филологии. Приведем пространную выдержку из публикации, открывшей первый номер журнала «Филология и человек»: «...HL как исходная реальность филологии может быть выделен из реальности бытия

человека только на основе интеграции этих (приведены в цитируемом тексте. – *А.К., А.Ч.*) идей: деятельностная природа человека обуславливает активность его как НЛ и изменчивость всех процессов, форм и продуктов деятельности; знаковая теория знания предполагает опосредование всех действий НЛ; символическая природа человеческого сознания обеспечивает взаимодействие креативных и репродуктивных начал в деятельности НЛ; понимание экзистенциальной природы человека задает открытость и незавершенность НЛ; наконец новые основания человеческой социальности (коммуникативность) требует от НЛ противодействия «экстазу коммуникации» (Ж. Бодрийяр). Из этого следует, что НЛ есть особая реальность, существенными гранями которой являются способность к символизации и абстрагированию, коммуникативные, языковые и речевые способности, деятельность по сопряжению мысли, слова и действия (символа – знака – предмета), что опирается на всю сумму опосредований (социально-исторических, культурологических, ментальных, психологических; бессознательного и сознательного; материальных и духовных; знаковых и символических). В рамках филологических наук возникает возможность построить понимание современного человека – НЛ – как сложного, многофункционального и противоречивого единства, отличающегося стремлением к пониманию «чужих» смыслов и сокрытию «своих», к коммуникативному сотрудничеству с себе подобными и «братьям по разуму» и уклоняющемуся от такового, открытого для диалога и прячущегося в глубинах аутодиалога, «схваченного» (человека) в процессах его ментальной, языковой и речевой деятельности» [Кощей, Чувакин, 2006, с. 15-16].

В коммуникативных науках принцип деятельностной природы человека служит базой современного представления о коммуникации как деятельности человека, опосредованной символами и, по [Хабермас, 2000], опирающейся на строгие нормы, которые, как замечает Б.В. Марков, интерпретирующий концепцию германского ученого, признаются сообществом совместно живущих и общающихся между собою людей [Марков, 2000, с. 296]. Если оставить в стороне приведенное указание на нормы (Б.В. Марков: «человеческое поведение все дальше отходит от системы норм, сформировавшихся на моральной основе»), то вычленяется деятельностная сущность коммуникации как производное от деятельностной природы самого человека. Сказанным обуславливается сущность коммуникации как деятельности, уже явленная в многочисленных ис-

следованиях – при выдвигании на первый план разных граней человека, его способностей к коммуникации вербальной и невербальной, к разным видам и способам их взаимодействия той и другой.

В конце XX – начале XXI века встречное движение филологии и коммуникативных наук имеет некоторые новые проявления, в том числе складываются междисциплинарные области знания: филологическая теории коммуникации [*Чувакин*, 2009, с. 103–105], коммуникативная парадигма филологии (см., например: [Язык – текст – литература, 2011]), заполняющие совместное пространство филологических и коммуникативных наук; коммуникативные модели ряда объектов, которые одинаково важны и для филологии и для коммуникативных наук: модели текста и эффективной коммуникации; учение о дискурсе и др. Современный обзор моделей коммуникации выполнен *М.Л. Макаровым* (род. 1960) – специалистом в области теории дискурса и межкультурной коммуникации [Макаров, 2003, с. 34-43].

Тесное взаимодействие филологических и коммуникативных наук стимулирует выявление и изучение фактов, явлений, процессов коммуникативной жизни человека и общества, еще не получивших своего объяснения в теории коммуникации и/или в филологии или имеют объяснение частичное.

В число такого рода явлений входит, например, повышение роли «посредников» в коммуникации. Наиболее влиятельными из них в наше время являются Интернет и мобильный телефон, обусловившие создание новой фактуры текста, новый вид коммуникации, что в принципе меняет – сошлемся на Г.М. Маклюэна – масштаб, скорость и форму как коммуникации, так и человеческих дел.

Использование мобильного телефона меняет структуру телефонного диалога. Как отмечает итальянский философ, семиотик, писатель *Умберто Эко* (род. 1932) во вступлении к книге М. Феррариса «Ты где? Онтология мобильного телефона» (2010), «по городскому телефону спрашивают, на месте ли тот, кому мы звоним, а в случае с мобильным и без того понятно, кто подойдет к телефону (если он не украден) и здесь ли он (что меняет положение о неприкосновенности частной жизни). Зато раньше мы твердо знали, где находится тот, с кем мы говорим по телефону, тогда как сейчас в разговорах всегда возникает вопрос: “Ты где?”» [Эко, 2005, с. 7-8]. Впрочем, как подчеркнул У. Эко, «где находимся мы оба», всегда известно телефонной компании (с. 7-8).

Разумеется, базовым «языком коммуникации» остается естественный человеческий язык. Прибавим, что, как полагают создатели проекта «А-я-йй.ру (www.iii.ru)», «через некоторое время все мы будем общаться с компьютерами на естественном языке» (<http://iii.ru/about>). Если так будет, то естественный язык окажется еще более тесно вплетенным в язык компьютерный.

Значимость коммуникативных теорий для исследования разнообразных аспектов жизни человека и общества в более широком плане охарактеризована во многих работах У. Эко. Так, в книге [Эко, 2004, с. 44] ученый констатирует следующее: «Одновременно коммуникативные модели находят все более широкое применение при изучении жизни общества, при этом на редкость эффективным оказывается сотрудничество структурной лингвистики и теории информации, предоставляющее возможность применять структурные и информационные модели при описании культур, систем родства, кухни, моды, языка жестов, организации пространства и т. п., и даже эстетика иногда заимствует некоторые понятия теории коммуникации, используя их в своих целях. Ныне мы наблюдаем осязаемую унификацию поля, исследований, позволяющую описывать самые разнообразные явления с помощью одного и того же научного инструментария». В главе, завершающей одну из наиболее влиятельных книг – «Отсутствующая структура. Введение в семиологию», Эко заявляет о существовании междисциплинарной науки, «в которой все феномены культуры изучаются под «назойливым» знаком коммуникации» [Эко, 2004, с. 491].

Таким образом, сопряжение филологии и коммуникативных наук служит современному человеку и как теоретику, и как практику. Эта мысль явно проходит в новейшем энциклопедическом труде по коммуникации «International Encyclopedia of Communications» (New York, Oxford, 1989), редактором которого является американский специалист в области визуальной коммуникации и общей теории коммуникации *Erik Barnouw* (1908–2001).

Тексты¹

1. Взаимодействие филологического и коммуникативного знания: первая половина – середина XX века. Филологические модели коммуникации и коммуникативные модели языка и литературы:

¹ В данной публикации по условиям места содержатся только наименования текстов, извлечения из которых предполагается поместить в учебном пособии.

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Карнеги Д. Как вырабатывать в себе уверенность и влиять на людей, выступая публично / русск. перев. М., 1989.
- Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929 (М., 1993).
- Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6 (то же в: Бахтин под маской. М., 2000).

2. Взаимосвязи филологических и коммуникативных наук в условиях возникновения и развития науки о коммуникации и «новой филологии»: середина – вторая половина XX века.

- Bosák C. Poznámky o monologu // Československá rusistika. XVIII. Praha, 1973. 5.
- Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / русск. перев. М., 2007.
- Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. Избр. работы / русск. перев. М., 1985.
- Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3-х тт. Таллинн, 1992. Т. 1.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996.
- Михальская А.К. Риторика : Мысль и слово. М., 1996.

3. Фундаментальная значимость проблемы человека для развития филологии и коммуникативных наук: конец XX – начало XXI века.

- Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003 (раздел 1.4. Теоретические модели коммуникации).
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / русск. перев. СПб., 2004.
- Barnouw E. Preface // International Encyclopedia of Communications. New York, Oxford, 1989. v. 1. URL:

<http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223> (Дата обращения 05.09.2012).

Дополнительная литература

Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.

Аронсон О.В. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. М., 2007.

Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009.

Основы теории коммуникации / под ред. М.А. Василюка. М., 2003. Гл. 2.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2006. Гл. 1-2.

Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 2000.

Вопросы и задания

1. Ознакомьтесь со статьей О.М. Фрейденберг «Происхождение пародии» (в сб.: Русская литература XX века в зеркале пародии. М., 1993). Есть ли сходство в понимании пародии у Ю.Н. Тынянова и О.М. Фрейденберг?

2. Чем в концепции М.М. Бахтина отличается художественное словесное высказывание от высказывания жизненного?

3. Как Ю.М. Лотман решает проблему разграничения понятий «символ» и «реминисценция»? Какую трансформацию символ претерпевает в читательском восприятии?

4. Оцените степень нуждаемости риторики в собственно филологическом и коммуникативном знании. (Для ответа на этот вопрос воспользуйтесь извлечениями из работ Д. Карнеги и А.К. Михальской).

5. Каковы точки соприкосновения и точки различия отечественной и зарубежной научной мысли в вопросе о взаимодействии филологии и коммуникативных наук? (Для ответа на этот вопрос используйте работы отечественных и зарубежных авторов, принадлежащих одному периоду – по Вашему усмотрению.)

6. Соотнесите материалы, представленные в текстах раздела, с данными, приведенными в обзоре М.Л. Макарова.

7. Внимательно изучите материалы, характеризующие взаимодействия филологии и коммуникативных наук в прикладном аспекте (У. Эко и др.). Приведите свои примеры.

8. Установите роль идей, представленных в извлечениях из научных текстов, в подготовке и осуществлении явления, которое Е. Varnouw квалифицировал как «communications revolution».

Литература

- Ажеж Кл. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.
- Аристотель. Риторика /// Античные риторика. М., 1978.
- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // М.М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.
- Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Зинченко В.П., Жуков Ю.М. Предисловие // Д. Карнеги Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1989.
- Иванов Вяч.Вс. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6.
- Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1989.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Кощей Л.А., Чувакин А.А. Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3-х тт. Таллинн, 1992. Т. 1.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- Маклюэн Г.М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека. М., 2007.
- Марков Б.В. Мораль и разум // Ю. Хабермас Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
- Михальская А.К. Основы риторики : Мысль и слово. М., 1996.
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Киев, 2006.
- Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
- Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009. Ч. 1.
- Чувакин А.А. Риторическая составляющая филологического образования: от вуза к школе // Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов. М., 2008.
- Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете) // Филология и человек. 2013. № 1.
- Эко У. От мобильного телефона к истине // М. Феррарис Ты где? Онтология мобильного телефона. М., 2010.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
- Язык – текст – литература : коммуникативная парадигма. Барнаул, 2011.
- Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. Якобсон Избр. работы. М., 1985.

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ В СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КОНВЕРСНОСТИ

С.А. Добричев

Ключевые слова: конверсные отношения, прагматические факторы, пресуппозиция, референция, выбор языкового выражения, эмпатия.

Keywords: converse relations, pragmatic factors, presupposition, reference, choice of linguistic expression, empathy.

Понятие конверсных отношений в языке всегда ассоциировано с понятием выбора или альтернативы; собственно, это онтологически важное и имманентное свойство категории конверсности становится определяющим при переходе от конверсной парадигмы в системе языка к конкретному высказыванию в дискурсе.

Актуализация ситуационного фрейма в дискурсе, а значит, и определенного вектора отношения, предполагает взаимодействие целого комплекса факторов прагматического, семантического и структурного плана. В частности, при построении высказывания, как отмечает Н.Д. Арутюнова, происходит постоянное и сложное взаимодействие его ономотологического (назывного) аспекта и механизма, реализующего коммуникативное задание; на первый план выдвигается то одна, то другая функция синтагматической организации предложения [Арутюнова, 1972, с. 304].

В непосредственной же стадии перехода от ситуационного фрейма как когнитивной структуры к внешнеречевому высказыванию доминантную функциональную роль играют прагматические факторы, совокупность которых создает прагматический фокус в речепорождении. Под прагматическим фокусом понимается акт выбора, критерием для которого является успешность и эффективность коммуникации и взаимодействия; это значит, что при произнесении предложений или частей предложений происходит выбор тех объектов, которые говорящий считает наиболее важными для слушающего [ван Дейк, 1978, с. 319].

Весьма близким к прагматическому фокусу понятием оказывается понятие прагматического пика, введенное представителями референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валином и У. Фоли в связи с рассмотрением проблемы организации предложения в терминах дискурсивных ролей отдельных его составляющих. Под прагматическим пиком

понимается наиболее значимая именная группа в предложении, которая детерминируется двумя взаимодействующими факторами: выделенностью в дискурсе и «фокусом интереса» говорящего [Ван Валин, Фоли, 1982, с. 389-390].

На ведущую роль факторов, создающих прагматический пик в процессе речепорождения, при выборе адекватных речевой ситуации синтаксических структур указывают многие лингвисты. Вот как трактует их роль К.А. Переверзев в связи с проблемой выбора конверсных структур в речи: «Отношения таких пропозиций (пропозициональных функций) – в центре которых находятся предикаты конверсивной семантики либо предикаты, противопоставленные по залогу, - отвлечены от деталей восприятия и концептуализации. Эти отношения объясняются коммуникативной функцией языка. А выбор и использование одной из пропозиций в речи описывается в категориях прагматики» [Переверзев, 1998, с. 33].

С.Д. Кацнельсон полагает, что в процессе порождения речи существенную роль играет не только содержание пропозиций, но также учет конкретной ситуации речи, степени осведомленности слушателя, общих целей коммуникации, места данного предложения в составе коммуникации и т.д. [Кацнельсон, 1986, с. 141].

Данная функционально-ролевая совокупность содержательных и прагматических факторов в речепорождении основана на постулате о том, что «сознание представляет собой скоординированное единство прагматических и когнитивных структур» [Никитин, 2001, с. 62]. Мысль человека субъективно приводит данные структуры в движение, называемое мыслительным процессом, в соответствии с заданной ситуацией коммуникативной стратегией.

Широкий спектр прагматических аспектов при реализации когнитивного основания синонимических парадигм выделяется Т.С. Сорокиной, в концепции функциональной грамматической синонимии которой широко трактуемый прагматический фактор речепорождения включает пресуппозиционную составляющую (лингвистическое окружение языковой единицы, конкретную речевую ситуацию, энциклопедическую информацию, знания коммуникантов о языке) и коммуникативную часть (коммуникативную интенцию говорящего) [Сорокина, 2003, с. 103].

Прагматические факторы признаются облигаторными и ключевыми условиями порождения речи и многими другими лингвистами (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева и др.).

Прагматический аспект присутствует на всех стадиях актуализации ситуационного фрейма, включая и сам результат данного процесса актуализации – поверхностные синтаксические структуры дискурса.

Выбранные из числа возможных альтернатив, потенциально заложенных в семантике и структуре фреймов, вербализованные синтаксические конструкции становятся единицами актуального синтаксиса – синтаксиса текста, прагматического феномена в том смысле, что он, по мнению Н.А. Слюсаревой, является синтаксисом самовыражения, нацеленным на восприятие слушающим не только логического развертывания мысли, но и отношения говорящего к сообщаемому. Н.А. Слюсарева особо подчеркивает, что актуальный синтаксис в известной мере модален, так как выражает отношение говорящего к сообщаемому, но эта модальность особого рода, поскольку она выявляет личностную окраску информации; кроме того, ключевые функции актуального синтаксиса – тему и рему – можно именовать прагматическими [Слюсарева, 1986, с. 5].

Доминирующая роль прагматических аспектов в функционировании языка объясняется тем, что любой участок текста как продукта речевой деятельности невозможно интерпретировать в отрыве от целей и стратегий говорящего, которые фактически предопределяют и содержательную, и формальную составляющие единиц текста. Не случайно поэтому и семантика, и синтаксис в лингвистических трудах последних десятилетий становятся все более прагматически ориентированными.

Трактовка прагматики как имманентного свойства языкового функционирования позволяет М.В. Никитину сделать концептуальный вывод о том, что язык насковзь прагматичен, и в его основании лежит прагматико-эгоцентрический фактор, который является базисным принципом структуры речевой деятельности [Никитин, 1996, с. 715].

В речевой деятельности прагматика теснейшим образом переплетается и взаимодействует с семантикой и формальным синтаксисом, что позволяет представить означаемое синтаксических единиц как совокупность трех содержательных планов: семантико-синтаксического, коммуникативно-синтаксического и коммуникативно-прагматического [Никитин, 1996, с. 589].

Наличие данного триединства, репрезентирующего означаемое синтаксических единиц, в том числе и предложений, исходит из известного постулата о трехмерном пространстве языка с его базовыми координатами: семантикой, синтактикой и прагматикой [Степанов, 1998, с. 380].

Отталкиваясь от данного положения, мы исходим из гипотезы, согласно которой выбор альтернативных конверсных структур в динамичном и сложном порождающем процессе речетворчества обусловлен факторами, имеющими семантическую, синтаксическую и прагматическую природу.

На органическую связь семантики, синтактики и прагматики, их взаимозависимость и взаимопроникновение друг в друга на разных стадиях процесса порождения речи указывают многие ученые, рассматривая данную триаду в рамках проблемы выбора синтаксических структур, в том числе и конверсных. Говоря о взаимодействии номинативного и коммуникативного аспектов предложения, Н.Д. Арутюнова отмечает, что «коммуникативное задание, возможно, дает о себе знать в выборе глагола, выражающего ту или иную направленность действия, то есть проникает в саму номинацию. Ср.: *Отец дал мальчику разрешение* (при альтернативном выборе *Мальчик получил разрешение от отца*)» [Арутюнова, 1972, с. 304]. Коммуникативное задание здесь рассматривается как часть общей прагматической стратегии одного из коммуникантов в процессе общения, что основано на подчиненно-видовом отношении коммуникации к прагматике, охватывающей многочисленные проблемы как лингвистики, так и смежных с ней наук.

О структурно-смысловом единстве пропозиции, представляющей синтаксическую схему предложения вместе с ее смыслом, а также фактически определенный вектор отношения между аргументами, говорит Е.С. Кубрякова: «При описании ситуации и события говорящий членит их соответственно собственному восприятию происходящего, вследствие чего факт актуального членения будущего предложения определяется вместе с формированием пропозиции. Пропозиция содержит в себе не только зародыш будущей субъектно-объектной схемы предложения, но и ее тема-рематического членения» [Кубрякова, 1986, с. 107].

Таким образом, триединство прагматики, семантики и синтаксиса, заложенное уже на когнитивном уровне, требует комплексного подхода при анализе механизмов, обеспечивающих выбор конверсных структур в процессе коммуникации. Ведущую роль в данной триаде играет прагматический фактор. Поэтому, вслед за Р. Ван Валином и У. Фоли, мы считаем обоснованным рассматривать взаимодействие между синтаксисом, семантикой и прагматикой как отношение, при котором синтаксические конструкции предопределяются в первую очередь, но не исключительно взаимодействием семантических и прагматических факторов [Ван Валин, Фоли, 1982, с. 378].

Выделение прагматических факторов, влияющих на выбор конверсных структур, представляет сложную задачу, поскольку прагматика пронизывает всю речевую деятельность, взаимодействуя и с ее содержательной ипостасью – семантикой, и с формальной структурой – синтаксисом; при этом наиболее тесная органичная и взаимопроникающая связь существует у прагматики с семантикой. По мнению М.В. Никитина, начинаясь с прагматики, язык как эгоцентрически ориентированный организм, предназначенный обслуживать и продвигать прагматические интересы говорящего, беспредельно обрастает семантикой. Процесс семантизации прагматики, в свою очередь, сочетается со встречным процессом прагматизации семантики, в результате чего со всей очевидностью «выявляется невозможность практически разграничить семантику и прагматику по предмету на основе того определения, что предмет семантики очерчивается отношениями знака к денотату и сигнификату, а предмет прагматики – отношениями между знаками и их пользователями» [Никитин, 1996, с. 716].

Именно прагматика делает семантику лингвистической дисциплиной в отличие от логической и математической семантики, привнося человеческий фактор в процесс отражения и концептуализации реального мира с помощью языковых знаков и обогащая тем самым и систему языка, и речевую деятельность свойствами и особенностями алогичного характера, к числу которых относится языковое явление конверсности.

Отмечая тесную взаимосвязь прагматики и семантики в процессе речепроизводства, вряд ли имеет смысл говорить о чисто прагматической составляющей функционирования конверсных структур в языке и соответственно выделять чисто прагматические факторы, влияющие на выбор конверсных структур из парадигматической «обоймы». В этой связи вполне логичным и обоснованным представляется использование многими лингвистами для характеристики разнообразных языковых явлений термина «прагмасемантический», в структуре значения которого ведущим компонентом признается прагматический.

Подчеркивая еще раз, что прагматические аспекты речевой актуализации пропозиций охватывают широчайший комплекс вопросов как лингвистического, так и междисциплинарного характера и по сути дела не имеют определенных контуров и границ, мы делаем попытку сосредоточиться на прагмасемантических факторах, которые основаны на постулатах фреймовой семантики и парадигматического синтаксиса. В такой трактовке данные факторы являются тем самым прагмасеманти-

ческими пиками, релевантными для реализации альтернативных конверсных структур в процессе коммуникации.

Одним из таких ключевых прагматических понятий, имеющих также и логико-семантическую природу, следует, на наш взгляд, считать референцию говорящего, трактуемую в лингвистике как «отнесение языковых выражений к предметам действительности, вытекающее из намерения говорящего» [БЭС, 2000, с. 390].

В прагмалингвистике выделяются следующие виды референции по ее отношению к фонду знаний коммуникантов: 1) интродуктивная (когда называемый предмет известен только говорящему), 2) идентифицирующая (когда называемый предмет известен обоим коммуникантам), 3) неопределенная (когда называемый объект неизвестен обоим коммуникантам) [БЭС, 2000, с. 411]. Реализация прагматической функции референции в дискурсе оказывается одним из важных факторов выбора направления предикативного отношения между двумя конверсантами, каждый из которых может получить интродуктивную, идентифицирующую или неопределенную функцию в речевой цепи в зависимости от presupпозиционного фонда и коммуникативной интенции говорящего.

Как показал анализ материала, в абсолютном большинстве случаев реализуется коммуникативно-тематический принцип «от известного – к неизвестному»: при прочих равных условиях преимущественное право точки отсчета отношения в предложении текста получает актант, идентифицированный и говорящим, и слушающим. Как правило, актант с интродуктивной или неопределенной референцией занимает позицию в правом окружении конверсного предиката, например:

1) *Cone is eating a Coney Island red-hot piled high with mustard, relish, sauerkraut, and peppers. He bought it from a sidewalk vendor, along with a can of cherry cola* [Saunders, 1988, p. 87];

2) *Then she brings out the blade she claims she borrowed from another dealer* [Saunders, 1988, p. 318].

В случае, когда оба конверсанта имеют статус идентифицирующей референции, то есть при определенном референтно-прагматическом равновесии говорящий в равной степени может выбрать один из двух векторов отношения, основываясь на других прагмасемантических факторах, ср.:

1) *My late husband taught me to be thorough. He was a teacher – of geometry* [Hailey, 1971, p. 174];

2) *It's a man named D.O. Guerrero. You sold him an insurance policy tonight, didn't you?* [Hailey, 1971, p. 378].

Следует также отметить, что в ряде структур, организованных некоторыми типами конверсных предикатов (например, трехместными и объектно-субъектными), один из объектов описываемой ситуации в силу коммуникативной незначимости или отсутствия необходимой информации у говорящего может «уходить в тень», не будучи выраженным *в поверхностной структуре, например*:

1) *Burne left in a quietly dramatic manner a week later. He sold all his possessions and came down to the room to say goodbye, with a battered old bicycle, in which he intended to ride to his home in Pennsylvania* [Fitzgerald, 1977, p. 420];

2) *Martinez, we borrowed three mirrors while you were gone. Look!* [Bradbury, 1981, p. 39].

В приведенных контекстах отсутствует именование одного из ключевых участников описываемых событий передачи-приобретения – покупателя или заимодавца, однако, несмотря на свою имплицитную удаленность и неопределенность, он вполне осознается коммуникантами как прототипический конверсант во фреймах «*sell-buy*» и «*lend-borrow*». Здесь мы имеем дело с имплицитной неопределенной прототипической референцией.

Таким образом, в дискурсе могут быть реализованы прагматически обусловленные различные виды референции по отношению к одному и тому же объекту (прототипическому актанту), ср.:

1. *John bought the book from Nick* (идентифицирующая референция);

2. *John bought the book from my relative* (интродуктивная референция);

3. *John bought the book from a student* (неопределенная референция);

4. *John bought the book* (имплицитная неопределенная референция).

Представляется, что потенциальная возможность конверсного преобразования данных структур (выражение отношения от продавца к покупателю) у говорящего градуально различна, что обусловлено разными типами реализованной референции; максимум конверсного потенциала заложен в первой структуре, минимум – в четвертой.

Вторым важнейшим прагмасемантическим фактором, существенно влияющим на выбор способа конверсизации, является, на наш взгляд, пресуппозиционный фонд коммуникантов, синтезирующий различного рода знания, которые необходимы для адекватного и успешного решения коммуникативных стратегий и задач. Хотя у каждого

коммуниканта есть свой пресуппозиционный фонд, в процессе выбора и порождения конверсных структур в дискурсе примарным оказывается пресуппозиционный фонд говорящего, который, однако, в своей речевой деятельности обязан учитывать и пресуппозиционный фонд слушающего.

Наше понимание пресуппозиционного фонда опирается на широкую трактовку понятия пресуппозиции, которое включает: 1) общую пресуппозицию – универсальные знания людей о мире, 2) частную пресуппозицию – знания о конкретной дискурсной ситуации и 3) лингвистическую пресуппозицию – знания о языке, которым пользуются коммуниканты.

Кроме референции и пресуппозиции, к блоку прагмасемантических факторов, безусловно, относится коммуникативная интенция говорящего, которая входит в коммуникативный аспект предложения. Одной из дискурсных реализаций коммуникативной интенции является «организация высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении придаётся наибольшее значение» [БЭС, 2000, с. 390]. Ключевым моментом такой организации признается выведение говорящим наиболее значимого участника описываемой ситуации в левую позицию предложения и создание тем самым уже упоминавшегося прагматического пика. В другой терминологической системе названный процесс определяется как топикализация, то есть оформление темы сообщения [БЭС, 2000, с. 449].

Особо следует подчеркнуть, что одним из важнейших параметров коммуникативной интенции говорящего является учет коммуникативных и информативных интересов слушателя, его пресуппозиционного фонда. Поэтому, как справедливо отмечает С.Д. Кацнельсон, в порядке развертывания предложения «отражается таким образом “равнение” на слушателя, учет степени его осведомленности. Темой высказывания становится член пропозиции, который, по догадке говорящего, наиболее известен слушателю и может поэтому послужить трамплином для скачка к неизвестному, к реме» [Кацнельсон, 1986, с. 138].

Вместе с тем коммуникативная интенция говорящего (или пишущего) не ограничена интересами только адресата речи: в ее сфере находятся намерения самого говорящего, который во многих случаях идентифицирует себя с одним из участников описываемого события, излагая его с точки зрения данного участника. Данное явление интенциональной сферы семантики, сигнификата и смысла [Степанов, 2002, с. 358] получило в лингвистике название эмпатии. С реализацией эмпатии

тии в языке связывается широкий круг явлений, в котором одну из центральных позиций занимают конверсные преобразования.

Точка зрения, или эмпатия, говорящего по отношению к ситуации основана на осмыслении человеком как носителя когниции некоторого фрагмента реальности и имеет, таким образом, когнитивный статус. С точки зрения когнитивной семантики «важным является ракурс, выбираемый «концептуализатором» при рассмотрении ситуации и для выразительного портретирования ее. Полная семантическая характеристика выражения устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания, относительная **выделенность** отдельных единиц и выбор точки зрения (перспективы) на описываемую сцену» [КСКТ, 1996, с. 73-74].

Изменение фокуса эмпатии представляет собой один из когнитивно-коммуникативных механизмов, с помощью которых реальная действительность проецируется в семантику естественного языка. Содержательная сторона статуса фокуса эмпатии состоит в том, что «человек обладает способностью представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения, и в том, что эта способность влияет на использование языка» [Чейф, 1982, с. 313].

Таким образом, актуализация одного из конститuentов конверсной парадигмы в тексте, являющемся продуктом мыслительно-речевой деятельности человека, зависит от воздействия целого комплекса взаимообусловленных факторов, приоритетную роль среди которых играют прагмасемантические факторы.

Примат прагматики в полифакторном подходе к проблеме выбора между конверсными структурами определяет данную проблему как когнитивно-коммуникативную.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2000.
- Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11.
- ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
- Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.

- Никитин М.В. Знак – Значение – Язык. СПб., 2001.
- Переверзев К.А. Высказывание и ситуация : об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. 1998. № 5.
- Слюсарева Н.А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения // Вопросы языкознания. 1986. № 4.
- Сорокина Т.С. Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вопросы языкознания. 2003. № 3.
- Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 2002.
- Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11.

Источники

- Bradbury R. A Medicine for Melancholy. New York, 1981.
- Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. Tender is the Night. This Side of Paradise. The Beautiful and Damned. The Last Tycoon. London, 1977.
- Hailey A. Airport. New York, 1971.
- Sanders L. The Timothy Files. New York, 1988.

ЯЗЫК НАУКИ В МЕХАНИЗМАХ СОЗДАНИЯ СМЫСЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Д.А. Кожанов

Ключевые слова: язык науки, термин, интертекст, интердискурсивность, метадискурсивность.

Keywords: language of science, term, intertext, interdiscursivity, metadiscursivity.

Многочисленные исследования феномена художественного текста, ориентированные на рассмотрение взаимодействия его синтаксического, семантического и прагматического уровней, способствовали формированию представлений о тексте как двойственной сущности. С одной стороны, текст представляет собой форму объективации авторского замысла, призванную сделать его знания, представления, эмоции и т.п. достоянием других людей [Бабенко, 2004, с. 10]. В данной трактовке тексту, рассматриваемому как автономное структурно-смысловое единство, отводится роль инструмента, или посредника,

призванного обеспечить передачу информации как между индивидами, так и между поколениями.

С другой стороны, ни одно исследование художественного текста не может претендовать на завершенность и объективность без обращения к личности читателя или интерпретатора текста. При этом предметом исследования выступает как результат, так и процесс понимания художественного текста, под которым подразумевается «обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержательности» [Богин, 1982, с. 4]. Основной задачей подобных исследований является комплексное и всестороннее изучение механизмов создания смыслов в сознании читателя в результате взаимодействия системы авторских концептов, находящихся свою объективацию в интерпретируемом тексте, и картины мира реципиента текста.

В данном случае текст предстает уже не как пассивный инструмент, а как смыслопорождающая система, способная не только передавать, но и генерировать новые смыслы. Интерпретирующий субъект, в свою очередь, может рассматриваться как среда данной системы, или «ближайшее окружение системы, с которым система функционирует и проявляет свои свойства» [Садовский, 1974, с. 84]. Таким образом, речь идет об открытой, динамической системе, средой функционирования которой является значительное число субъектов интерпретации (как реальных, так и потенциальных) каждый из которых обладает уникальным набором социальных и психологических характеристик. Функционирование данной системы, имеющее своим результатом формирование новых смыслов в сознании интерпретатора, обусловлено использованием различных кодов при создании и интерпретации текста.

Анализируя различные случаи несовпадения кода автора и кода читателя, Ю.М. Лотман описывает три возможных варианта развития ситуации. В первом случае читатель навязывает тексту свой код, подвергая текст перекодировке, а иногда и разрушению структуры. Результатом является появление нового сообщения на уже известном читателю языке. Во втором случае автор навязывает свой язык читателю, который усваивает его и делает своим инструментом интерпретации текста и моделирования смысла. И, наконец, третий случай предполагает создание нового кода, необходимого для прочтения текста. При этом код автора деформируется, подвергаясь креолизации с кодами, уже имеющимися в арсенале читателя, или перестраивается любым другим способом при переходе от автора к читателю [Лотман, 1998, с. 56-57].

Формирующийся в результате подобной деформации новый код, используемый для интерпретации художественного текста, способен организовывать случайные элементы текста, придавая им значимость, что ведет к увеличению числа значимых элементов. Как следствие, текст, при интерпретации которого читатель вынужден создавать новый код, выступает не только как средство передачи информации, но и как «некая пустая форма, которой могут быть приписаны самые разнообразные значения» [Эко, 1998, с. 73].

Данное утверждение легло в основу предложенной У. Эко классификации видов передаваемой в сообщении информации. С одной стороны, в каждом сообщении присутствует информация источника, или физическая информация, передача которой является целью автора сообщения. С другой стороны, У. Эко вводит понятие семиологической информации, источником которой служит само сообщение. Данная информация не исчисляется с помощью количественных методов, но определима через ряд значений, которые могут возникать при взаимодействии различных кодов [Эко, 1998, с. 74].

Вероятность несовпадения кодов автора и читателя прямо пропорциональна числу кодов, используемых в художественном тексте. Как следствие, значительный интерес, с точки зрения изучения механизмов порождения смыслов, представляют тексты, созданные с использованием двух и более кодов и требующие особой активности читателя при дешифровке. Примером такого текста является приведенный ниже фрагмент из романа английского писателя Дэвида Лоджа «Nice Work», в котором язык художественного текста тесно переплетается с языком науки, представленным терминами, прецедентными именами, цитатами из научных текстов и т.д.

Every text is a product of intertextuality, a tissue of allusions to and citations of other texts; and, in the famous words of Jacques Derrida (famous to people like Robyn, anyway), «il n'y a pas de hors-texte», there is nothing outside the text. There are no origins, there is only production, and we produce our «selves» in language. Not «you are what you eat» but «you are what you speak» or, rather «you are what speaks you», is the axiomatic basis of Robyn's philosophy, which she would call, if required to give it a name, «semiotic materialism». It might seem a bit bleak, a bit inhuman («antihumanist, yes; inhuman, no», she would interject), somewhat deterministic («not at all; the truly determined subject is he who is not aware of the discursive formations that determine him. Or her», she would add scrupulously, being among other things a feminist) [Lodge, 1998, p. 40].

Широкое использование единиц языка науки создает своего рода «интеллектуальный фон», так как тексты, к которым автор отсылает реципиента, являются легко узнаваемыми лишь для сравнительно небольшого круга читателей, принадлежащих к интеллектуальной элите общества. Как следствие, процесс интерпретации данного текста представляет собой своеобразный диалог автора и читателя, в котором авторские интенции сталкиваются с широким спектром возможных читательских реакций. Например, использование прецедентного имени французского философа, «известного в кругу людей, подобных Робин», способно вызвать с сознании реципиента целый ряд ассоциаций, имеющих как содержательный, так и эмоциональный характер.

С одной стороны, данный элемент научной картины мира связан сложной системой отношений с таким набором понятий, как «постмодернизм», «деконструкция», «французская школа философии языка», «постструктурализм», «грамматология» и др., которые с высокой степенью вероятности актуализируются при прочтении вышеприведенного фрагмента. С другой стороны, даже не являясь профессиональным ученым адресат подобных текстов так или иначе позиционирует себя по отношению к существующим в современной науке тенденциям и направлениям. Результатом такого позиционирования может являться проявление положительных или отрицательных эмоций при прочтении фрагмента текста, в котором используется данное прецедентное имя.

Поставив перед собой задачу описания механизмов создания смыслов при взаимодействии картин мира автора и читателя, исследователь сталкивается с необходимостью выбора методов анализа языкового материала, которые позволили бы получить непротиворечивые и верифицируемые результаты. Основная сложность заключается в том, что читатель, анализируя художественное произведение и давая эмоциональную и эстетическую оценку порождаемым текстом художественным образам, чрезвычайно редко выходит на вербальный уровень, являющийся уделом критиков и литературоведов [Караулов, 2010, с. 69]. Таким образом, в данном случае представляется невозможным создание строгих формальных процедур исследования, так как количественные и качественные характеристики возникающего в сознании читателя комплекса ассоциаций обусловлены его фоновыми знаниями, относящимися к области теоретической лингвистики. Эти ассоциации существенно варьируются от индивида к индивиду, подтверждая тезис вышеупомянутого философа о невозможности последовательной смысловой реконструкции любого литературного или философского тек-

ста, в котором смысл не может быть внешним или предшествующим по отношению к знаку [Хеффе, 2009, с. 252].

Из вышесказанного следует, что роль основного инструмента исследователя отводится его собственной языковой компетенции, а на первый план выходит интроспективный метод, предполагающий «удвоение» психики исследователя, при котором ментальная деятельность протекает на двух уровнях: уровень мыслей и уровень созерцания мыслей [Головин, 2001, с. 89]. Применение метода интроспективного анализа позволяет рассмотреть использующиеся в художественном тексте единицы языка науки как некое связующее звено между данным текстом корпусом научных и научно-популярных текстов, присутствующих в той или иной форме в сознании интерпретатора. При этом процесс интерпретации предстает как приращение значений единиц языка науки художественного текста, превращающегося в лишенный закрытости и законченности интертекст, за счет «семантически смежных текстов» [Фатеева, 2007, с. 38].

Например, термин " семиотический материализм", используемый Робин для того чтобы кратко охарактеризовать свое мировоззрение и преподносящийся как неологизм, оказывается связанным с целым корпусом предшествующих текстов и актуализирует ряд научных понятий, набор которых неизбежно отличается у разных читателей. С одной стороны, Робин предстает как незаурядный исследователь, стремящийся четко обозначить свою позицию, отграничив ее от значительного числа уже имеющихся форм материализма (исторический, диалектический, экзистенциальный и др.). При этом ее собственная претендующая на оригинальность позиция базируется на абсолютизации роли семиотики в процессах познания и мышления. Данный феномен детально рассматривался многими исследователями, в том числе У. Эко, предложившим термин «*arrogant imperialism*» («высокомерный империализм») для обозначения тенденции семиотики, являющейся общенаучным знанием, к распространению своего видения на весь окружающий мир. Позднее в работах последователей данный термин преобразуется в «семиотический империализм» [Тайсина, 2011, с. 147-148]. Следовательно, читатель может прийти к выводу, что Робин в своем стремлении поставить семиотику над философией делает «следующий шаг» в области терминообразования, однако ее собственная роль в этом процессе сводится лишь к замене стилистически маркированной в данном контексте языковой единицы «империализм» на научный термин «материализм».

С другой стороны, существует вероятность, что термин «семиотический материализм» не будет интерпретирован как новый, так как некоторые читатели могут быть знакомы с работами американских философов Д. Деннета и Д. Дэвидсона, использовавших данный термин при описании особенностей психологии человека по аналогии с программным обеспечением компьютера [Дэвидсон, 1993]. Таким образом, Робин использует термин философской школы физикализма наделяя его новым значением и, вероятно, не подозревая о том, что авторство ей не принадлежит. Данный пример свидетельствует о наличии широкого диапазона возможных реакций читателя, обусловленного различиями в системе концептов, присутствующих в сознании индивида.

Подводя итоги, следует отметить, что речь идет не только о «диалоге между текстами», но и о взаимодействии различных семиотических систем, к которым относятся язык художественного текста и различные виды научного метаязыка, в нашем случае метаязыка лингвистики. Интерес к подобному взаимодействию отражает современное состояние филологической науки, которое можно охарактеризовать как многообъектность, находящая свое отражение в обращении филологических дисциплин к тексту, естественному языку и человеку говорящему (*homo loquens*) [Чувакин, 2012, с. 150]. Феномен взаимодействия различных семиотических систем, для обозначения которого в современных исследованиях используется термин «метадискурсивность», является частным случаем еще недостаточно подробно изученного явления, известного как интердискурсивность. Детальное изучение категории интердискурсивности, отражающей взаимодействие художественного дискурса с различными вербальными (научный метаязык) и невербальными (музыка, живопись, кино) семиотическими системами, открывает новые перспективы описания механизмов функционирования художественного текста в качестве смыслопорождающей системы.

Литература

Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., 2004.

Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.

Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск, 2001.

Дэвидсон Д. Материальное сознание // Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 1998.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974.

- Тайсина Э.А. Гносеология экзистенциального материализма // Очерки новой гносеологии. Казань, 2011.
- Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов : Контрапункт интертекстуальности. М., 2007.
- Хеффе О. Современная западная философия. Энциклопедический словарь. М., 2009.
- Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации // Филология и человек. 2012. № 4.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.
- Lodge D. Nice Work. London, 1988.

КОНЦЕПТ «ИНТЕРНЕТ» В АМЕРИКАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

И.В. Рогозина

Ключевые слова: сознание, ментальная структура, сетевое мышление, Интернет-коммуникация, ассоциативный эксперимент, концепт, формат представления знания.

Keywords: mind, mental structure, network thinking, Internet communication, associative experiment, concept, format of knowledge representation.

В настоящее время имеются необходимые основания для констатации того факта, что в современном мире Интернет, предоставляя пользователям возможность доступа к многочисленным информационным ресурсам, становится если не основным, то одним из основных источников знания. В качестве источника знания принципиально нового типа Интернет оказывает беспрецедентное влияние на сознание пользователей, количество которых во всем мире составляет более 50 миллионов и продолжает постоянно расти. Влияние на сознание выражается в формировании у пользователя ментальных структур, детерминированных его деятельностью в сети Интернет. Эти ментальные структуры, необходимые для обработки, представления и хранения знания, позволяют пользователю «принимать во внимание все больше и больше разнородных данных» [Иванов, 2000, с. 35].

Перманентно протекающие когнитивные процессы, сопутствующие деятельности в Интернет-пространстве, порождают ментальные структуры, которыми оперирует формирующееся сетевое мышление пользователя [Рогозина, 2012, с. 157-168]. Необходимо подчеркнуть,

что формирование сетевого мышления является результатом происходящих кардинальных изменений в способах представления и хранения знания, что позволяет исследователям делать вывод о постепенном формировании включенного в сеть Интернет глобализующегося сверхобщества [Шилина, 2009]. Важным следствием формирования сетевого мышления является то, что оно оказывает существенное влияние на развитие языка. В частности, Р. Гоцци убежден в том, что «по мере формирования общества, в котором доминируют электронные медиа, изменяется наше отношение к языку» [Gozzi, 2001, р. XI] (перевод мой. – *И.Р.*). Возникновение новых ментальных структур, на наш взгляд, возможно эксплицировать осуществляемой создателями Интернет-контента трансформацией «уже существующих в социуме форм, видов, кодов», делающей «возможным возникновение, закрепление и распространение инновационных способов коммуникации, постоянно пополняющих и видоизменяющих сенсорный, ментальный, социопсихологический, социокультурный, коммуникативный опыт языкового социума» [Усачева, 2009, с. 55].

Вместе с тем, анализ публикаций, посвященных осмыслению влияния сети Интернет на оформление «глобализующегося сверхобщества», свидетельствует об их недостаточной объяснительной силе, главным образом, вследствие выраженного «технократического» уклона при формулировании предлагаемых дефиниций. И действительно, в фокусе внимания большинства исследователей оказываются скорее технологические стороны функционирования сети Интернет, нежели ее антропологическое, когнитивное измерение. Если обратиться к предлагаемым определениям, то легко проследить определенный дисбаланс в осмыслении сложнейших процессов, возникающий вследствие исключения пользователя из рассмотрения и анализа. Так, например, М.Г. Шилина, сравнивая Интернет с досетевыми медиа, указывает на то, что это – «не только канал, средство, но и среда коммуникации», причем согласно автору, среда «впервые становится равноправным субъектом коммуникации», ее «самостоятельным участником» [Шилина, 2009]. На наш взгляд, придание субъектных свойств Интернету и попытки эксплицировать его сущность через метафору «среда» не обладают достаточным объяснительным потенциалом, поскольку упускается из виду, что реальными субъектами являются создатели этой «среды» – как создатели интернет-контента, так и пользователи.

Практически в таком же «технократическом» ключе рассматривает Интернет- и веб-коммуникацию О.Ю. Усачева, определяя ее как общение в глобальной электронной среде, «возникшей вследствие объ-

единения персональных компьютеров в единую сеть и обеспечивающей высокоскоростное прохождение информационных потоков», причем обращает на себя внимание приоритет, отдаваемый автором метафорической трактовке сетевой компьютерной среды как особого коммуникационного пространства, «производного от технических мультилинейных средств связи» [Усачева, 2009, с. 55] (курсив мой. – И.Р.). К сожалению, такой подход, не принимающий во внимание сознание пользователя, не проясняет антропологически значимые структуру и сущность сети Интернет. Очевидно, что сущность и структура Интернета не сводится для пользователя к технологическим аспектам его функционирования, а определяется иным, прежде всего, когнитивным аспектом его использования, основывающимся на вырабатываемых человеком принципах представления, хранения и переработки информации. Например, связанные с гипертекстовым форматом, многомерность (гиперссылки) и мультимедийность являются лишь технологической основой создания информационно и эмоционально насыщенных структур знания. В связи с вышесказанным не вызывает сомнений необходимость всестороннего исследования феномена Интернета посредством моделирования тех структур сознания пользователя, которые фиксируют как его устройство, так и оценку его значимости.

Настоящая статья является продолжением исследования, предпринятого с целью создания многомерной лингвистической модели сетевого компонента языкового сознания на основе экспериментальных методов, позволяющих обнаружить различные форматы хранения и представления знания в Интернете¹. Использование метода завершения экспериментальной фразы «Для меня Интернет – это ...» и осмысление полученных результатов положили начало моделированию фрагмента сетевого сознания. Примененный тогда метод вывел исследование на метафорический слой сетевого сознания, поскольку испытываемые в попытках эксплицировать феномен Интернета, главным образом, овнешняли свои представления о нем посредством таких метафор, как *хранилище, вместилеще, источник, кладезь, кладовая, запас, библиотека, справочник, свалка, барахолка*. Такие метафоры оказались необходимыми испытываемым для осмысления и фиксации информационно-количественных параметров сети Интернет. Наличие метафорического слоя сетевого сознания, выявленного экспериментом, полностью соответствовало выводам Р. Гоцци об интернализации когнитивных признаков новых медиа, в виде метафор [Gozzi, 2001, р. XI], по-

¹ Статья первая опубликована в: Филология и человек. 2012 № 4.

скольку сознание сфокусировано на поиске черт сходства при восприятии нового.

С целью получения новых данных для продолжения моделирования и выявления иных структур, конституирующих сетевое сознание, нами был применен метод ассоциативного эксперимента. Поскольку, формирование сетевого общества определяется использованием Интернета в качестве «коллективной базы знаний и совокупного интеллектуального потенциала» [Шилина, 2009] (курсив мой. – *И.Р.*), потребовалась верификация предположения об универсальном характере ментальных структур, формирующихся под влиянием Интернета. Для выявления таких универсальных структур сознания, формируемых разноязычными Интернет-пользователями и верификации предположения об отсутствии при этом этнокультурных особенностей был проведен ассоциативный эксперимент в двух этнически различных группах респондентов. В общей сложности в эксперименте, проведенном в конце 2012 года, приняло участие 136 человек, из них 68 американцев и 68 русских. Поскольку организовать участие в эксперименте большого количества американских испытуемых по объективным причинам затруднительно, слово-стимул *Интернет* было сначала предложено американским респондентам, от которых было получено 68 реакций. Для валидности результатов эксперимента слово-стимул *Интернет* было предложено такому же количеству русских респондентов. Получение реакций от двух лингвокультурно отличных групп респондентов, как было сказано выше, преследовало цель верификации предположения об универсальности вектора, задающего направленность в формировании ментальных структур, детерминируемых использованием Интернета.

Обработав и проанализировав полученные в процессе ассоциативного эксперимента реакции, мы продолжили реконструкцию сетевого сознания на базе концепта и по этой причине распределили их по трем его основным компонентам. При этом мы исходили из того, что его основными тремя компонентами являются *понятие, представление, эмоция/оценка* [Пищальникова, 2003, с. 97]. При выделении понятийного компонента концепта *Интернет* мы опирались на дефиниции, предлагаемые различными энциклопедическими источниками. В частности, были привлечены две дефиниции, определяющие Интернет как «всемирную глобальную компьютерную сеть, предоставляющую пользователям возможность доступа к многочисленным информационным ресурсам и электронной почте» [Бизнес-словарь, URL] и служащую «физической основой для Всемирной паутины (World Wide Web,

WWW)», «часто упоминаемой как **Всемирная сеть** и **Глобальная сеть**» [Энциклопедия Кругосвет, URL]. Поэтому к понятийному компоненту были отнесены следующие реакции (рис. 1):

АМЕРИКАНСКИЕ РЕСПОНДЕНТЫ	РОССИЙСКИЕ РЕСПОНДЕНТЫ
computer (13), Web (8), www (2), Worldwide web (1), information (6), communication (3), connection (3), technology (3), search (2).	компьютер (10), сеть (10), информация (5), ресурсы (1), общение (1), контакт (2), средство (1), поиск (1), планета Земля (1).

Рис. 1

Обращает на себя внимание сходство реакций разноязычных респондентов, формирующих понятийный компонент концепта *Интернет*. Элементы статистического анализа реакций, показывают, что в обеих группах на долю понятия приходится максимальное количество реакций: 41, или 60% всех реакций, полученных от американских респондентов и 32, или 47% всех ассоциатов российской группы респондентов. Показательно, что самыми множественными стали практически одни и те же реакции. Они продемонстрировали, что для представителей разных этносов наиболее значимыми являются следующие когнитивные признаки Интернета:

1. *средство доступа к Интернету* – computer (13) / компьютер (10);
2. *сетевой принцип организации Интернета*– сеть (10) / Web (8), www (2), Worldwide web (1);
3. *основной объект поисковой деятельности пользователя в Интернете* – information (6) / информация (5);
4. *возможность коммуницировать посредством Интернета* – connection (3) / контакт (2);
5. *способ получения знания в Интернете*– search (1) / поиск (1).

Таким образом, понятийный компонент концепта *Интернет* фиксирует цели пользователя, заключающиеся в поиске знания, доступ к которому осуществляется через сетевую организацию компьютеров. В этом случае получаемое знание понимается как ментальная репрезентация результатов либо одностороннего поиска информации, состоящего, как правило, в чтении сетературы, скачивании файлов и др., либо двусторонних или многосторонних контактов с другими пользователями [Рогозина, 2012, с. 160-161].

Логика отнесения реакций к компоненту концепта *представление* опирается на понимание представления как операционально значимого компонента мышления, в основе которого лежит предметная наглядность. Представляется, что моделирование именно этого компонента способно в наибольшей степени открыть те особенности сетевого сознания, которые, фиксируя специфику деятельности пользователя в Интернете, открывают актуальные для него «участки» Интернета и тем самым обнаруживают его антропологически значимое структурное устройство.

От респондентов обеих групп были получены следующие реакции-представления (рис. 2):

АМЕРИКАНСКИЕ РЕСПОНДЕНТЫ	РОССИЙСКИЕ РЕСПОНДЕНТЫ
Google (4), Facebook (3), Twitter (1), Website (1), Ebay (1), news (1), email (1), games (1), TV (1).	Гугл (2), Google Chrom (1), Яндекс (2), эксплорер (1), сайт (3), скайп (1), соц. сеть (1), в контакте (6), windows (1), программа (1), игры (1), музыка (1).

Рис. 2

Как компонент концепта представление оказалось актуальным для 20,5% (14 реакций) российских и 33,8% (23 реакции) американских респондентов, зафиксировавших общие для обеих групп операционально (когнитивно) значимые «участки» Интернет-пространства:

1. *поисковые системы* – Google (4) / Гугл (2), Google Chrom (1), Яндекс (4), эксплорер (1);
2. *социальные сети* – Facebook (3) / В контакте (6);
3. *Интернет-ресурсы* – Website (1) / сайт (3);
4. *блог-платформы* – Twitter (1) / ЖЖ (1);
5. *игры* – игры (1) / games (1).

Полученные результаты, на наш взгляд, показывают, что представление, будучи операциональным компонентом мышления, как нельзя лучше соотносится с понятиями *ситуация использования Интернета* [Crystal, 2002] и *формат* [Dieter, 2006], введенными в научный оборот западными исследователями. К ситуациям использования Интернета (broad Internet-using situations) Д. Кристал относит электронную почту, чаты, виртуальные миры и ВЕБ-тексты. Понятие же формата представляется более продуктивным для моделирования фор-

мируемых Интернетом когнитивных структур. Это понятие, не являясь в настоящее время устоявшимся и общепринятым, тем не менее, позволяет отделить технический уровень использования Интернета от антропологического. Кроме того, оно дает возможность выйти на те ментальные структуры, которые, фиксируют антропологическое измерение сети Интернет. Это измерение обнаруживает себя как принципиально открытый инвентарий коммуникативных форматов, задаваемых условиями и границами коммуникации и определяемых, с одной стороны, техническими, а с другой, – «оформительскими» композиционно-лингвистическими средствами [Dieter, 2006]. Представляется, что именно коммуникативные форматы фиксируются мышлением пользователя в качестве особых когнитивных структур представления и извлечения знания в процессе деятельности в Интернете.

Рассмотрим выявленные экспериментом и зафиксированные реакциями испытуемых коммуникативные форматы в когнитивном аспекте. Количественные показатели реакций свидетельствуют о том, что формат поиска знания через поисковые системы (Google (4), Гугл (2), Google Chrom (1), Яндекс (4), эксплорер (1) представляет особую значимость для пользователей. Эта когнитивная структура используется для поиска представленного в Интернете знания, и обеспечивает одностороннее интернет-общение, при котором пользователь выполняет функцию реципиента, принимающего и обрабатывающего информацию.

В отличие от формата «поиск информации» границы формата социальных сетей (Facebook (3), В контакте (6)) как особой когнитивной структуры определяются выраженной потребностью индивида в социализации – в установлении и поддержании коммуникативных социальных связей. Социальные сети также позволяют пользователям восстанавливать утраченные социальные контакты посредством поиска друзей, одноклассников, одногруппников, знакомых, коллег по работе и пр. Социальная сеть Facebook представляет собой самую крупную социальную сеть в мире, в то время как ВКонтакте – это крупнейшая социальная сеть в Рунете. Значимость социальных связей, их установления и поддержания подтверждается большим количеством коммуникантов, использующих в формат социальных сетей. Это свидетельствует об активном развитии массовых горизонтальных связей, «формирующих неиерархический дискурс» на основе «веб 2.0 как явления, определяемого глокальностью и антропоцентризмом, пришедшим на смену глобальности и киберцентризму первой версии» [Шилина, 2009].

Реакции респондентов также зафиксировали формат представления знания, становящийся все более востребованным пользователями – формат блогов (Twitter (1), ЖЖ (1)). Эта когнитивная Интернет-структура предоставляет возможность общения с читателями и другими блогерами, ведущими свои блоги на Твиттере и в ЖЖ.

Примечательно, что компонент концепта *представление* показывает не только совпадение, но и определенную диверсификацию реакций разноязычных респондентов, что, на наш взгляд, не противоречит идее о наличии универсального вектора в формировании сетевого мышления независимо от лингвокультурной принадлежности пользователя. Так, помимо названных совпадающих форматов, единичные реакции американских респондентов фиксируют и такие форматы как:

1. **новостные сайты** – news (1);
2. **телевидение онлайн** – TV (1);
3. **интернет-аукционы** – eBay (1);
4. **электронная почта** – email (1).

Если первым двум форматам присуща односторонность в представлении знания, то последние два отличает двусторонность, что особенно относится к формату электронной почты, открывающей возможности не массового определенного межличностного общения. Формат электронной почты «характеризуется, во-первых, ограниченностью доступа к ресурсу, имеющему определенный электронный адрес, для всех пользователей Интернета, кроме хозяина почтового ящика; во-вторых, двуправленностью (технически обеспеченной возможностью обратной связи пользователя с ресурсом) и персональной адресацией коммуникации; в-третьих, приватностью (непубличностью) коммуникативных обменов» [Усачева, 2009, с. 63].

В свою очередь, российские респонденты единичными реакциями зафиксировали следующие Интернет-форматы:

1. **общение по скайпу** – скайп (1);
2. **программы** – программа (1), windows (1);
3. **музыкальные ресурсы** – музыка (1).

Таким образом, модель концептуального слоя сетевого сознания, конституируемая некоторым множеством познавательных структур (Интернет-форматов), фиксирующих антропологически значимые параметры Интернета, отражает активную вовлеченность пользователя в соответствующую деятельность, в процессе которой он выполняет функции и продуцента, и реципиента, не только осуществляющего поиск знания, но и презентующего его.

Для построения модели фрагмента сетевого сознания на базе концепта также актуально изучение влияния пребывания в Интернете на эмоциональную сферу пользователя, поэтому фиксация в процессе эксперимента эмоций и оценок, вызываемых у пользователей их деятельностью в Интернете, имеет существенное значение. Полученные реакции свидетельствуют о том, что *эмоция / оценка* как еще один значимый компонент концепта – конституируется одинаковым количеством эмоционально-оценочных реакций (19,1% от общего количества реакций) как у американских, так и у российских респондентов (рис. 3):

АМЕРИКАНСКИЕ РЕСПОНДЕНТЫ	РОССИЙСКИЕ РЕСПОНДЕНТЫ
good (1), useful (1), vast (1), variety (1), social (1), time (1), bad (1), useless (1), irritating (1), addicting (1), confusing (1), too much information (1), no (1).	быстрый (3), скоростной (1), повсюду (1), свобода (1), время (1), ее (1), зло (3), наркотик (1), не работает (1).

Рис. 3

Из 13 эмоционально-оценочных реакций американских респондентов 50% выражают положительную эмоцию/оценку: good (1), useful (1), vast (1), variety (1), social (1) и 50% отрицательную – bad (1), useless (1), irritating (1), addicting (1), confusing (1), too much information (1), no (1). Как следствие, для американских респондентов когнитивно значимыми являются такие положительные свойства Интернета, как *полезность, разнообразие, обширность, социальность*, в то время как негативную эмоцию/оценку вызывают такие связываемые с ним свойства, как *бесполезность, способность сбивать с толку, вызывать раздражение, предлагать слишком много информации и вводить в заблуждение*.

Для 50% российских респондентов, зафиксировавших эмоцию / оценку, когнитивно значимыми положительными свойствами Интернета являются *быстродействие, вседусущность, и предоставляемая свобода*, в то время как отрицательными представляются связанные с пребыванием в Интернете временные затраты и его способность формировать аддикцию, что воспринимается как зло.

Осуществленное в настоящей статье моделирование концептуального слоя сетевого сознания пользователя позволяет прийти к определенным промежуточным выводам. Зафиксированные респондентами,

принадлежащими к различным лингвокультурным общностям, реакции овнешняют универсальные ментальные структуры, переработки, хранения и представления знания: *понятие, представление и эмоцию / оценку* (рис. 4):

Рис. 4. Модель сетевого сознания

Понятийный компонент концепта фиксирует сетевой принцип организации Интернета, доступ к которому осуществляется через два вида деятельности – поисково-коммуникативную и межличностно-коммуникативную. Реакции компонента концепта *представление* вычленяют коммуникативные форматы представления и извлечения знания, в основе дифференциации которых лежат коммуникативные цели, устанавливающие границы общения. Коммуникативные форматы представляют собой особые когнитивные структуры, обеспечивающие саму возможность различных видов деятельности пользователя в глобальной сети. Модель фрагмента сетевого сознания включает и эмоционально-оценочный компонент, фиксирующий поляризованность мнений разноязычных пользователей, выражающуюся в перечнях преимуществ и недостатков пребывания в Сети.

Литература

- Бизнес-словарь. [Электронный ресурс]. URL: http://www.businessvoc.ru/bv/Term.asp.word_id=25637 (Дата обращения 29.07.2013).
- Иванов Л.Ю. Язык интернета : заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М., 2000.
- Пищальникова В.А. Общее языкознание. М., 2003.
- Рогозина И.В. Лингвистическая модель сетевого компонента языкового сознания // Филология и человек. 2012. № 4.
- Усачева О.Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2009. № 3.
- Шилина М.Г. Интернет-коммуникация и теоретические аспекты исследований масс-медиа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/404> (Дата обращения 15.07.2013).
- Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/> (Дата обращения 01.07.2013).
- Crystal D. Language and the Internet. Cambridge, 2002.
- Dieter J.. Webliteralitat. Lesen und Schreiben im World Wide Web. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webrhetorik.de/Arbeit/Webliteralitat.pdf> (Дата обращения 17.06.2013).
- Gozzi R., Jr. The power of metaphor in the age of electronic media. NJ, 2001.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ ПРИ КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С.Е. Родионова, Т.В. Григорьева, А.Е. Родионова

Ключевые слова: компетенция, самостоятельная работа, инновационные образовательные технологии, активные и интерактивные методы обучения, реформа образования, ФГОС.

Keywords: competence, self-study, innovative education technologies, active and interactive teaching methods, education reform, federal national educational standard (FNES).

Набирающая темпы реформа образования, переход российских высших учебных заведений на новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), идеология, заложенная в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (2012), настоятельно требуют от руководства вузов, всего преподавательского сообщества и каждого конкретного преподавателя пересмотра привычных подходов к организации образовательного процесса. Студентоцентрированный принцип его построения, определяемый всей логикой реформ в соответствии с принятыми сегодня, в том числе и Россией, базовыми принципами Болонского процесса, предполагает существенное повышение самостоятельности обучающихся, их активное участие в формировании своих индивидуальных образовательных траекторий. От преподавателя в этой ситуации требуется поиск наиболее эффективных и адекватных способов организации как аудиторной, так и внеаудиторной работы студентов, применения активных и интерактивных методов обучения, инновационных образовательных технологий.

В то же самое время компетентностный формат построения новых образовательных стандартов (ФГОС) требует направлять все усилия студента и преподавателя на формирование компетенций – динамических сочетаний знаний, суждений, умений, практических навыков и этических установок, которые обучающийся обязан продемонстрировать после завершения части или всей образовательной программы. Очень важно подчеркнуть, что компетенции развиваются всеми компонентами образовательной программы, всеми видами учебной деятельности студента, и в значительной степени – его самостоятельной работой, направляемой и контролируемой преподавателем. Однако до сих пор в академическом сообществе нет понимания, что самостоятельная работа не менее, а более важна для студента, чем работа аудиторная. Ср. мнение социологов: «Кризисное состояние высшей школы и проблемы ее финансирования ... негативно сказываются на организации учебного процесса в вузе. Снижается продолжительность аудиторных занятий и параллельно возрастает загруженность студенческой молодежи самостоятельными занятиями по программе вуза, что отражается на качестве подготовки специалистов» [Большакова, 2006, с. 7].

При этом интересный материал, касающийся понимания преподавателями и обучающимися того, какое место занимает самостоятельная работа студентов в общей структуре учебного процесса, мы находим в материалах мониторинга эффективности внедрения федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) ВПО, осуществлявшегося Ассоциацией классических университетов России (АКУР) по заданию Министерства образования и науки РФ в течение 2011–2013 годов (см. об этом, например: [Опыт внедрения ФГОС..., 2012; Экспертно-аналитическое обеспечение качества..., 2012]). Так, на вопрос анкеты: «Какая доля от общего времени, затрачиваемого Вами на обучение, приходится на самостоятельную работу?» – 13,8% бакалавров-респондентов ответили, что они тратят менее трети учебного времени на самостоятельную работу, 51,2% – от 30 до 50 процентов учебного времени, а 34,1% – более половины своего учебного времени. Среди магистрантов число затрачивающих более половины своего учебного времени на самостоятельную работу еще выше – 54,1%. Таким образом, перенос центра тяжести на самостоятельную работу если пока не произошел, то, по крайней мере, уже осознается студентами, как необходимый и назревший процесс.

Показательным в проведенном анкетировании студентов является и то, что, хотя все еще очень большое число студентов-бакалавров в

качестве основной формы самостоятельной работы называют весьма традиционные «решение задач, примеров, выполнение упражнений практических и аналитических заданий» (68,4%), «подготовку и написание рефератов, докладов» (75,9%), все же при этом очень многие уже активно используют такие инновационные формы, как, например, «оформление мультимедийных презентаций учебных разделов и тем, плакатов и буклетов, наглядных пособий, макетов, слайдов» (69,5%), «работа с базами данных, изучение официальной, статистической, периодической научной информации, составление аннотированного списка статей» (56,1%), «решение ситуационных, проблемных и др. задач (кейс-стади)» (55,9%) и даже «разработка сценариев ролевых (деловых) игр оформление их результатов» (41,4%). Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что процесс пересмотра форм организации самостоятельной работы студентов несомненно начат и сегодня требует к себе приоритетного внимания.

Нужно отметить, что к осмыслению проблем, связанных с совершенствованием самостоятельной работы студентов, поиску современных подходов к ее обеспечению, российские филологи обратились достаточно давно (см., например: [Ковтун, Родионова, 2005]). Уже тогда, почти десятилетие назад, сложилось понимание того, что необходим существенный пересмотр привычных форм организации и контроля СРС, кардинальные изменения в ее методическом и материальном обеспечении. В последующие годы, и особенно после введения в действие в 2011 году ФГОС, первостепенное внимание стало уделяться вопросам применения инновационных образовательных технологий в конкретных образовательных программах, поиску наиболее адекватных и эффективных методов обучения (см., например: [Образовательные технологии в вузе, 2012; Родионова, Григорьева, 2012]).

Нам представляется, что сегодня важнейшим этапом в реализации компетентностного подхода к организации всего образовательного процесса должно стать определение того, как увязываются между собой: а) компетенции, б) формирующие их дисциплины и практики, в) виды аудиторной и самостоятельной работы студентов и, наконец, г) применяемые при этом традиционные и инновационные образовательные технологии, активные и интерактивные методы обучения. Путем осмысления, апробации и внедрения в учебный процесс современных методов и технологий должна в ближайшие годы сформироваться целостная система, обеспечивающая реализацию компетентностной модели выпускника вуза.

Понятие «активные» и «интерактивные» методы обучения широко применяются сегодня, прежде всего потому, что их использование является неременным требованием реализации основных образовательных программ (ООП), построенных на основе ФГОС. Они являются частью инновационных образовательных технологий, под которыми понимают в том числе использование на практике наиболее эффективных и последовательных образовательных действий. В понятии «инновационные образовательные технологии» можно выделить две составляющих: информационные технологии (компьютерные, мультимедийные, интернет-технологии) и инновационные педагогические технологии (технологии обучения). Последние рассматриваются как альтернатива традиционному обучению, основанному на авторитарной педагогике требований, которая проявляется в регламентации деятельности, принудительности обучающих процедур, централизации контроля, ориентации на «среднего» студента.

Мы уже делали попытку в предыдущих своих публикациях, исходя из системы общекультурных и профессиональных компетенций, сформулированных в каком-либо ФГОС (например, по направлению «Филология»), предложить соотносимую с ней систему активных и интерактивных методов обучения, примеров конкретного их применения в ходе освоения различных дисциплин и практик [Родионова, Григорьева, 2012]. Представляется необходимым в качестве следующего этапа решения задачи построения данной системы остановиться на использовании инновационных методов в организации СРС.

Напомним, что во ФГОС по направлению подготовки бакалавра филологии выделяются 15 общекультурных (ОК) и 16 профессиональных (ПК) компетенций. Учебный план, разработанный на основе данного государственного стандарта, включает в себя более 60 различных учебных дисциплин, а также учебных и производственных практик, которые (как это уже отражено в плане и учебно-методических комплексах дисциплин (УМКД), разработанных преподавателями) участвуют в формировании различных компетенций в рамках данной компетентностной модели. Отметим, что в общем объеме часов, отводимых на освоение данных дисциплин, примерно половина времени отводится на самостоятельную работу студентов, и эта работа занимает совершенно равноправное место в получении студентами так называемых зачетных единиц («кредитов» – в европейской терминологии), в которых теперь измеряется

трудоемкость образовательной программы, а значит – требует от преподавателя не меньшего внимания и методических усилий по своему обеспечению, чем работа аудиторная.

Существенно также и то, что именно самостоятельная работа позволяет наиболее полно использовать не только **активные** методы, которые нацелены на самостоятельное овладение студентами знаниями в процессе познавательной деятельности, выработку у обучающегося сознательного отношения к учебе, стремления самостоятельно мыслить, находить свой подход к решению проблемы, получать знания, но и методы **интерактивные**, ориентированные на широкое взаимодействие преподавателя (реального или виртуального) и студентов, а также студентов друг с другом, предполагающие моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, общее решение вопросов на основании анализа обстоятельств и ситуации, требующие умения работать в команде, сотрудничать, находить выход из неординарных ситуаций.

Попытаемся проследить, как конкретные образовательные технологии, основанные на применении активных и интерактивных методов обучения, в соотнесении их с конкретными дисциплинами и формируемыми общекультурными (ОК) и профессиональными (ПК) компетенциями бакалавра по направлению «Филология» могут быть использованы для успешной организации самостоятельной работы студентов-филологов.

Одним из наиболее эффективных методов, удачно сочетающих в себе активные и интерактивные составляющие, является, несомненно, **метод проектов**. Его использование представляется тем более необходимым потому, что во ФГОС по направлению «Филология» проектная деятельность включена как один из видов профессиональной деятельности, наряду с научно-исследовательской, педагогической и прикладной. Проектная деятельность будущего филолога предполагает «участие в разработке и реализации научных проектов в области филологии и гуманитарного знания; образовательных проектов, в том числе связанных с организацией креативной деятельности обучающихся; проектов по созданию экспозиций для литературных и литературно-художественных музеев; проектов, связанных с поддержанием речевой культуры населения; филологических проектов для рекламных и PR-кампаний» (см. ФГОС по направлению «Филология»). Под выполнением проекта понимается деятельность студентов, связанная не просто с изучением и описанием какого-либо научного материала, но с решением той или иной практической проблемы в результате самостоятель-

ных действий с обязательной презентацией результатов. Проект должен быть выполнен на какую-то актуальную тему, обладать практической значимостью (с возможным использованием его результатов), новизной решений, публичностью; давать возможность продемонстрировать эффективность и слаженность участников работы, умелое распределение обязанностей, навыки планирования и подведения итогов работы.

В связи с этим серьезной подготовительной стадией может стать осуществление студентами в рамках СРС таких учебных проектов, как, например, проект «Оформление Web-странички «Новости определенного направления лингвистики (психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии)» (учебные дисциплины – «Актуальные проблемы лингвистики», «Общее языкознание», «Лингвокультурология», «Социолингвистика», «Психолингвистика»; формируемые компетенции – ОК-1 Владение культурой мышления, способность к восприятию, анализу обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; ОК-2 Владение нормами русского языка, навыками практического использования системы функциональных стилей речи, умение создавать и редактировать тексты профессионального назначения на русском языке; ОК-8 Осознание социальной значимости своей профессии, высокая мотивация к профессиональной деятельности; ПК-1 Способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка и литературы, теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии; ПК-7 Владение навыками подготовки научных обзоров, аннотаций, составления рефератов и библиографий по тематике проводимых исследований, приемами библиографического описания; знание основных библиографических источников и поисковых систем).

Другой возможный проект – составление дидактических материалов или методического пособия по изучению определенной темы в школе, например сборника диктантов для какого-либо класса, дидактических игр и т.д. (учебная дисциплина – «Методика преподавания русского языка»; формируемые компетенции – ОК-1 Владение культурой мышления, способность к восприятию, анализу обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; ПК-10 Умение готовить учебно-методические материалы для проведения занятий и внеклассных мероприятий на основе существующих методик).

На формирование профессиональных педагогических, научных и прикладных компетенций ориентирован такой проект, как разработка олимпиадных заданий по русскому языку для школьников (учебные дисциплины «Методика преподавания русского языка», «Современный русский язык (теоретический курс)», «Стилистика и культура речи русского языка»; формируемые компетенции – ОК-1 Владение культурой мышления, способность к восприятию, анализу обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; ПК-11 Готовность к распространению и популяризации филологических знаний и воспитательной работе с учащимися).

Темами проектов, связанных с освоением дисциплин «Введение в теорию речевого воздействия», «Риторика», «Коммуникативный практикум», а также с выполнением курсовых и выпускных квалификационных работ, могут быть: «Презентация вуза (факультета, кафедры)», «Подготовка Года русского языка в районе или городе», «Мониторинг уровня грамотности студентов университета» и т.п. Совместная деятельность студентов развивает готовность к кооперации с коллегами (ОК-3); владение навыками участия в разработке и реализации различного типа проектов в образовательных и культурно-просветительских учреждениях, в социально-педагогической, гуманитарно-организационной, книгоиздательской, массовой и коммуникативной сферах (ПК-15); умение организовать самостоятельные профессиональный трудовой процесс; владение навыками работы в профессиональных коллективах; способность обеспечить работу данных коллективов соответствующими материалами при всех перечисленных видах профессиональной деятельности (ПК-16); готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-3); способность анализировать социально значимые проблемы и процессы (ОК-9).

Другим методом организации СРС может стать **кейс-метод**. Например, в СРС по дисциплинам «Современный русский язык (теоретический курс)», «Методика преподавания русского языка» студентам может быть предложен кейс «Основные варианты системы частей речи в современной лингвистике (методике преподавания языка) и их соотношение с требованиями ЕГЭ по русскому языку», формирующий уже упоминавшиеся компетенции ОК-1, ПК-1, ПК-10 а также ПК-9 Способность к проведению учебных занятий и внеклассной работы по языку и литературе в общеобразовательных учреждениях и образовательных учреждениях среднего профессионального образования.

Остановимся еще на одном методе – **методе позиционирования**. Это, например, может быть анализ реально существующих олимпиад-

ных заданий всероссийской олимпиады по русскому языку, других проектов в гуманитарной сфере. При этом группа «аналитиков» обобщает принципы составления заданий, группа «апологетов» находит в них достоинства, группа «критиков» находит в них недостатки, «творческая» группа предлагает варианты их улучшения. Данный вид работы может эффективно использоваться при подготовке к занятиям по дисциплинам «Методика преподавания русского языка», «Современный русский язык (теоретический курс)», «Стилистика и культура речи русского языка», «Инновационные технологии в образовании» и формировать компетенции ОК-1, ОК-3, ПК-11.

Увлекательной формой самостоятельной работы для филолога является **работа с языковым материалом**: сбор языкового материала по теме (например, поиск текстов рекламы с ошибками, неудачной / удачной рекламы, определенных средств воздействия, агрессии и т.п.), составление картотеки для анализа, – развивающая владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2), владение базовыми навыками доработки и обработки (например, корректура, редактирование, комментирование, реферирование) различных типов текстов (ПК-13). Эти виды СРС могут успешно применяться при освоении дисциплин: «Активные процессы в современном русском языке», «Практический курс русского языка», «Стилистика и культура речи русского языка», «Практическая стилистика».

Мало используемым, но весьма полезным видом СРС для дисциплин: «Современный русский язык (теоретический курс)», «Методика преподавания русского языка», «Практический курс русского языка», «Стилистика и культура речи русского языка», «Риторика», «Активные процессы в современном русском языке» и др. является **составление алгоритмов, опорных конспектов, кластеров, схем** по определенным темам, например алгоритма выполнения определенного задания ГИА или ЕГЭ по русскому языку (написание сочинения-рецензии, алгоритм решения задания А4 или А6 ЕГЭ).

Упоминания заслуживает и **метод портфолио**, позволяющий студенту учиться ставить конкретные цели, находить и описывать пути их достижений (и письменно фиксировать их после обсуждения с преподавателем). После того как цель прояснена и письменно зафиксирована, начинается собственно фаза работы и собирания. При этом многообразии документов (свидетельств) является одним из существенных признаков качества портфолио. Важным этапом в методе портфолио

является процесс саморефлексии учащегося: оценивание, правильно ли выбраны им стратегии и тактики. Таким образом, метод портфолио развивает умение критически оценивать собственные достоинства и недостатки, выбирать пути и средства развития первых и устранения последних (ОК-7), способность принимать организационные решения и готовность нести за них ответственность (ОК-4), стремление к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства (ОК-6).

Мы остановились в данной статье именно на технологиях обучения, не описывая то, как они должны поддерживаться современными информационными технологиями (а их использование, разумеется, необходимо практически во всех случаях). Подчеркнем: все описываемые методы организации СРС требуют немалых усилий как от студентов, так и от преподавателя, который должен вложить в эту работу огромное количество своих интеллектуальных и организационных ресурсов, хотя и гарантируют в случае успеха реальное, а не декларативное формирование заявленных в образовательной программе филолога компетенций. Самым же сложным и требующим еще серьезнейшего и скрупулезного обдумывания является приведение названных выше и многих других технологий и методов в продуманную и методически обоснованную **систему**, объединяющую и логически связывающую в единый комплекс триаду: компетенции – формирующие их дисциплины – наиболее эффективные для решения данной задачи методы обучения.

Литература

Большакова О.А. Современные проблемы повседневной деятельности и использования бюджета времени студенческой молодежи : автореф. ... дис. канд. социолог. наук. М., 2006.

Ковтун Е.Н., Родионова С.Е. Самообучающийся филолог : модернизация аудиторной и самостоятельной работы студентов // Информационный бюллетень Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию. Петрозаводск, 2005. № 8.

Образовательные технологии в вузе : опыт национального исследовательского Саратовского университета. Саратов, 2012.

Опыт внедрения федеральных государственных образовательных стандартов учреждений профессионального образования : мониторинг вузов и колледжей. Саратов, 2012.

Родионова С.Е., Григорьева Т.В. Применение активных и интерактивных методов обучения в реализации основных образовательных программ по гуманитарным направлениям подготовки ВПО (на примере направления «Филология») // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2012. Т. 17. № 3(1).

Экспертно-аналитическое обеспечение качества образовательных программ профессионального образования : опыт внедрения ФГОС. Екатеринбург, 2012.

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА РОССИЙСКИХ И КАЗАХСТАНСКИХ УЧЕНЫХ-СЛАВИСТОВ

На филологическом факультете Алтайской государственной педагогической академии 19–20 сентября 2013 года прошла Вторая международная научно-практическая конференция «Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции». В оргкомитет конференции наряду с учеными Алтайской государственной педагогической академии вошли представители ведущих научных центров и высших учебных заведений Казахстана: Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН Республики Казахстан, Казахского национального педагогического университета им. Абая, Государственного университета им. Шакарима г. Семей.

Пленарное заседание конференции проводилось в режиме online, что позволило расширить состав его участников. Со стороны КазНПУ функции модератора пленарного заседания конференции исполняла заведующая кафедрой русского языка и литературы КазНПУ им. Абая, доктор филологических наук, профессор С.Д. Абишева. На пленарном заседании, которое открыла проректор по научной работе АлтГПА Н.А. Матвеева, в режиме online были прослушаны доклады ученых КазНПУ им. Абая. Полемический тон разговору о судьбе русского языка в России и Казахстане был задан выступлением доктора филологических наук, профессора КазНПУ им. Абая Б.Х. Хасанова. Высокий научный уровень в традициях академической науки был заявлен в докладе заведующей кафедрой русского языка и литературы, доктора филологических наук, профессора С.Д. Абишевой, представившей сравнительный типологический анализ жанра дневника как структурно-семиотического комплекса на материале дневников двух поэтов – Д. Самойлова и М. Макаева. В работе пленарном заседании выступили гости из Казахстана: доктор филологических наук, профессор кафедры филологических специальностей Института магистратуры и докторантуры PhD КазНПУ им. Абая К.С. Бузаубагарова и доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИЛИ им. Ауэзова А.Т. Хамраев (Казахстан, г. Алматы), передавшие в дар библиотеке АлтГПА научные сборники и труды ученых Алматы. Живой интерес у аудитории вызвал доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры русской филологии ГУ им. Шакарима

г. Семей К.А. Рублева, представившего к обсуждению проблемы внедрения регионального компонента в школьное литературное образование.

Актуальные вопросы лингвистической экспертизы в России и Казахстане обозначил в своем докладе доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания АлтГПА К.И. Бринев. С интересом был принят доклад доктора филологических наук, профессора кафедры семиотики и дискурсного анализа факультета журналистики НГУ И.В. Высоцкой (г. Новосибирск), посвященный языковым и дискурсивным средствам выражения парадоксального в современной российской рекламе. В докладе доктора филологических наук, профессора кафедры литературы АлтГПА В.И. Габдуллиной был обобщен опыт сотрудничества специалистов-филологов Алтайского края и Казахстана, намечены перспективы дальнейших совместных научных и образовательных проектов.

В течение двух рабочих дней научно-практической конференции на шести секциях выступали с докладами и сообщениями преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты из вузов России и Казахстана. Актуальным проблемам современной русистики в России и Казахстане были посвящены доклады на двух лингвистических секциях, на которых обсуждались вопросы русского языкознания, а также изучения и преподавания русского языка. Плодотворно прошло заседание секции «Проблемы русского языкознания», в работе которой принял участие доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и русской филологии Инновационного Евразийского университета А.Р. Бейсембаев (Казахстан, г. Павлодар), представивший доклад на тему «Оценочные предикаты как способ экспликации модусных смыслов в летописном тексте». Кафедру общего и русского языкознания АлтГПА представляли на конференции доктор филологических наук, профессор Г.В. Кукуева с докладом на тему «Рассказ-притча и рассказ-анекдот: сравнительно-сопоставительный анализ»; доктор филологических наук, доцент О.В. Марьина, познакомившая слушателей с результатами анкетирования студентов русских и национальных групп, которым было предложено указать аллюзии и реминисценции в рассказе Т. Толстой «Сюжет»; кандидат филологических наук, доцент В.Ю. Краева с содержательным докладом на материале живых говоров Алтая «Языковая личность диалектоносителя» и др.

На секции «Русская литература в России и Казахстане: проблемы изучения и преподавания» обсуждались современные научные подходы к художественному тексту. Доктор филологических наук, профессор КазНПУ К.С. Бузаубагарова (Казахстан, г. Алматы) представила анализ семиотики стиха О. Сулейменова. Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН М.А. Бологова (Россия, г. Новосибирск) продемонстрировала возможности мифопоэтического подхода в докладе, посвященном интерпретации национального мифа в авторской поэтике Ю. Рытхэу. Доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и культурологии ИПИ им. П.П. Ершова А.И. Куляпин (Россия, г. Ишим) предложил вниманию аудитории анализ мотива «укрошения дикого коня» на материале произведений русской литературы XX века. Не меньший интерес у слушателей вызвали доклады, по-

священные реинтерпретации русской классики. Именно в этом ключе был воспринят доклад доцента кафедры филологии НГТУ Е.А. Масоловой (Россия, г. Новосибирск), прочитавшей роман Л.Н. Толстого «Воскресение» через призму «евангельского текста». Кандидат филологических наук, доцент АлтГУ Е.Ю. Сафронова (Россия, г. Барнаул) проанализировала проблему человеческого суда в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». В докладе доктора филологических наук, заведующей кафедрой литературы АлтГПА Е.А. Худенко фрагменты раннего дневника М. Пришвина рассматривались в качестве творческой лаборатории писателя, формирующей особенности его индивидуальной манеры и стиля, философско-мировоззренческие взгляды.

На секции «Молодая филология» в очной и заочной форме приняли участие 30 молодых филологов – студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов из России и Казахстана.

На конференции, посвященной интеграционным процессам в России и Казахстане, органично возник разговор об евразийстве. Особое место в разделе «Евразийство как актуальная проблема современной науки» занимает доклад кандидата философских наук, доцента кафедры философии и культурологии АлтГПА В.А. Вакаева, в котором рассматривается уникальное геополитическое положение Алтая на стыке четырех цивилизаций, исследуются его позитивные и негативные последствия. В сборник материалов конференции вошли статьи российских и казахстанских исследователей, занимающихся проблемами евразийства не только с позиций философии, политологии и социологии, но и с позиций истории литературы, литературоведения и лингвистики. Формы самоидентификации автора в поэтическом тексте на материале русской поэзии в восточно-казахстанском регионе как территории с евразийской ментальностью рассматриваются в статье кандидата филологических наук, доцента ВКГУ им. С. Аманжолова Л.И. Абдуллиной (Казахстан, г. Усть-Каменогорск). Доктором филологических наук, профессором Атырауского государственного университета им. Х. Досмухамедова Б.Б. Мамраевым (Казахстан, г. Атырау) евразийская идея анализируется как надэтническая и надполитическая в контексте развития мировой культуры.

Участники конференции обсудили вопросы состояния филологической науки, изучения русского языка как языка межнационального общения в России и Казахстане. Были также подняты проблемы интеграции образовательных систем вузов Алтайского края и Казахстана, академической мобильности студентов и преподавателей и намечены пути их решения. По результатам работы научно-практической конференции были выработаны конкретные рекомендации, направленные на совершенствование и углубление интеграционных процессов в области филологического образования как одного из важнейших элементов создания языковой и культурной базы для интеграции в общественно-политических и экономических сферах жизни России и Казахстана.

В.И. Габдуллина

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Грамматика и стилистика современного русского языка в синхронии и диахронии: очерки / Отв. редакторы С.В. Вяткина, Д.В. Руднев. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 504 с.

Рецензируемая монография представляет собой результат коллективного научного творчества, который демонстрирует преемственность взглядов исследователей, анализирующих грамматические и стилистические явления в русском языке XVII-XXI веков. Актуальность исследования продиктована последовательно проводящейся в нем мыслью о тесной взаимосвязи изменений в грамматической системе русского языка и стилистических процессов: появление новых стилей и жанров, изменение представлений о конститутивных чертах различных типов текста (в частности, художественных текстов) ставят перед синтаксисом задачу выработки и отбора необходимых и оптимальных языковых средств. Идея о первичности стилистических процессов, ведущих к изменениям в синтаксисе русского языка, особенно важна в наши дни, когда в русском языке наблюдаются мощнейшие стилистические сдвиги. Жанр научного изложения – очерки – позволил объединить в одном издании два типа анализа: многоаспектное синтаксическое описание языка М.В. Ломоносова (1-ая часть) и объединенные в 5 глав очерки, посвященные конкретным грамматико-стилистическим явлениям (2-ая часть).

Автор 1-ой части издания Г.Н. Акимова, являющаяся создателем синтаксической школы, в основном, по изучению новых грамматических явлений русского языка (широко известны книги исследователя «Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка» 1982 года и «Новое в синтаксисе современного русского языка» 1990 года), на всем протяжении своей научной деятельности целенаправленно реализует идею – выявить существенные черты грамматического строя современного русского языка и тенденции его развития. Текст докторской диссертации Г.Н. Акимовой «Очерки по синтаксису языка М.В. Ломоносова», представленный в данной части монографии, до настоящего времени был известен лишь читателям библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. Однако труд, защищенный в 1973 году, не утратил своей актуальности, поскольку новых работ обобщающего характера по синтаксису М.В. Ломоносова с тех пор не появилось, в то время как в этом исследовании Г.Н. Акимовой выявлены причины и закономерности формирования синтагматического синтаксиса в период становления

русского языка на национальных началах. Публикация данного исследования вызывает особый интерес: мы вновь обращаемся к осмыслению роли М.В. Ломоносова в русской культуре в связи с отмечавшимся в 2011 году 300-летием со дня рождения М.В. Ломоносова.

Г.Н. Акимовой рассмотрены наиболее показательные черты в становлении синтаксиса письменного литературного языка с присущими ему национальными особенностями и подчеркнута, что «в главных линиях развития совпадают с соответствующими процессами в становлении других национальных литературных языков» (с. 265), например, в истории немецкого и английского синтаксиса. В пяти главах «Очерков по синтаксису языка М.В. Ломоносова» рассматривается функционирование в языке таких синтаксических явлений, как составное именное сказуемое, детерминирующее обстоятельство (детерминант), относительное подчинение, размер предложения, принципы развертывания предложения. Чрезвычайно важным является следующее замечание автора: «Малочисленность элементов, восходящих к разговорному синтаксису, объясняется не тем, что Ломоносов избегал их..., а тем, что в его наследии незначительное место занимают те жанры, в которых подобные элементы могли иметь место» (с. 264). Значимость результатов данного исследования отражена в многочисленных графиках, графах и таблицах. Лаконизм, полнота, глубина и доказательность изложения делает представленный текст еще и эталоном докторских диссертаций.

Плодотворность и актуальность идей Г.Н. Акимовой, ставящей перед собой задачи максимально полного рассмотрения грамматического явления в связи со стилистическими изменениями, становятся очевидными при знакомстве со второй частью монографии «Грамматика и стилистика русского языка в диахронии и синхронии». Вторая часть структурирована пятью главами, которые представляют описания конкретных наблюдений в указанных научных областях авторов-единомышленников и учеников Г.Н. Акимовой. Каждая из глав коллективной монографии сопровождается преамбулой, в которой определяются основные направления исследований, представленных в очерках.

Первую главу «Динамика развития синтаксических конструкций» составляют четыре очерка, посвященные рассмотрению различных аспектов простого и составного именного сказуемого. З.К. Тарланов в очерке «Простое именное сказуемое как сигнал новой стадии в синтаксическом развитии языка» приходит к выводу, что именное простое сказуемое – один из синтаксических компонентов русского языка, складывавшийся в промежутке времени с начала великорусского периода и окончательно оформившийся в национальный период русского языка. Его формирование свидетельствует о «движении русского синтаксиса в направлении к именному строю и открытию нового вектора расширения его выразительно-ресурсной базы» (с. 297). Очерк Д.В. Руднева «Система связочных глаголов в русском языке XVII века» является развитием темы системного описания связочных глаголов, их значения и сочетаемости, которая затрагивалась в работах Г.Н. Акимовой на материале текстов Ломоносова. В очерке В.С. Ли «Экспрессивно-коннотативные смыслы биноминативных предложений русского языка» затронута проблема коннотации как яв-

ния, в котором тесно взаимодействуют процессы сугубо семантические и собственно прагматические. Такой ракурс позволяет автору трактовать биноминативные псевдотавтологические конструкции как «синтаксические клише для репрезентации прагматического значения слова» (с. 317), включая их в число экспрессивных конструкций, пополняющих открытый ряд подобных, обозначенный Г.Н. Акимовой в работах по экспрессивному синтаксису. В очерке Е.Ю. Ивановой «Предикаты устойчивого признака в славянских языках (сопоставительный аспект)» определяются перспективы сопоставительного изучения родственных языков в аспекте типологии предикатов. На материале ряда славянских языков автор рассматривает деривационные и грамматические характеристики предикатов «качеств и свойств».

Вторая глава посвящена интерпретации новейших тенденций в русской грамматике. Данный цикл очерков является прямым продолжением работы Г.Н. Акимовой по описанию ею в свое время новых грамматических явлений. Н.Л. Шубина в очерке «Изменение метаграфических норм: «детерминированное следствие индивидуальных намеренных действий» на основе анализа разных по жанровой и стилистической характеристике текстов констатирует появление новых функций русской метаграфимики в формировании смыслового и информативного текстового пространства, новых ее системных свойств, что объясняется необходимостью автоматизации форм языковой коммуникации в современном обществе. Новые способы фиксации текстов исследуются и в очерке Т.В. Шмелевой «Визуализация синтаксиса». Автор поясняет: визуализация синтаксиса состоит в том, что воспринимаемое глазом в написанном тексте становится самостоятельным средством выражения связей и смыслов. Тенденция визуализации действует при конструировании разного рода названий и паремий, то есть ограниченном синтаксическом пространстве. В очерке комментируются примеры техник ксенографии, супраграфимики, квазиорфографии и обращается внимание на то, что тенденция визуализации охватывает не только синтаксис. В числе активных, живых процессов в современном русском языке рассматривается включение придаточных частей в состав вводных и вставных предложений, а также парцелляция придаточных. Данные довольно продуктивные процессы являются объектом исследования в очерке Т.М. Веселовской «Русское сложноподчиненное предложение: каноническая и неканоническая придаточность». Автор отмечает высокий коммуникативный эффект от подобной актуализирующей манеры письма и указывает на перспективность исследования данных явлений в социолингвистическом аспекте в рамках теории сложного предложения. В главе представлен и очерк «Семантико-функциональная классификация предложений», в котором в современном коммуникативном ракурсе рассматриваются и интерпретируются вопросы, касающиеся спорных синтаксических единиц, в частности односоставных предложений, история изучения которых, как отмечает автор очерка К.А. Рогова, насчитывает около двух веков.

Третья глава «Динамика развития стилистических коннотаций» демонстрирует, как появление дополнительных оценочных смыслов обусловлена существованием новых языковых единиц с традиционными, закрепленными

письменной культурой. Глава содержит три очерка. «Роль стилистического комментария в синтаксическом описании» рассматривается в очерке В.П. Казакова. Понимая стилистику как учение об употреблении языка (с. 379), автор обращает внимание на то, что функционально-стилистическая характеристика сопровождает любое вхождение синтаксической конструкции в текст, и считает, что «стилистический аспект синтаксического описания не следует ограничивать конструкциями экспрессивного синтаксиса или фигурами речи» (с. 381). В очерке Т.В. Романовой «Речевые акты разрешения/запрещения с точки зрения модальности нормы» при использовании прагматического подхода исследуется когнитивная категория разрешения / запрещения, которая характеризуется автором как неоднородная и иерархически организованная. Выявляя и анализируя языковые средства оформления прямых, перформативных разрешений и запрещений, а также средства оформления косвенных речевых актов на материале современной исповедальной публицистики (мемуары, дневники, письма, записки, автобиографии и т.д.) российской творческой интеллигенции, автор приходит к выводу о жанровой обусловленности семантики разрешения и запрещения, что выражается, в частности, в приоритете косвенных речевых актов в исследуемом материале. В очерке О.А. Старовойтовой «Динамика коннотативных значений: словообразование и текст» отмечается, что в результате высокой словообразовательной активности системы русского языка XIX века осуществляются внутрисистемные преобразования в лексике. Вследствие этого автор считает перспективным для исследования процесс создания словообразовательных гнезд, который позволяет наблюдать на протяжении всего XIX века результаты действия определенных словообразовательных моделей с их последующим закреплением в языке либо «затуханием» (с. 385). В качестве иллюстрации описана динамика семантического развития абстрактных существительных с корнем *акробат-*, обозначающих отвлеченные понятия (*акробатика, акробатия, акробатизм, акробатство*), которые, функционируя на протяжении XX–XXI веков в публицистических и художественных текстах, обретали дополнительные оценочные смыслы.

В четвертой главе «Синтаксис прозаического текста», представленной четырьмя очерками, описываются различные аспекты синтаксической многоплановости художественного текста. В очерке «Эмоциональный подтекст в художественном тексте» Н.В. Пушкарева исследует эмоциональную составляющую текста, то есть переданную лингвистическими средствами информацию об эмоциональном состоянии персонажей или рассказчика. Автор прослеживает динамику передачи эмоциональной информации на уровне подтекста, справедливо отмечая, что этот процесс не является спецификой новейшей литературы (показательны комментарии из прозы Лермонтова, Чехова, Булгакова). Передача невербализованного смысла с помощью экспрессивных синтаксических конструкций и моделей предложений нарастает в прозе XX века (например, проза Довлатова). С.В. Вяткина в очерке «Разговорно-письменный нарратив как форма современного повествования» раскрывает стилевую специфику исторического повествования Д. Гранина на фоне постмодернистской литературы. В очерке установлено, что используемые писателем способы ор-

ганизации нарратива как политемпорального, полимодального и полисубъектного текста демонстрируют философское осмысление настоящего и «объективирование исторического знания» (с. 415) и соответствует клиповому сознанию нашей эпохи. Синтаксические особенности текста отражают явления разговорного синтаксиса, на основе чего С.В. Вяткина предлагает новое терминологическое осмысление такой формы повествования – *устно-письменный нарратив* (с. 416). Е.С. Зорина (очерк «Чужая речь» в структуре повествования») исходит из того, что чужая речь не только передает речь героев, но и является частью концептуального уровня художественного произведения. Автор рассматривает, как меняются формы представления «чужой речи», их пунктуационное представление и функции в тексте. В очерке Е.И. Лавровой «Синтаксические особенности философской прозы» рассматривается функционирование вопросительных предложений как одного из наиболее характерных для философской прозы средств экспрессивного синтаксиса. На материале прозы Розанова и Флоренского анализируются текстовые функции вопросов. Автор демонстрирует, как в монологической речи они утрачивают интеррогативную функцию и приобретают экспрессивную нагрузку. Кроме того, соотносительность познавательной сущности вопросов с познавательной интенцией авторов философских работ делают вопросительные предложения особо значимыми синтаксическими единицами в философском тексте начала XX века (с. 426).

Пятая глава посвящена рассмотрению современного текста как многомерного объекта исследования – «Текст как объект и инструмент анализа». В очерке «Одушевленное и неодушевленное в современной поэзии» интерес Л.В. Зубовой привлекают поэтические эксперименты с категорией одушевленности, которые указывают как на логику нормы, так и на логику отступлений от речевого стандарта. Категория одушевленности рассматривается в аспекте многоуровневой языковой игры, анализируются случаи ненормативной одушевленности/неодушевленности. Автор обращает внимание на то, что отклонения от нормы в современной поэзии позволяют считать категорию одушевленности – неодушевленности не столько классификационной, сколько в значительной мере интерпретационной. Т.С. Садова обращается к тексту приметы, исследуя «Механизм» сворачивания и разворачивания текста приметы в устном сновидческом рассказе». Автором установлено, что фольклорность мышления, репрезентирующая логику мистических текстов, их строение и способы трансформации, не обусловлена социальными факторами. Рассматривая способы сворачивания и разворачивания фольклорных и спонтанных устных сновидческих текстов приметы, исследователь приходит к выводу, что «механизм» и логика этих процессов идентичны по сути. Л.А. Пиотровская, автор очерка «Магический круг» и проблемы речевой деятельности», выбор проблемы для исследования связывает с интересом Г.Н. Акимовой к новым направлениям и концепциям, разработка которых предполагает сравнительно-сопоставительное изучение нескольких языков. Обращаясь к феномену сущности речевой деятельности с позиций психолингвистики, Л.А. Пиотровская выделяет и комментирует ряд факторов, посредством которых задается взаимопонимание как между носителями одного языка, так и в процессе межкультур-

ной коммуникации. В очерке «Vertmen: грамматика цирка» О.Д. Буренина анализирует циклическую модель времени через призму цирка как особого культурного феномена. Автор обращается к цирковым сюжетам и их динамике в изобразительном искусстве – со времен античности до первой трети XIX века. Именно к этому периоду в русской литературе появляется ряд произведений о цирке, что начинает способствовать концептуализации цирка в художественной культуре (с. 484).

Различные проблемы, затронутые во второй части монографии, вполне укладываются в заявленную проблематику и органично соотносятся с первой частью коллективной монографии.

Рецензируемый труд посвящен 55-летию научно-педагогической деятельности Почетного профессора СПбГУ Г.Н. Акимовой. Структура монографии подчинена общему замыслу – продемонстрировать значимость и актуальность изысканий профессора Г.Н. Акимовой, плодотворные идеи которой в области сложных и дискуссионных проблем синтаксической теории проросли на благодатной почве и были бережно возвращены ее единомышленниками и учениками. Первая часть предваряется написанным С.В. Вяткиной и В.П. Казаковым «Очерком деятельности проф. Г.Н. Акимовой», а заключительная, наиболее эмоциональная часть монографии «Об учителе, коллеге, друге (вместо заключения)» содержит воспоминания о Г.Н. Акимовой и впечатления от общения с ней. Профессор Л.В. Савельева сравнивает Галину Николаевну с сеятелем, «щедрой рукой рассеивавшей семена прежде всего от «древа синтаксического познания» (с. 494).

Представленные в рецензируемом труде размышления Почетного профессора СПбГУ Г.Н. Акимовой в области исторического синтаксиса, новейшие исследования ведущих ученых из вузов Санкт-Петербурга, глубокие аналитические обобщения и комментарии, адресованные читателю в сжатом, но информативно емком и доступном виде, представляют несомненный интерес для языковедов и открывают серьезные перспективы для дальнейших научных изысканий в области грамматики и стилистики русского языка в синхроническом и диахроническом аспектах.

А.Ю. Маслова

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Е.Ю. Сафронова. Отказ от правовой защиты героев-жертв в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» как социальный архетип. В романе «Униженные и оскорбленные» ряд героев (Смиты, Ихменевы) сознательно отказываются от практического применения закона, испытывая нравственную потребность страдания. Сюжетный параллелизм романа создает панорамность изображения, акцентируя типичность подобных ситуаций и устойчивость избранной поведенческой модели, обусловленной утверждением героями-жертвами собственного достоинства, не позволяющего им унижаться до судебной сделки с подлецом, желанием подавить Валковского презрением и проклятием, упованием на Высший суд. «Эгоизм страдания» униженных и оскорбленных героев Достоевского в правовом аспекте является формой самосуда собственной грешной души и формой суда над обидчиком – его нравственной казнью. В религиозно-философском аспекте это своеобразная форма «блаженства нищих», характерная для русского юродства. В социально-психологическом плане – устойчивая поведенческая модель или социальный архетип, не потерявший по сей день своей актуальности.

E.Yu. Safronova. The refusal of the practical application of the law as a social archetype in the novel «The Humiliated and Insulted». In the novel «The Humiliated and Insulted» a number of characters (the Smiths, the Ichmenyevs) feeling the need for a moral suffering deliberately refuse the practical application of the law. The parallelism of crime stories in the novel creates an image panoramnost subject overlapping of, accenting typicalness of the similar situations and stability of the chosen behavioural model caused by the statement by heroes victims of own advantage, not allowing them to be humiliated to the judicial transaction with the rascal, desire to suppress Valkovsky contempt and a damnation, a hope on the Supreme court. The characters' «selfishness suffering» in the legal sense is a form of vigilante justice of their own sinful soul and the form of the trial of the offender which is his moral death. In the religious-philosophical aspect is a form of «bliss of the poor», which is peculiar to the Russian foolishness,

and in social and psychological terms it is a stable behavioral model or a social archetype.

П.В. Алексеев. Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования. Статья посвящена рассмотрению принципов и проблем исследования русского романтического ориентализма в период 1820-30-х годов, когда были сформированы основные художественные принципы и коммуникативные стратегии русского ориентализма. Центральным тезисом данной статьи является мысль о том, что исследование концептосферы и художественного языка русского романтического ориентализма должно быть всесторонним и целостным. Для этого необходимо преодолеть терминологическую неопределенность, сложившуюся в настоящее время в науке, а также обратить пристальное внимание на поэтику и философию средневекового персидского суфизма и масонства. В статье рассматривается типологическая близость масонского и суфийского аллегорического принципа кодирования художественных текстов. Уточняется содержания понятий (терминов) «восточная поэтика» и «ориентализм» в связи с поэтикой романтизма. Термин «ориентализм» рассматривается в связи с ориенталистской концепцией Эдварда Саида, но делается акцент на специфике русского ориентализма, как уникального культурологического феномена.

P.V. Alekseev. Russian romantic Orientalism: Principles and Problems of Research. The article deals with the principles and problems of Russian romantic Orientalism at the beginning of 19th century, when the main artistic principles and communicative strategies of Russian Orientalism were formed. The central thesis of this article is the idea that the study of the conceptosphere and language of Russian romantic Orientalism must be comprehensive and holistic. For this it is necessary to overcome the terminological uncertainty currently prevailing in science and also pay close attention to the poetry and philosophy of the medieval Persian Sufism and Freemasonry. The article discusses the typological proximity of the Masonic and Sufi principles of allegorical encoding of literary texts. Special emphasis is laid on definition of the terms «Eastern Poetics» and «Orientalism» in the context of the poetics of Romanticism. The term «Orientalism» is considered in relation to the Edward Said's conception, but focuses on the specifics of Russian Orientalism as a unique cultural phenomenon.

А.И. Куляпин. Миф о настоящем человеке в творчестве В.М. Шукшина. Художественная антропология соцреалистического искусства, от которой отталкивался Шукшин, базируется на идее преодоления «человеческого, слишком человеческого». На каждом из этапов своей творческой эволюции Шукшин обращался к советскому мифу о настоящем человеке. Сюжетная схема киноповести «Живет такой парень» (1964) малооригинальна, а ее заключительная часть напоминает «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. После свершения подвига герой киноповести со сломанной ногой попадает в больницу, где встречает Наставника. Учитель из киноповести функционально равен Комиссару Б. Полевого, хотя его наставления, естественно, не столь идеологизированы. Несмотря на легкую иронию, ранний Шукшин в целом пока что следует соцреалистическому канону. Средний этап творчества Шукшина представлен рассказом «Нечаянный выстрел» (1966). В центре внимания автора статьи мифопоэтика рассказа, также рассматриваемого в контексте «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. Другой важный контекст рассказа, учитываемый исследователем, – миф об Эдипе. К началу 1970-х годов партийно-государственная система СССР окостенела. В новом идеологическом контексте образ настоящего человека быстро утратил свою харизматичность. Героем рассказа Шукшина «Мой зять украл машину дров!» (1971) Веней Зяблицким подвиг воспринимается уже как индальгенция, отпускающая любые грехи и преступления.

A.I. Kulyapin. The myth of a real man in the work of V.M. Shukshin. Art anthropology of socialist realism art which was starting out of Shukshin is based on the idea of overcoming the «human, too human». At each stage of his artistic evolution Shukshin appealed to the Soviet myth of a real man. Plot scheme the story for the movie «A guy Lives» (1964) little is original, and the final part of her like a «Story of a Real Man» by B. Polevoy. After committing the hero of this tale feat with a broken leg gets to the hospital, where he meets a Mentor. Teacher of the tale functionally equal to the Commissar of B. Polevoy, although his instructions, of course, not as ideological. Despite the slight irony, early Shukshin generally yet corresponds to the socialist-realist canon. Average stage of creativity Shukshin presented the story «Accidental shot» (1966). The article's author focuses attention on mythopoetics of the story also considered in the context of the «Story of a Real Man» by B. Polevoy. Another important context of the story, the researcher is taken into account – the Oedipus myth. By the beginning of the 1970s, the party-state system of the USSR ossified. In the new context of the ideological image of the real man quickly lost its charis-

ma. The hero of the story by Shukshin «My son in low stole a car fire-wood!» (1971) Venya Zyablitsky feat is perceived as an indulgence, letting go all the sins and crimes.

Е.Ю. Викторова. Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов. Статья демонстрирует большую роль и возможности количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов. Количественные характеристики позволяют вскрыть причины, обуславливающие качественные проявления дискурсивных слов на уровне их функционирования в различных формах и стилях речи. В статье проведено сравнение особенностей использования дискурсивных слов по ряду количественных параметров – по количеству употреблений и частоте употребления как отдельных дискурсивов, так их групп, по количеству обнаруженных в том или ином тексте разных дискурсивов и по степени их разнообразия в речи. В основу исследования легли тексты научно-медицинских статей на русском и английском языках последних лет. С помощью количественного подхода выявлены общие и национально-специфические особенности употребления дискурсивов в русском и английском языках. Показано, что хотя дискурсивы-интерактивы чаще и разнообразнее используются в статьях на английском языке, их доля среди всего массива зарегистрированных дискурсивов и частотность их подтипов в обоих языках одинакова.

E.Yu. Viktorova. Quantitative approach in discourse markers usage analysis. The article proves the essential role and considerable potential of quantitative approach to the analysis of Russian and English discourse markers. Quantitative characteristics allow to uncover the reasons defining some qualitative manifestations of discourse markers realized in their functioning in different forms and styles of speech. The article deals with the comparative analysis of discourse markers usage based on several quantitative criteria – the number and frequency of occurrence of separate discourse markers as well as their groups, the number of different discourse markers used in a certain text and the degree of their diversity in speech. The research is based on the texts of recently published Russian and English academic articles on medicine. The quantitative approach helps to single out common and linguoculture specific features in discourse markers functioning in the Russian and English languages. We show that although interactional discourse markers are more frequent and diverse in English medical articles, their proportion among all the discourse markers registered in this research and frequency of occurrence of their subtypes is identical in both English and Russian.

Л.Р. Дускаева Особенности рассуждения в русской юридической речи. С преобразованием в России законодательной базы в конце XX – начале XXI века, с внедрением принципа восстановления и судебной защиты нарушенных прав, утверждением состязательности как нормы правовой жизни в официально-деловом стиле значительно расширилось поле документов, основу которых составляет рассуждение. В статье анализируются особенности рассуждения в актах прокурорского реагирования с разными композиционными стратегиями – обоснование и опровержение. На основе обоснования неправомерности чьих-то действий аргументируется предлагаемая прокурором в императиве модель действий, скорректированная в соответствии с законом. Во втором случае императив формулируется в результате опровержения правомерности принятия тех или иных правовых актов. Если в первом случае в композиции одна линия рассуждения – прокурора, во втором случае две: предшествующего документа и прокурора, однако привычная для рассуждения острота полемики здесь исключается. Анализ материала показал, что в этих документах отсутствует выражение эмоциональности, а личностное начало выражается в акцентировании отдельных моментов, в рационально-оценочной лексике.

Duskaeva L.R. Features of the reasoning in the Russian law Speech. Reform of the Russian legislative base in the end of the XX-th and the beginning of the XXI-th centuries, introduction of rehabilitation and judicial defence of violated rights principle, affirmation of competition as a norm of lawful life have caused expansion of discourse functioning. The author analyses discursive peculiarities of the prosecutive speeches. The paper analyzes the characteristics of the reasoning in the acts of the prosecutor's response to different compositional strategies - justification and denial . On the basis of someone's actions justify the illegality of the prosecutor argued the proposed actions in the imperative model , adjusted in accordance with the law. In the second case, the imperative is formulated as a result of the adoption of refuting the legality of certain acts. In the first case in the composition of one line of reasoning - the prosecutor, in the second case, two : the preceding document and the prosecutor, but the usual arguments for the sharpness of the controversy are excluded. The analysis permits to reveal the certain character of the discourse. It is based on facts and doesn't contain emotional elements.

Н.А. Мартьянова. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре В статье рассмотрено понятие цветового символа. Замечено, что данная реалья отражается не только в предметах быта, обрядах, но в и текстах, которые также могут служить источни-

ком национально-специфической информации. Цветовой символ в языке / речи реализуется в цветовых лексемах. Установлено, что в семантической структуре цветообозначений выделяются несимволические и символические значения. К несимволическим значениям относятся прямые и переносные семы. «Символическое» в семантике цветообозначений проявляется в том, что первичное содержание цветового слова становится условным обозначением для иного, более абстрактного содержания. На материале художественных и публицистических произведений показано, что ключевые для русской культуры цветовые лексемы «белый», «красный», «черный» имеют как позитивные, так и негативные сходные символические смыслы. Сделан вывод о том, что эти значения формировались длительное время, в их основе лежит связь заявленных цветовых символов с магией, религией, обществом и личностью.

N.A. Martyanova. The symbolic notion of the colour-naming words in the Russian linguoculture. The article considers the concept of the colour symbol. It is noticed that this realia is reflected not only in the items of everyday life and rites but also in the texts which can serve as a source of national-specific information. Colour symbol in the language / speech is implemented in colour lexemes. It is established that in the semantic structure of colour-naming words non-symbolic and symbolic meanings are distinguished. Direct and figurative semes are related to the non-symbolic meanings. «The symbolic» in the semantics of colour-naming words is revealed in the fact that the primary contents of the colour-naming word becomes the symbol of a different, more abstract contents. On the material of fiction and non-fiction works it is shown that the key colour-naming lexemes for the Russian culture: «white», «red» and «black» have both positive and negative similar symbolic meanings. It is concluded that these values have been formed for a long time. They were based on the connection of the stated colour-coded symbols with magic, religion, society and the personality.

Е.В. Федяева К вопросу об образных конституентах множественности. Статья посвящена концептуальной структуре *множественности* и ее конституентам. Образы восприятия, возникающие как отражение в сознании объектов и явлений окружающей действительности, являются когнитивной основой семантики языковых единиц. Выявление, рассмотрение и структурирование данных сущностей, которыми оперирует мысль в процессе отражения сознанием объективного мира, представляется довольно сложным, поскольку разнообразие и число этих единиц поистине бесконечно вследствие бесконечного

разнообразия окружающего человека мира и поступающей из него информации. Попытка реконструкции образов сознания, связанных с представлениями о *множественности* как одном из фрагментов окружающей действительности на материале нескольких языков, раскрывает концептуальное содержание представления и дает возможность выявить как универсальные содержательные компоненты в структуре глубинного представления о *множественности*, так и специфические уникальные компоненты его структуры, поэтому их реконструкция помогает выделить общие и специфические черты, сформировавшиеся в сознании представителей разных лингво-культурных сообществ.

E.V. Fedyaeva To the problem of *plurality* image constituents. The article addresses the issues related to the conceptual structure of *plurality* and its constituents. Being the cognitive basis of language units semantics, perception images reveal the conceptual content of the idea of *plurality*. Detection, research and structuring of the entities, which the thought uses in the process of objective world reflection by the consciousness, are seen as quite complicated tasks because the number and variety of such entities are verily infinite due to the endless diversity of human environment and the information that humans receive from the environment. An attempt to reconstruct the perception images related to the representation of *plurality* as one of the fragments of the reality conducted by the analysis of several languages reveals the conceptual content of the representation and gives an opportunity to expose both universal sense bearing and the specific unique constituents in the structure of the underlying concept of *plurality*. Accordingly, perception images reconstruction helps to point out common and specific features of *plurality* experienced in consciousness of the members of different lingo-cultural communities.

Г.А. Сосунова. Формирование профессиональной таможенной терминологии во французском языке в историческом аспекте. Статья посвящена изучению формирования таможенной терминологии во французском языке. В основе исследования лежит историко-лингвистический анализ эпох Античности, Средневековья, общественно-экономических событий во Франции в период протекционизма при Кольбере. Отмечено, что первая таможенная лексика зарождалась в процессе выполнения фискальных операций, введение налогов и пошлин отражалось на возникновении соответствующей терминологии. Проанализирована этимология отдельной таможенной лексики, имеющей латинские, арабские корни. Установлена динамика в формировании таможенного подъязыка, отражающего таможенно-экономическую деятельность общества обозначенного периода. Диахронический ана-

206

лиз, лежащий в основе исследования, позволил выявить лексику, не используемую в современном французском языке в связи с прекращением соответствующих видов таможенной деятельности, а также терминологию, возникшую в Античные времена, функционирующую в эпоху Средневековья, развивавшуюся в период колбертизма и дошедшую до современного французского языка.

G.A. Sosunova. Creation of professional customs terminology in the French language in historical approach. The article is devoted to the research of the formation of the customs terminology in French. The study is based on historical and linguistic analysis of Antiquity, the Middle Ages, the socio-economic developments in France in the period of protectionism under Colbert. It is noted that the first customs vocabulary conceived in the course of the fiscal operations and the imposition of taxes and duties reflected on the occurrence of the relevant terminology. The etymology of a separate customs vocabulary having Latin, Arabic roots is analyzed. The dynamics in the formation of the customs sub-language that is reflecting the customs and economic activities of the indicated period is set. Diachronic analysis underlying the study revealed the vocabulary which is not used in modern French in connection with the termination of some Customs areas, as well as the terminology that arose in ancient times, functioned in the Middle Ages, developed during kolbertizm and came down to the modern French language.

П.А. Чеснялис. Субъект и сверх-субъект в книге Михаила Зенкевича «Дикая порфира». Исследование отталкивается от реализуемого в книге представления о природе как сверх-субъекте. «Дикая порфира» демонстрирует поиск автором способов постижения законов универсума, выявляющих различную степень активности лирического субъекта. Наименьшую активность субъекта предполагает *ожидание откровения*. Более сложный вариант – *познание человеком себя* как микрокосма, в полной мере отражающего макрокосм. К способам познания универсума относится также *поиск связей с первобытными предками и дикими животными*; бестиарность приближает человека к природе. Четвертый путь – *творческая деятельность*, в которой человек становится соперником природы. Наибольшую же активность лирический субъект проявляет при попытках *поглотить* универсум, чтобы полностью перенять его возможности. Важно, что ни один из предложенных способов не приносит абсолютного результата и познание выступает как непрекращающийся процесс. Обязательным условием познания является *прияття мира*: автор «Дикой порфиры» включает в

круг эстетического осмысления природу и цивилизацию, доисторию, историю и современность.

P.A. Chesnyalis. The subject and super-subject in Michael Zenkevich's book «Dikaya Porphira» («Wild Purple»). The study is based on the vision of nature as a super-subject, which is represented in the book. «Dikaya porphira» exposes the author's pursuit of the ways of perceiving the laws of the universe, revealing different degrees of activities of a lyric subject. Anticipation of revelation implies the lowest activity of a subject. A more complex alternative is manifested when a person perceives himself or herself as a microcosm embodying the macrocosm of the world. One of the ways of perceiving the universe is a pursuit of a bond with primeval ancestors and wild animals. Human bestiary bent links a human being to nature. The fourth way is creativity, which makes a human being a rival of nature. The supreme activity of a lyric subject comes from the attempts of a lyric subject to absorb the universe in order to adopt its potential completely. It is important that none of the suggested ways leads to a complete result, and cognition proves to be endless. Cognition pre-conditions acceptance of the world: the author of «Dikaya Porphira» includes nature and civilization, prehistory, history and the modern times into the scope of his esthetic interpretation.

Е.И. Кулаковская. Музыкальная онтопоэтика повести Б. Евсеева «Черногор». Статья посвящена изучению онтологической поэтики Б. Евсеева. Исследование сосредоточено на рассмотрении особой роли музыкальной атрибутики в повести Б. Евсеева «Черногор». Устройство художественного мира писателя выявляется при помощи комплекса понятий онтологической поэтики, обладающих в прозе автора музыкальной спецификой. Творчество Б. Евсеева, рассмотренное в русле онтологической поэтологии позволяет актуализировать глубинные смыслы текстов, показать персонально-авторские формы, которые принимает онтологический сюжет в прозе писателя. Интерес исследования сосредоточен на феноменальной природе звука, как символе полноты бытия, возможной лишь при условии выхода за пределы слышимого. Кроме того, в исследовательском поле статьи – эмблематические образы, как инфразвук, акустическая травма, звучание акустического ветра, голос музыканта и т.д. Также в статье присутствуют, проявленные через музыкальную атрибутику следующие мотивы: дьявольской музыки, борьбы добра со злом, преодоления дьявольского наваждения. Анализ таких эмблематических образов, как «инфразвук», «акустическая травма», не только вскрывает непроявленные смыслы текста, но и

позволяет увидеть «общие онтологические схемы» автора, определить точки их взаимодействия, единую подоснову текстов.

E.I. Kulakovskaya. Musical ontological poetics of the story «Chernogor» by B. Evseev. The article is devoted to the study of B. Evseev's ontological poetics. The study is focused on the consideration of the special role of musical attributes in B. Evseev's story «Chernogor». The composition of the writer's artistic world is revealed with the help of the set of concepts of the ontological poetics. The concepts possess the musical peculiarity in the author's prose. The oeuvre of B. Evseev, learnt in the way of ontological poetics, allows us to actualize the deep implications of the works, show personal author's forms that the ontological plot takes in the writer's prose. The research is focused on the phenomenal nature of the sound, as a symbol of the existence fullness that is possible only on condition of leaving the borders of audibility. Moreover, the article deals with emblematic images such as infrasound, acoustic trauma, sound of acoustic wind, voice of a musician etc. The article has the following motifs revealed through the music attributes: devil music, fight of Good and Evil, overcoming the devil's delusions. Analysis of such emblematic images as 'infrasound' and 'acoustic trauma' not only shows the hidden implications of the text but also allows to see the author's 'general ontological schemes', define their interaction, the unified cause of the works.

А.Ю. Колесникова. Архитектоника художественного мира в поэзиях Олеса Лупия. В статье актуализируется вопрос о необходимости изучения литературного произведения как эстетического целого. В публикации используются теоретические обобщения ученых о сущности и значении архитектоники в литературном произведении. Уточняется содержание литературоведческих терминов композиция и архитектоника, производится их сравнительный анализ. Автор обосновывает, что значение композиции в преобразовании словесного материала, она является строем произведения, который подвергается лингвистическим методам анализа. Архитектонику литературного произведения формируют ценностные доминанты художественного целого. Производится шестиэлементный архитектурный анализ стихотворений украинского писателя О. Лупия из сборника «Гармония». Проведено комплексное исследование образцов пейзажной, гражданской и философской лирики поэта. Практически обосновано, что такой тип анализа подходит для комплексного рассмотрения эстетической целостности произведения, органического исследования формы и содержания.

A.Y. Kolesnikova. Architectonics of the art world in the poetry of Oles Lupiy. In this article the issue about the necessity of the literary works

study as the aesthetic whole is updated. The theoretical generalizations of the scientists about the nature and meaning of the architectonics in a literary work are used in the article. Specifies The contents of the literary terms composition and architectonic are determined, a comparative analysis of them are described. The author proves that the value of the composition is in the transformation of the verbal material, it is the formation of a work, which is subjected to the linguistic analysis methods. Architectonics of the literary work forms the values of the dominant artistic whole. Six elements architectonic analysis of the poems of the Ukrainian writer O. Lupij from the book «Harmony» is carried out. The comprehensive research of landscape, civil and philosophical lyric samples of the poet is realized. Practically it was found that this type of the analysis is suitable for an integrated consideration of the aesthetic integrity of the work, the organic study of the form and content.

О.А. Носкова. Лингвокогнитивный стиль журналиста: от механизмов обработки информации к языковой картине мира. Статья посвящена исследованию индивидуального лингвокогнитивного стиля журналиста как цепочке закономерностей, звеньями которой являются когнитивные операции (механизмы обработки информации), индивидуальные структурно-семантические модели и языковая аксиологическая картина мира. Материалом для исследования послужили устные публицистические выступления журналистов (и стенограммы этих публицистических выступлений) в прямом эфире радиoproграммы «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы» за период с 2010 по 2013 годы. Данный материал представляет собой речь журналистов в прямом радиэфире, соответственно, обладает свойством спонтанности, характерным для устной речи, что делает доступным для наблюдения проявленные спонтанно инварианты когнитивных операций. В статье верифицируется гипотеза о том, что вне зависимости от контекстуальных условий и независимо от многообразия вариантов реализации когнитивных операций в речевой деятельности журналиста проявляются инвариантные модели оценивания, прогнозирования, выведения закономерностей, инструментального алгоритма. Проведенная работа вписана в когнитивное направление современной лингвистики, в лингвоперсонологическое направление, в медиалингвистику, теорию и аксиологию журналистики.

O.A. Noskova. Linguocognitive journalist style: from information processing mechanisms to linguistic world-image. The article is devoted to research of individual lingvocognitive style of a journalist as a chain of the regularities. The links of the chain are cognitive operations (information

processing mechanisms), individual structural-semantic models and a linguistic axiological picture of the world. As material for research oral publicistic speeches of journalists (and shorthand reports of these publicistic performances) served in the radio program air «Dissenting opinion» on Ekho Moskvyy radio station from 2010 for 2013. This material represents speech of journalists in a direct air, respectively, possesses property of spontaneity, characteristic for oral speech that makes available for supervision the invariants of cognitive operations shown spontaneously. In article the hypothesis that regardless of contextual conditions and irrespective of variety of options of realization of cognitive operations in speech activity of the journalist invariant models of estimation, forecasting, removal of regularities, tool algorithm are shown is verified. The carried-out work is entered in the cognitive direction of modern linguistics, in the lingvopersonologicheskyy direction, in media linguistics, the theory and a journalism axiology.

Чжан Сюеин. Исследование семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами. В данной статье приводится определение соматических фразеологизмов и анализ семантических особенностей соматических фразеологизмов с компонентами «голова», «глаз», «нос» и т.д. Соматические фразеологизмы являются одним из самых ярких составляющих фразеологизмов в русском языке. В последние годы усилился интерес к фразеологии, содержащей в своем составе соматизмы – имена существительные с исходным значением частей тела человека. Выбор именно этих фразеологизмов обусловлен тем, что соматические фразеологические единицы являются коммуникативно наиболее значимой и высокопродуктивной частью фразеологического состава. Тело человека, действительно, широко представлено путем включения его наименований в компонентный состав фразеологизмов русского языка. Соматизмы, содержащиеся во фразеологизмах, выполняют разнообразные семантические функции. В нашей работе мы проанализировали определенные культурные смыслы и семантические функции, воплощенные в «телесных» компонентах фразеологических единиц. В соответствии с этим в процессе обучения китайских студентов русскому языку необходимо учитывать семантическую специфику соматических фразеологизмов.

Zhang Xueying. Semantic feature analysis of idioms with body language elements. This article provides a definition of somatic idioms and semantic analysis of the physical characteristics of the components in phraseology «head», «eyes», «nose», and so on. Somatic idioms are one of the most exciting components of the phraseology in Russian language. In recent years, increased interest in phraseology, containing in its composition

somatism - nouns with an initial value of human body parts. The choice of these idioms dues to the fact , that somatic communicative phraseological units are the most important and highly productive part of idiomatic composition. The human body is indeed well represented by the inclusion of items in the component structure of the Russian language idioms. Somatism contained in phraseology, perform a variety of semantic functions. In our study, we analyzed the specific cultural meanings and semantic functions embodied in the "physical" components of phraseological units. So it is necessary to consider these semantic characteristics of idioms in body language in teaching Russian for Chinese students.

Н.А. Разливинская. Когнитивно-фреймовая модель интерсемиотического перевода (на материале кинотекстов Р. Каstellани,Ф. Дзеффирелли, Э. Ракова, Б. Лурмана пьесы «Ромео и Джульетта» У. Шекспира). Данная статья посвящена лингвокогнитивному исследованию переводов вербального текста пьесы «Ромео и Джульетта» в кинотекст. Выделяется семантическая инвариантная структура поликодового текста, которую можно представить в виде фреймов-сценариев. Модель фрейм-сценария отображает типичные ситуации действительности, представленные в исходном тексте, и определяет построение кинотекста. Детально исследуется иконическо-символическая репрезентация слотовой и терминальной информации фрейм-сценария, отражающая особенности индивидуальной интерпретации фреймов авторами кинотекста. В структуре фрейма можно выделить значимые оппозиции, обуславливающие внутреннюю динамику развития действия, представленные динамическими субфреймами. Для интерпретации глубинной семантической структуры текста проводится когнитивный анализ механизмов интерсемиотического перевода. Иконическо-символическая составляющая кинотекста является слотовой и терминальной информацией основных фрейм-сценариев, трансформированной с помощью интерсемиотического перевода в другую семиотическую систему.

N.A. Razlivinskaya. Cognitive frame modeling of intersemiotic translation (on the material of screen texts by R. Castellani, F. Zeffirelli, A. Rakoff, B. Luhrman of W. Shakespeare's play «Romeo and Juliet»). The paper is devoted to linguistic and cognitive analysis of the translations of the play «Romeo and Juliet» into screen text. The invariant semantic structure of the polycode text can be outlined which is further subdivided into script frames. Script frame model reflects stereotype situations of the domain text and defines the building of the screen text. Detailed analysis of

the iconic and symbolic means of expression of the script frames terminals and slot information allows one to reveal the peculiarities of the script's interpretation and the perception of the storyline. The frame structure is presented by frames oppositions regulating the developing of the situation in the text. Cognitive analysis of the scheme of intersemiotic translation allows one to reveal the peculiarities of the interpretation of the semantic invariant structure of the whole text. Iconic and symbolic signs of the target screen text are the result of intersemiotic translation of the script frame information in the domain text.

Л.Э. Салихова. Особенности восприятия и произношения звуков русской речи, отсутствующих в родном языке учащихся начальных классов лезгинской школы. Основные нарушения произносительных норм русского языка учащимися начальных классов лезгинской школы связаны с нарушениями произношения твердых и мягких согласных, так как данный ДП образует основу фонологической системы русского языка. Около 80% произносительных ошибок учащихся начальных классов связано с нарушением норм восприятия и воспроизведения твердых и мягких согласных. Основными причинами неразличения твердых и мягких согласных в различных фонетических позициях является межъязыковая звуковая интерференция и сложный характер артикуляционно-акустических особенностей твердых и мягких согласных. У учащихся не выработан фонематический слух по дифференцированному восприятию звуков русского языка. Перед гласными переднего ряда наиболее трудными для билингвов являются произношение мягких губных согласных [п'],[б'],[ф'],[в'],[м']. Мягкие губные билингвы произносят как звукосочетание [пй] или как твердые согласные. В русском языке согласные [ц-ш-ж] обладают нефонологической твердостью. Учащиеся их произносят мягко. Причиной такой субституции является межъязыковая звуковая и графическая интерференция.

L.E. Salikhova. The features of perception and pronunciation of Russian speech sounds lacked in the native language of elementary Lezghin school pupils. The basic infringements of articulatory norms of Russian language by pupils of initial classes of Lezghin school are connected with infringements of pronunciation of hard and soft consonants since the Differential Feature forms a base of phonologic system of Russian. About 80 % of articulatory mistakes of pupils of initial classes is connected with infringement of norms of perception and reproduction of hard and soft consonants. Principal causes of indistinction of firm and soft consonants in various phonetic positions is interlingual sound interference and difficult

character of articulate-acoustic features of hard and soft consonants. The phonemic hearing on the differentiated perception of sounds of Russian language is not developed by pupils. The most difficult for bilinguals is the pronunciation of soft labial consonants [p'], [b'], [f'], [v'], [m'] in front of [i], [e] Bilinguals pronounce soft labial sounds as a sound combination [py] or as hard consonants. In Russian consonants [ts-sh-zh] have unphonologic hardness. Pupils pronounce them softly. The reason of such substitution is the interlingual sound and graphic interference.

А.И. Куляпин, А.А. Чувакин. Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней. В данной публикации приводятся материалы к разделу «Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней» учебного пособия для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки 032700 Филология. Изложение ведется в историко-научном аспекте и охватывает основные периоды развития связей филологии и коммуникативных наук в XX веке: первая половина века, третья четверть века, конец XX – начало XXI века. Учтены работы крупнейших филологов и специалистов в области коммуникативных наук в нашей стране и за рубежом (М.М. Бахтина, Д. Карнеги, В.Н. Волошинова, Г.М. Маклюэна, Р. Якобсона, Ю.М. Лотмана, Г.В. Колшанского, У. Эко и др.). Эти работы характеризуются на фоне особенностей каждого периода, концептуальных идей каждого из авторов. Представлены вступительная статья в первый раздел учебного пособия, перечень текстов, извлечения из которых будут помещены в книгу, список дополнительной литературы, вопросы и задания. Важно, что в книге будут помещены извлечения из текстов на русском (оригинальные и переводные) и других языках. Публикация имеет предварительный характер и предназначена для обсуждения.

A.I. Kulyapin, A.A. Chuvakin. Cross-movement of Philology and Humanities from Bakhtin to our time. The article provides materials for the unit «Cross-movement of Philology and Humanities from Bakhtin to our time» of the textbook for master students of the degree program 032700 Philology.

+ англ. Вставка

Presented an introductory article to the first section of text-book, a list of texts, extract of which will be placed in the book, a list of additional literature, questions and tasks.

+ англ. Вставка

The article is a preliminary study intended for consideration.

С.А. Добричев. О прагматических факторах в семантико-синтаксической категории конверсности. В статье представлен анализ прагматических факторов, влияющих на выбор адекватных конверсных структур современного английского языка. На основании гипотезы, согласно которой выбор альтернативных конверсных структур в динамичном и сложном порождающем процессе речетворчества обусловлен факторами, имеющими семантическую, синтаксическую и прагматическую природу, выделяются ключевые прагмасемантические параметры, определяющие использование одного из членов конверсной синтаксической парадигмы в дискурсе, в частности такое ключевое прагматическое понятие, имеющее также и логико-семантическую природу, как референция говорящего. На примере анализируемого материала в статье доказывается, что в абсолютном большинстве случаев реализуется коммуникативно-тематический принцип “от известного – к неизвестному”: при прочих равных условиях преимущественное право точки отсчета отношения в предложении текста получает актант, идентифицированный и говорящим, и слушающим, при этом, как правило, актант с интродуктивной или неопределенной референцией занимает позицию в правом окружении конверсного предиката.

S.A. Dobrichev. On pragmatic factors in semantico-syntactic category of converseness. The article deals with the analysis of pragmatic factors which influence the choice of adequate converse structures in Modern English. The article focuses on the main pragmasemantic parameters determining the use of a member of a converse syntactic paradigm in discourse.

Д.А. Кожанов. Язык науки в механизмах создания смыслов в художественном тексте. В статье сопоставляются традиционный и современный подходы к определению и описанию языка науки. Функционирование единиц языка науки рассматривается в неразрывной связи со стоящими за языковыми знаками структурами сознания, в связи с чем поднимается проблема создания смыслов в художественном тексте. В статье выделяются основные аспекты соотношения в ментальном мире человека научного понятия и концепта, научной картины мира и практической (наивной) картины мира с точки зрения реконструирования языковой личности исследователя на материале художественных текстов. Материалом исследования выступают тексты, состоящие из множества субтекстов, принадлежащих различным дискурсивным формациям. Интертекстуальность рассматривается как способ построения собственного текста через сложную систему отношений с текстами других авторов. Делается акцент на случаях заимствования не

отдельных концептов, а фреймов, организующих познавательную деятельность человека и упорядочивающих его опыт. В статье рассматриваются различные точки зрения на понятие репрезентации и предлагается разграничивать ментальные и вербальные репрезентации. Задачей лингвистического анализа должна быть не только вербальная репрезентация, но и ментальная, так как второй тип репрезентации предполагает одновременно и знание языка, и знание реального мира. В статье анализируются методологические посылки современной когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания, в отношении ментальных и языковых репрезентаций. Исследуется современное состояние теории репрезентации и ее значение для когнитивной лингвистики в целом. В статье дается характеристика совокупного коллективного знания как объекта когнитивной науки, уточняется его роль и значимость в современном мире.

D.A. Kozhanov. Language of science in procedures of generation of meanings in the fictional text. The paper presents the analysis of traditional and modern approaches to definition and description of language of science. Language functioning is viewed in its inseparable unity with mental structures connected with language signs. Consequently, there appears a problem of procedures of generation of meanings in the fictional text. The article focuses on the main aspects of correlation of the concept and scientific notion, on the one hand, and scientific picture of the world and practical picture of the world, on the other hand. This approach is determined by the necessity of detailed analysis of researcher's personality on the material of fictional texts. The corpus of fictional texts is presented by texts consisting of numerous subtexts belonging to different discursive formations. Intertextuality is interpreted as the means of creation of the text on the basis of complex system of relations with texts belonging to different authors. The article also highlights the cases when the author borrows not only single concepts but also frames which organize cognitive human activity and categorize the experience. The article analyses the different views about the concept of representation and covers the problem of differentiating between mental representations and verbal representations. The goal of linguistic analysis must become not only the verbal, but also mental representation, for the latter type suggests both the knowledge of language and the knowledge of the real world. The article deals with methodology of modern cognitive-discursive paradigm in relation to language and mental representations. The significance of this approach to representationalism for the development of cognitive-discursive paradigm is investigated. In the article the character-

ristics of common collective knowledge as an object of cognitive science are given, its role and importance in modern society are clarified.

И.В. Рогозина. Концепт «Интернет» в американском и русском языковом сознании. Настоящая статья является продолжением исследования, предпринимаемого с целью создания многомерной модели сетевого сознания. Построение многомерной модели осуществляется на основе данных, полученных в результате таких экспериментальных методов, как метод неоконченной фразы и метод свободного ассоциативного эксперимента. В статье предпринимается попытка верификации предположения об универсальном характере формируемых под влиянием Интернета познавательных структур. В качестве респондентов выступают американские и российские информанты. Анализ полученных экспериментальных данных позволяет обосновать тезис об универсальном характере когнитивных структур, порождаемых деятельностью пользователя в Интернете. Моделирование фрагмента сетевого сознания осуществляется с опорой на зафиксированные обеими группами респондентов когнитивные признаки Интернета. По этой причине построенная модель позволяет обнаружить антропологически значимое структурное устройство Интернета.

IV. Rogozina. Concept «Internet» in American and Russian language consciousness. The paper is a continuation of research aimed at simulating multidimensional mental structures formed as a result of using the Internet. Simulation of the multidimensional mental structures is accomplished on the basis of data obtained through the use of such experimental methods as the method of an uncompleted phrase and the associative experiment. The paper is an attempt to verify a hypothesis about the universal character of mental structures formed under the influence of the Internet. An equal number of Russian and American respondents took part in the experiment. Analysis of the obtained data supports the hypothesis about the universal format of cognitive structures generated by the users' activities in virtual space. The respondents' reactions reveal cognitive characteristics of the Internet as constituents of net consciousness. As a result the simulation allows to reveal anthropologically significant structure if the Internet.

С.Е. Родионова, Т.В. Григорьева, А.Е. Родионова. Самостоятельная работа студентов-филологов при компетентностном подходе: особенности использования инновационных образовательных технологий. В статье описываются подходы к применению инновационных образовательных технологий, активных и интерактивных методов обучения в

организации самостоятельной работы студентов при реализации федеральных государственных образовательных стандартов на примере подготовки бакалавров по направлению «Филология». На основании итогов мониторинга эффективности внедрения федеральных государственных образовательных стандартов показывается состояние дел с организацией самостоятельной работы студентов в российских вузах и предлагаются пути ее совершенствования. Основным тезисом становится необходимость последовательного применения компетентного подхода при выборе образовательных технологий. В статье сделана попытка проследить, как образовательные технологии, основанные на применении активных и интерактивных методов обучения, в соотнесении их с конкретными дисциплинами и формируемыми общекультурными и профессиональными компетенциями бакалавра по направлению «Филология» могут быть использованы для успешной организации самостоятельной работы студентов-филологов.

S.E. Rodionova, T.V. Grigoreva, A.E. Rodionova. Philology students' self-study within competence approach: the peculiarities of use of innovative education technologies. The article focuses on the approaches to the introduction of innovative educational technologies, active and interactive teaching methods in students' self-study organization aimed at the realization of the federal national educational standards exemplified by bachelors majoring in Philology. The current state of students' self-study in Russian institutions of higher education and ways of its improvement are described and discussed on the basis of the results of monitoring the efficiency of federal national standards implementation. The basic thesis is the necessity of consistent competence approach implementation while choosing educational technologies. The article tracks down the way educational technologies based on active and interactive teaching methods in compliance with concrete disciplines and general cultural and professional competences bachelors majoring in Philology are to acquire can be used for successful philology students' self-study.

НАШИ АВТОРЫ

**АЛЕКСЕЕВ,
Павел
Викторович**

– кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: conceptia@mail.ru

**ВИКТОРОВА,
Елена
Юрьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: helena_v@inbox.ru

**ГАБДУЛЛИНА,
Валентина
Ивановна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: vjgv@mail.ru.

**ГРИГОРЬЕВА,
Татьяна
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: tagrig8@mail.ru

**ДОБРИЧЕВ,
Сергей
Александрович**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: dsa@uni-altai.ru

**ДУСКАЕВА,
Лилия
Рашидовна**

– доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета.
E-mail: LRD2005@yandex.ru

- КОЖАНОВ,**
Дмитрий
Алексеевич – кандидат филологических наук, докторант
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: dsf4k@mail.ru
- КОЛЕСНИКОВА,**
Анна
Юрьевна – аспирант Луганского национального
университета им. Т. Шевченко.
E-mail: annushka.ua1989@mail.ru
- КУЛАКОВСКАЯ,**
Евгения
Ивановна – аспирант Алтайской академии экономики и
права (Барнаул).
E-mail: gostiay2904@rambler.ru
- КУЛЯПИН,**
Александр
Иванович – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru
- МАРТЬЯНОВА,**
Наталья
Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент
Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова.
E-mail: nata-m@bk.ru
- МАСЛОВА,**
Алина
Юрьевна – доктор филологических наук, профессор
Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарева (Саранск).
E-mail: al_mas@mail.ru
- НОСКОВА,**
Ольга
Александровна – ассистент Кемеровского государственного
университета.
E-mail: ol-noskova@rambler.ru
- РАЗЛИВИНСКАЯ,**
Наталья
Александровна – аспирант Благовещенского государственного
педагогического университета.
E-mail: klinnat@mail.ru

- РОГОЗИНА,
Ирина
Владимировна** – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: irogozi@mail.ru
- РОДИОНОВА,
Анна
Евгеньевна** – кандидат филологических наук, доцент
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: aer1969@mail.ru
- РОДИОНОВА,
Светлана
Евгеньевна** – кандидат филологических наук, доцент
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: rse14@mail.ru
- САЛИХОВА,
Лариса
Эслафиновна** – кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Дербентского филиала Дагестанского
государственного педагогического университета.
E-mail: salihova.larisa2014@yandex.ru
- САФРОНОВА,
Елена
Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: esafr@mail.ru
- СОСУНОВА,
Галина
Александровна** – кандидат филологических наук, доцент
Российской таможенной Академии (Люберцы).
E-mail: galinaRTA@mail.ru
- ФЕДЯЕВА,
Елена
Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент
Новосибирского государственного технического
университета.
E-mail: fedyaeva_lena@mail.ru
- ЧЕСНЯЛИС,
Полина
Анатольевна** – аспирант Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: chesnyalis@yandex.ru

**ЧЖАН,
Сюеин**

– кандидат филологических наук, доцент
Шеньяского политехнического университета
(КНР).
E-mail: zxy1979_1@163.com

**ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 02.07.2013. Подписано в печать 04.07.2013. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 151.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2013

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарию журнала Василенко Татьяна Николаевна. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.
2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**
3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.